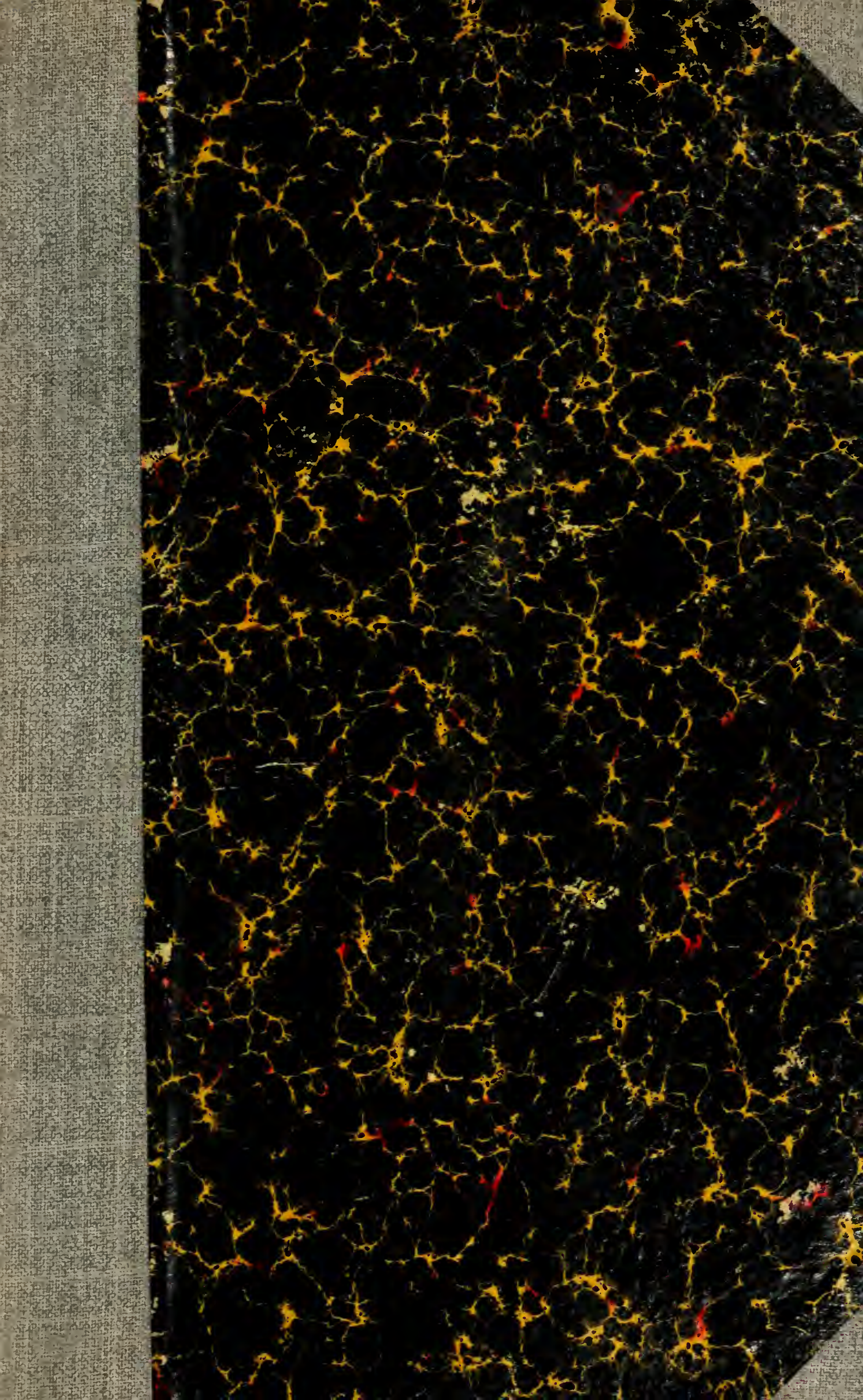


75
X

К
ОБ

„ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА“
XXIII

С. С. ВАН-ДАЙН

Злой геній Нью-Іорка

РОМАН

Книгоиздательство „Общедоступная библіотека“
Рига, Маріинская ул. № 6

Типографія А. О. „Э. Левинъ“,
Рига, Мельничная ул. 33.

Глава I

Кто убил Кок-Робина *)

Суббота, 2-го апрѣля, полдень.

Из всѣх уголовных дѣл, в которых Фило Ванс принимал участіе в качествѣ неоффиціальнаго слѣдователя, самым мрачным, самым необыкновенным, самым, повидимому, непонятным и самым ужасающим было дѣло об убійствах, по раскрытію которых Ванс работал вмѣстѣ со своим другом Джоном Маркхемом, участковым Нью-Іоркским слѣдователем, и которое стало извѣстно под названіем „дѣла Епископа". Названіе было очень неудачное, так как в этом отвратительном спискѣ убійств, заставившем массу людей с особым вниманіем читать стишки из дѣтской книжки, не было ничего клерикальнаго, так же как и фамиліи „Бишоп" **) не носило ни одно лицо, хотя бы отдаленно связанное с чудовищными происшествіями, извѣстными под этим заголовком. Но до нѣкоторой степени названіе все-таки оправдывалось, так как убійца пользовался словом „епископ" с самыми преступными намѣреніями. Именно это слово и привело Ванса к открытію невѣроятной истины и дало возможность положить конец ряду самых ужасающих в исторіи полиціи преступленій.

В прекрасный, теплый весенній день, каким иногда

---

*) Кок-Робин дѣтское названіе лѣсной птички — зяблика.

**) Бишоп по-англійски значит епископ, а также шахматная фигура—слон.

небо дарит Нью-Іорк в апрѣлѣ, Ванс завтракал в садикѣ на крышѣ своей квартиры на 38-й Восточной улицѣ. Было близко к полудню, Ванс работал и читал по ночам, поэтому вставал поздно. Он сидѣл развалясь в удобном креслѣ, перед ним на низеньком столикѣ стоял завтрак; грустными глазами смотрѣл он сверху на вершины деревьев, росших на заднем дворѣ.

Уже много лѣт я был другом и юридическим совѣтником Ванса, кѣм-то вродѣ управляющаго денежными дѣлами и компаньона. Я покинул нотаріальную контору моего отца под фирмой „Ван-Дайн, Дэвис и Ван-Дайн“ и посвятил себя веденію дѣл Ванса, что я находил болѣе подходящим для себя, чѣм сидѣніе в душной конторѣ; и хотя у меня была собственная холостая квартира в одном из отелей в западной части города, большую часть времени я проводил у Ванса.

В это утро я пришел очень рано; Ванс еще не вставал, и, просмотрѣв счета на первое число мѣсяца, я лѣниво курил трубку пока тот завтракал.

Едва успѣл Ванс налить себѣ вторую чашку кофе, как в дверях с переносным телефоном в руках появился Керри, его старый камердинер и повѣренный во всѣх дѣлах.

— Это говорит м-р Маркхем, сэр, — извиняющимся тоном сказал старик. Он требовал вас очень настойчиво, поэтому я и осмѣлился сказать ему, что вы дома.

Он вставил конец проволоки в выключатель и поставил аппарат на столик.

— Хорошо, Керри, — тихо сказал Ванс и взял трубку.—Пусть хоть что нибудь нарушит это дьявольское однообразіе,—и он заговорил с Маркхемом.—Ну, что, старина, не спишь? А я ѣм яичницу; хочешь присоединиться? Или просто желаешь наслаждаться музыкой моего голоса?

Вдруг он остановился, и с его худощаваго лица исчезло шутливое выраженіе. Ванс имѣл типичныя черты сѣверянина: длинное лицо с рѣзкими чертами, сѣрые, широкоразставленные глаза, узкій орлиный нос и прямой, удлиненный подбородок. Рот у него был твердый,

красиво выдѣлявшійся на блѣдном лицѣ, но была в нем черта какой-то циничной жестокости, дѣлавшей его болѣе похожим на обитателя полосы Средиземнаго моря, чѣм сѣвера. Лицо было сильное и привлекательное, но нельзя сказать чтобы очень красивое. Это было лицо мыслителя, отшельника, и строгость его выраженія всегда была преградой между ним и его товарищами.

Он был неподвижен по природѣ и пріучил себя к сдержанности в проявленіи чувств, но в это утро, я замѣтил, что он был не в состояніи скрыть жаднаго интереса к тому, что ему говорилось. Лоб его слегка сдвинулся в складки, в глазах мелькало изумленіе. Время от времени он давал выход своим чувствам любимыми восклицаніями: „изумительно!“ или „необычайно!“ или „честное слово!“

И когда, через нѣсколько минут, он заговорил сам, в его манерах чувствовалось странное возбужденіе.

— О, конечно!—сказал он.—Это право безумно... Сейчас одѣнусь. До свиданія.

Положив трубку на мѣсто, он позвонил.

— Подать сѣрый костюм,—приказал он Керри,—темный галстук и шляпу.—Потом он опять вернулся к яичницѣ.

Через нѣсколько мгновеній он вопросительно посмотрѣл на меня.

— Вы знаете что-нибудь о стрѣльбѣ из лука, Ван?—Спросил он.

Я конечно не знал ничего, кромѣ того, что надо было пускать стрѣлы в цѣль, что я и пояснил ему.

— Ну, вы не очень то освѣдомлены,—и он лѣниво закурил папиросу.

— Я и сам не могу назваться авторитетом в этом дѣлѣ, но в Оксфордѣ я немного упражнялся в стрѣльбѣ из этого средневѣковаго оружія. Это не особенно интересная забава, гораздо скучнѣе чѣм гольф и совершенно такая же сложная.

Нѣкоторое время он мечтательно курил.

— Ван, принесите мнѣ том словаря, гдѣ говорится о стрѣльбѣ из лука, будьте добры.

Я принес книгу, и почти на полчаса он погрузился в главы о стрѣлковых обществах, турнирах, состязаніях и о знаменитых американских лучниках. Наконец он выпрямился в креслѣ. Очевидно он что-то нашел, что его смутило и заставило работать его быстрый ум.

— Это прямо безуміе, Ван,—сказал он, устремив глаза в пространство.—Средневѣковая трагедія в современном Нью-Іоркѣ! Клянусь Юпитером!..—Он внезапно выпрямился. — Нѣт, это совершенный абсурд. Я поддался безумію Маркхемовских сообщеній... Он выпил еще кофе, но по выраженію его лица я видѣл, что он не может освободиться от овладѣвшей им идеи.

— Еще одну услугу, Ван, — наконец сказал он,— принесите мнѣ нѣмецкій словарь и собраніе дѣтских стихотвореній Стивенсона.

Когда я принес оба тома, он посмотрѣл одно слово в словарѣ и отложил от себя книгу.

— К несчастью, это именно так, хотя я все время знал это.

Потом он отыскал в огромном томѣ Стивенсона отдѣл дѣтских стихотвореній. Через нѣсколько минут он закрыл также и эту книгу, и вытянувшись в креслѣ, стал пускать к потолку длинныя колеблющіяся ленты дыма.

— Это не может быть дѣйствительностью, — как будто возражая самому себѣ, сказал он.—Это слишком фантастично, что-то демоническое, совершенно извращенное... Волшебная сказка в кровавых тонах... Нѣчто противорѣчащее разуму... Немыслимое, как черная магія или колдовство. Это прямо безуміе...

Он посмотрѣл на часы и пошел в комнаты, предоставив мнѣ размышлять о причинах его необычнаго волненія. Трактат о стрѣльбѣ из лука, нѣмецкій словарь, собраніе дѣтских стихотвореній, непонятныя восклицанія Ванса касательно безумія и фантастики—какая могла быть связь между всѣм этим? Я пытался подыскать объясненіе но безуспѣшно. Да и не удивительно, что мнѣ это не удалось. Даже когда открылась

правда, когда, через недѣли, она явилась в подтвержденіи несомнѣнных доказательств, нормальный человѣческій ум отказывался воспринять ее, до того она была невѣроятна, до того омерзительна.

Ванс вскорѣ прервал мои размышленія. Он был одѣт для выхода на улицу и, повидимому, нетерпѣливо ожидал задержавшагося Маркхема.

— Знаете, мнѣ очень хотѣлось чего-нибудь интереснаго, какого-нибудь славнаго, захватывающаго преступленія,—замѣтил он—но честное слово—я вовсе не хотѣл такого кошмара. Если бы я не знал так хорошо Маркхема, я бы заподозрил его в том, что он издѣвается надо мною.

Когда, через нѣсколько минут, Маркхем поднялся в садик на крышѣ, было болѣе чѣм ясно, что он очень озабочен. Выраженіе его лица было мрачно, обычная привѣтливость замѣнилась сухой оффиціальностью. Маркхем и Ванс уже пятнадцать лѣт были близкими друзьями, хотя по природѣ это были антиподы: один суровый, быстрый, смѣлый, прямой, тягостно серьезный, другой капризный, циничный, любезный, смотрѣвшій свысока на житейскія мелочи. Они хорошо дополняли друг друга, и как часто на такой основѣ строится неразрывная, долговременная близость!

В теченіе года и четырех мѣсяцев Маркхем был участковым слѣдователем Нью-Іорка, за это время он много раз обращался к Вансу за совѣтом в важнѣйших дѣлах, и Ванс никогда не обманывал довѣрія к своей способности правильно мыслить и схватывать на лету. Дѣйствительно, Ванс раскрыл большое число крупных преступленій, случившихся во время четырехлѣтняго пребыванія Маркхема на службѣ. Его знаніе человѣческой природы, большая начитанность, культурность, острота логической мысли, чуткость к скрытой под обманчивой внѣшностью истинѣ дѣлали его в высшей степени пригодным к работѣ слѣдователя, он и выполнял ее неоффиціально в тѣх процессах, которые велись Маркхемом.

Поэтому ничего нѣт удивительнаго, что в дѣлѣ Епископа Маркхем с самаго начала обратился к Вансу.

Я замѣтил, что все больше и больше полагался он на помощь друга в разслѣдованіи уголовных преступленій; в данном случаѣ особенно было удачно, что он обратился к Вансу, потому что только благодаря его глубокому знанію ненормальных психологических проявленій человѣческаго разума, удалось раскрыть страшный, безумный план и узнать, кто его задумал и выполнял.

— Может быть все это просто мистификація,—говорил Маркхем без всякой, впрочем, убѣжденности.—Но я думал, что может быть ты и захочешь...

— О, конечно! — Ванс саркастически улыбнулся Маркхему.—Присядь на минутку и разскажи мнѣ толком всю исторію. Труп вѣдь не убѣжит. И гораздо лучше привести в нѣкоторый порядок все нам извѣстное, прежде чѣм заняться остальным. Кто является, например, сторонами в этом дѣлѣ? И почему это обратились прямо в камеру слѣдователя уже через час послѣ смерти жертвы? Все, что ты мнѣ говорил, кажется величайшей безсмыслицей.

Маркхем в раздумьѣ сѣл на край стула и внимательно осмотрѣл кончик своей сигары.

— Чорт возьми, Ванс не дѣлай из этого Удольфской тайны. Преступленіе достаточно ясно. Способ убійства необыкновенный, это я допускаю, но конечно, он не достиг цѣли. За послѣднее время стрѣльба из лука вошла в моду. В каждом городѣ, в каждом колледжѣ упражняются в стрѣльбѣ из лука.

— Совершенно согласен. Но убивали из лука Робинов в очень отдаленныя времена.

Глаза Маркхема сузились, и он испытующе посмотрѣл на Ванса.

— Тебѣ тоже пришло это в голову?

— Пришло мнѣ это на ум? Да эта мысль вспыхнула в моем мозгу в ту минуту, как ты назвал имя жертвы. — Ванс нѣсколько раз затянулся. — Кто убил Кок-Робина? Да еще стрѣлой из лука!... Удивительно, как эти стишки, заученные в дѣтствѣ, долго держатся в памяти. Между прочим, как зовут м-ра Робина?

— Кажется Джозеф.

— Неназидательно и невнушительно... А второе имя?

— Послушай, Ванс, — раздраженно сказал Маркхем.—Какое имѣет отношенiе к дѣлу второе имя убитаго?

— Ни малѣйшаго. Но, если уж сходить с ума, так слѣдует продѣлать для этого все необходимое. Обрывки разума не имѣют никакой цѣны.

Он позвонил Керри и послал его за телефонной книжкой. Маркхем протестовал, но Ванс сдѣлал вид, что не слышит, и когда книжка появилась, он нѣсколько минут рылся в ней.

— Покойный жил на Риверсайдской аллеѣ?—Наконец спросил он, остановив палец на найденном имени.

— Думаю, что так.

— Хорошо, очень хорошо!—Ванс закрыл книгу и устремил торжествующiй взор на участковаго слѣдователя.—Маркхем,—медленно заговорил он,—в телефонном спискѣ только один Джозеф Робин. Он живет на Риверсайдской аллеѣ и его второе имя—Кокрейн.

— Что за вздор?—Голос Маркхема почти дрожал от ярости.—Ну, пусть его зовут Кокрейн; неужели ты серьезно предполагаешь, что этот факт имѣет какое нибудь отношенiе к убiйству?

— Честное слово, старина, я ничего не предполагаю. — Ванс слегка пожал плечами. — Я только отмѣчаю, так сказать, нѣкоторые факты в связи с этим случаем. Вот как обстоит дѣло: м-р Джозеф Кокрейн Робин, т. е. Кок-Робин, убит стрѣлой из лука. Не покажется ли это даже твоему юридическому уму чертовски странным?

— Нѣт! — Коротко бросил Маркхем. — Имя покойника очень обыкновенное; и удивительно, что благодаря этому воскрешенiю стрѣльбы из лука, не убито или не ранено множество людей в странѣ. Кромѣ того, совершенно возможно, что смерть Робина является просто несчастным случаем.

— Прямо удивительно! — Ванс укоризненно покачал головой. — Этот факт, если даже это и правда, нисколько не разъясняет положенiя; он дѣлает его еще

страннѣе. Из тысяч поклонников стрѣльбы из лука в нашей прекрасной странѣ только один, по имени Кок-Робин, случайно убит стрѣлою! Это уже пахнет чѣм-то потусторонним... Неужели вы вѣрите в привидѣнія и злых духов?

— Мнѣ, значит, надо быть медіумом, чтобы допустить возможность совпаденія обстоятельств?

— Милый мой! Совпаденія не могут тянуться безконечно. Во всяком случаѣ, теперешнее положеніе несравненно сложнѣе, чѣм ты предполагаешь. Например, по телефону ты сообщил мнѣ, что послѣдній человѣк, бывшій с Робином перед его смертью, именуется Сперлингом.

— Какой же скрытый смысл заключается в этом фактѣ?

— Может быть ты знаешь, что значит по-нѣмецки „Sperling"? — Кротко спросил Ванс.

— Я вѣдь окончил высшую школу, — возразил Маркхем. Вдруг глаза его слегка раскрылись, и все тѣло напряглось.

Ванс подвинул к нему нѣмецкій словарь.

— Все-таки, отыщи это слово. Мы должны быть точны. Сам я его уже нашел. Я боялся, что воображеніе мое слишком разыгралось, и мнѣ захотѣлось увидѣть слово, написанным черным по бѣлому.

Маркхем молча раскрыл книгу и пробѣжал страницу глазами. Остановившись нѣсколько мгновеній на словѣ, он рѣшительно выпрямился, как будто стряхивая с себя невидимыя чары. Он заговорил вызывающим, враждебным голосом.

— „Sperling" значит воробей. Каждый школьник знает это. Что же, из этого?

— Все! — Ванс медленно закурил другую папиросу. — И каждый школьник знает старинные дѣтскіе стишки „Смерть и погребеніе Кок-Робина", ну, так как же? — Он поддразнивающе посмотрѣл на Маркхема, стоявшаго неподвижно под солнечными лучами. — Так как ты стараешься показать, что тебѣ неизвѣстно это классическое произведеніе, то разрѣши мнѣ продекламировать тебѣ первую строфу.

Холод, точно от присутствія какого-то невидимаго призрака, пробѣжал по моей спинѣ, когда Ванс повторил знакомыя с дѣтства строки:

Кто Кок-Робина убил?
„Я“, отозвался воробей.
„Из лука я своей стрѣлой
Кок-Робина убил“.

Глава II.

На площадкѣ для стрѣльбы из лука.

Суббота, 2-го апрѣля 12 ч. 30 м. пополудни.

Маркхем медленно перевел взгляд опять на Ванса.

— Это же безуміе, — произнес он, точно он встрѣтился с чѣм-то необъяснимым и ужасающим.

— Ну, ну! — Ванс слегка помахал рукою. — Это плагіат, я первый сказал это! Он старался шутливостью преодолѣть собственное чувство недоумѣнія. — Навѣрно тут есть и влюбленная, оплакивающая смерть Робина. Может ты помнишь куплет:

А кто же будет горевать?
Голубка отвѣчала: „Я!“
Погибла вѣдь любовь моя,
Так буду горевать...

Голова Маркхема слегка закинулась назад, пальцы забарабанили по столу.

— Боже милостивый, Ванс! Дѣйствительно в этом дѣлѣ есть и молодая дѣвушка. Очень может быть, что в основѣ тут лежит ревность.

— Ах, представь себѣ! Боюсь, что дѣло это постепенно разовьется в живыя картины для взрослых учеников дѣтских садов. Но задача наша облегчается. Нам остается только найти муху.

— Муху?

— Ну, да. Развѣ ты забыл, Маркхем?

„Кто видѣл, как он умирал?
Сказала муха: „я“
Моим маленьким глазком,
Я видѣла, как он умирает“.

— Спустимся на землю!—Рѣзко сказал Маркхем.— Это вѣдь не дѣтская игра. Это серьезное дѣло.

Ванс разсѣянно кивнул головой.

— Часто в жизни дѣтская игра превращается в самое серьезное дѣло. А это мнѣ не нравится, совсѣм не нравится. Слишком много в этом дѣлѣ ребячества, но свойственнаго ребенку, родившемуся старым, с поврежденным разсудком. Это что-то отвратительно извращенное. — Он глубоко втянул дым папиросы и сдѣлал рукой жест отвращенія.—Сообщи мнѣ подробности, надо же разобраться, каково наше положеніе в этом опрокинутом вверх ногами мірѣ.

— У меня немного подробностей. Я уже почти все передал тебѣ по телефону. Перед тѣм, как говорить с тобою, профессор Диллард вызвал меня.

— Диллард? Неужели профессор Бертранд Диллард?

— Он самый. Трагедія произошла в его домѣ. Ты знаешь его?

— Лично не знаком, знаю постольку, поскольку он извѣстен как величайшій из живущих физиков и математиков. У меня собраны почти всѣ его книги. Как же это вышло, что он вызвал тебя?

— Я знаком с ним уже около двадцати лѣт. В Колумбійском университетѣ я слушал у него курс математики, а позже вел кой-какія судебныя дѣла для него. Когда нашли тѣло Робина, он тотчас же протелеграфировал мнѣ. Это было около половины двѣнадцатаго. Я вызвал из уголовнаго бюро сержанта Хизса и передал ему дѣло, замѣтив при этом, что скоро пріѣду и сам. Потом я протелефонировал тебѣ. Сержант и его люди ожидают меня у Дилларда.

— А какая там домашняя атмосфера?

— Профессор, как тебѣ извѣстно покинул ка-

федру девять лѣт тому назад. С тѣх пор он живет на 75-ой Западной улицѣ, близ Риверсайдской аллеи. Он взял к себѣ пятнадцатилѣтнюю дѣвочку, дочь брата. Теперь ей около двадцати пяти лѣт. Затѣм у него живет его protégé, Сигурд Арнессон, мой товарищ по университету. Профессор его усыновил, когда он был еще юношей. Теперь Арнессону около сорока лѣт, и он состоит лектором математики в Колумбiйском университетѣ. Его привезли трехлѣтним ребенком из Норвегiи, и через пять лѣт он был круглым сиротой. Он, можно сказать, математическiй генiй, и вѣроятно Диллард замѣтив в нем будущаго математика и физика, усыновил его.

— Я слышал об Арнессонѣ, о его послѣдней книгѣ. Итак это трiо, Диллард, Арнессон и молодая дѣвушка, живут одиноко?

— С двумя прислугами. У Дилларда повидимому очень приличное состоянiе, и они не очень одиноки. Этот дом является святилищем для математиков, а кромѣ того у дѣвицы, любительницы спорта, составилось свое небольшое общество. Я нѣсколько раз бывал там и всегда находил гостей — то серьезных студентов в библiотекѣ, то шумливых молодых людей внизу в гостиной.

— А Робин?

— Он принадлежал к компанiи Белл Диллард — так, помятый жизнью молодой человѣк из общества, получившiй нѣсколько призов за стрѣльбу из лука.

— Да, я знаю. Я прочел его имя в этой книгѣ о стрѣльбѣ из лука. Он нѣсколько раз выходил побѣдителем на состязанiях: Я также отмѣтил, что м-р Сперлинг учавствовал в нѣскольких турнирах. И мисс Диллард тоже стрѣляет из лука, при том со страстным увлеченiем. Она и устроила Стрѣлковый Риверсайдскiй Клуб. Настоящая арена находится в Скарсдэлѣ, в домѣ м-ра Сперлинга, но мисс Диллард устроила площадку для упражненiй в стрѣльбѣ на боковом дворѣ в домѣ профессора. На этой площадкѣ и был убит Робин.

— Ага! и послѣднiй, видѣвшiй его перед

смертью, был м-р Сперлинг? А гдѣ же теперь наш воробей?

— Не знаю. Перед самой трагедіей он был вмѣстѣ с Робином, а когда нашли тѣло, его уже не было. Вѣроятно у сержанта есть какія нибудь свѣдѣнія.

— А что же касательно ревности, на которую ты указывал? — Вѣки Ванса лѣниво опустились, и он стал медленно, но тщательно закуривать, что случалось, когда он проявлял глубокій интерес к тому, о чем ему говорили.

— Профессор Диллард намекнул на существованіе привязанности Робина к его племянницѣ, а когда я его спросил, кто такой Сперлинг и какое его положеніе в домѣ, он сообщил, что Сперлинг также добивался руки дѣвушки. По телефону я не мог входить в подробности, но у меня осталось впечатлѣніе, что Робин и Сперлинг были соперниками, и что Робина предпочитали.

— Итак Воробей убил Кок-Робина? — Ванс с сомнѣніем покачал головою. — Нѣт, это не подходит, слишком уж просто. Тут что-нибудь болѣе глубокое, болѣе темное и страшное. Между прочим, кто же нашел Робина?

— Сам Диллард. Он вышел на балкончик на задней сторонѣ дома и увидѣл, что Робин лежит на площадкѣ со стрѣлою в сердцѣ. Он тотчас же спустился вниз с большими затрудненіями, так как старик ужасно страдает от подагры и, увидя, что Робин уже мертв, телефонировал ко мнѣ. Вот всѣ мои предварительныя свѣдѣнія.

— Не особенно блестящее освѣщеніе; но все-таки наводящее на мысли. Ванс встал. — Маркхем, друг милый, приготовься к чему-нибудь странному и скверному. Исключим случайность и совпаденіе, хотя обыкновенная стрѣла для стрѣльбы в цѣль может пробить одежду и грудную клѣтку, даже когда она пущена из лука средняго вѣса, самый факт убійства, человѣком, носящим имя „воробья“, другого человѣка, называвшегося Кокрейном Робином убійство с т р ѣ л о ю и з л у к а, исключает совершенно случайное сцѣ-

пленіе обстоятельств. Дѣйствительно, невѣроятная цѣпь событій указывает на наличность задуманнаго с дьявольской хитростью плана.

Он направился к дверям.

— Пойдем, познакомимся поближе с обстановкой преступленія.

Мы вышли и поѣхали в Маркхемовском автомобилѣ по городу. Через нѣсколько минут мы были на 75-ой западной улицѣ. Дом Дилларда под номером 391 был справа от нас. Между ним и Риверсайдской аллеей возвышался громадный пятнадцатиэтажный дом. Казалось, профессорскій домик пріютился, как будто прося защиты, в тѣни огромнаго строенія.

Дом Дилларда был выстроен из сѣраго, потемнѣвшаго от непогоды известняка в тѣ дни, когда дома строились для постояннаго жилья и уюта. Участок, на котором стоял дом, был по фасаду длиною в тридцать пять футов, а самый дом занимал двадцать пять футов. Остальные десять футов отдѣляли дом от пятнадцатиэтажнаго дома и закрывались от улицы десяти футовой каменной стѣной, с широкой желѣзной дверью посрединѣ.

Нѣсколько ступеней вели с улицы к узкому кирпичному крыльцу, украшенному четырьмя коринфскими колоннами. Во всю ширину дома во втором этажѣ тянулся ряд окон с оправленными в свинец стеклами. (Как я потом узнал, это были окна библіотеки). От дома вѣяло чѣм-то спокойным, старомодным; ни в каком случаѣ нельзя было предположить, что он является ареной отвратительнаго убійства.

Два полицейских автомобиля стояли вблизи входа, и с дюжину любопытных собралось на улицѣ. Караульный стоял у одной из колонн и смотрѣл скучающим взглядом на толпу.

Нас впустил старый лакей и повел в гостиную, налѣво от передней, гдѣ мы нашли сержанта Хизса и двух других людей из уголовнаго бюро. Сержант, курившій у стола, и засунувшій большіе пальцы в проймы жилета, выступил вперед и дружески протянул руку Маркхему.

— Очень рад вашему приходу, сэр, — сказал он и смущенный взгляд его холодных синих глаз как будто нѣсколько смягчился.

— Я ждал вас. В этом дѣлѣ много очень непонятнаго.

— Он увидѣл Ванса, и его широкое хитрое лицо засіяло добродушной улыбкой.

— Как поживаете, м-р Ванс? Мнѣ с самаго начала казалось, что вас тоже вовлекут в это дѣло. Чѣм вы были заняты в послѣдніе мѣсяцы?

Между Вансом и сержантом давно уже установились теплыя отношенія, основанныя на взаимном уваженіи и восхищеніи друг другом.

Ванс протянул руку, улыбка играла в уголках его рта.

— По правдѣ вам сказать, сержант, я пытался возстановить славу афинянина, по имени Менандра. Глупо, не правда-ли?

Хизс презрительно фыркнул.

— Ну, если уже вы в таком настроеніи, так навѣрно вы и здѣсь добьетесь чего-нибудь убѣдительнаго. — В первый раз я слышал комплимент, произнесенный его устами, очевидно кромѣ восхищенія Вансом, он испытывал смущеніе и колебанія.

Маркхем почувствовал неувѣренность сержанта и отрывисто спросил:

— Что же является особенно затруднительным в этом дѣлѣ?

— Я не говорил о затрудненіях, сэр, — возразил Хизс. — Кажется, как будто убійство этой птицы совершено по всѣм правилам, а я неудовлетворен, чорт побери! М-р Маркхем... это неестественно, это не имѣет смысла!

— Думаю, что я вас понимаю.—Маркхэм с одобреніем посмотрѣл на сержанта. — Вы склонны считать Сперлинга виновным в убійствѣ?

— Конечно, он виновен, — особенно подчеркнуто сказал Хизс. — Но не это меня тревожит. По правдѣ сказать не нравится мнѣ имя покойника, особенно потому, что убит он был стрѣлою из лука... — Он оста-

новился, немного сконфуженный. — А вам это не кажется странным, сэр?

Маркхем смущенно кивнул головой.

— Вы, как я вижу, лучше помните дѣтскіе стихи, — сказал он и отвернулся.

Ванс устремил на Хизса лукавый взгляд.

— Вы вот назвали сейчас Сперлинга „птицей“, сержант. Очень удачно. Сперлинг, видите ли, по-нѣмецки значит воробей. А вѣдь вы помните, именно Воробей убил Кок-Робина стрѣлой... Захватывающее отношеніе—не правда ли?

Сержант слегка выпучил глаза, губа у него отвисла. Он смотрѣл на Ванса с почти смѣшным изумленіем.

— Я говорил, что это очень трудное дѣло.

Маркхем дипломатично вмѣшался в разговор.

— Разскажите нам подробности, сержант. Я увѣрен, что вы уже допросили обитателей дома.

— Слегка поверхностно, сэр.— Хизс присѣл на угол стола и закурил погасшую сигару. — Я вас ожидал, я знал, что вы знакомы со старым джентльменом; так что я ограничился обычным полицейским допросом. В переулкѣ я поставил человѣка, чтобы никто не коснулся тѣла, пока не пріѣдет доктор Доремус, он прибудет сюда послѣ завтрака. Потом я вызвал по телефону дактилоскопов, они могут прибыть сюда каждую минуту, хотя и не знаю, что им здѣсь дѣлать...

— А что же вы скажете о лукѣ, из котораго была выпущена смертоносная стрѣла? — Спросил Ванс.

— Лук был бы для нас лучшей добычей, но старый м-р Диллард поднял его и принес в комнату. Его пальцы на нем должно быть и отпечатались.

— Но что же со Сперлингом?—Спросил Маркхем.

— Я узнал его адрес, он живет в загородном домѣ; я послал двух моих людей, чтобы они доставили его тотчас же, как найдут. Потом я поговорил со слугами, со стариком, впустившим вас с его дочерью, пожилой женщиной, служащей здѣсь кухаркой. Но никто из них, кажется, ничего не знает, или может быть не хочет знать. Потом я попробовал допросить молодую даму, хозяйку дома. — Сержант поднял обѣ руки с жестом

полнаго отчаянія. — Но она была так подавлена горем, так плакала, что я рѣшил предоставить вам удовольствіе бесѣдовать с нею. Сниткин и Берк,—он большим пальцем указал на двух сыщиков у окна,—обошли подвальный этаж, переулок и задній двор, но вернулись ни с чѣм. Вот и все, что мнѣ извѣстно. Как только доктор и люди из бюро прибудут сюда, и послѣ того как я откровенно поговорю со Сперлингом, шар покатится и дѣло начнет разъясняться.

Ванс испустил громкій вздох.

— Ужасный вы сангвиник, сержант! Смотрите, не разочаруйтесь, если ваш шар окажется параллелопипедом и не захочет катиться. В этой ребяческой чепухѣ что-то дьявольски страшное, и, если предчувствіе не обманывает меня, вам еще долго придется играть в жмурки.

— Да?—Хизс хитро, но довѣрчиво посмотрѣл на Ванса. Очевидно он и сам был болѣе или менѣе того же мнѣнія.

— Не позволяйте м-ру Вансу обезкураживать вас, сержант,—поддразнил его Маркхем. — Его всегда увлекает собственное воображеніе.—Потом с жестом нетерпѣнія он повернулся к двери.—Отправимся лучше осмотрѣть мѣстность, пока соберутся остальные. Потом я поговорю с профессором и другими членами семейства. Да, вы, сержант, не упомянули м-ра Арнессона, его нѣт дома?

— Он в университетѣ, но должен скоро вернуться.

Маркхем кивнул и пошел за сержантом в переднюю. Когда мы проходили по мягким коврам, устилавшим проход в заднюю часть дома, на лѣстницѣ послышался шорох, и чистый, хотя дрожащій женскій голос в полутьмѣ спросил:

— Это вы, м-р Маркхем? Дядѣ показалось, что он узнал ваш голос. Он ожидает вас в библіотекѣ.

— Через нѣсколько минут я явлюсь к нему, мисс Диллард. — Тон Маркхема был отеческій и симпатизирующій.

— Пожалуйста, останьтесь и вы, я бы хотѣл видѣть вас обоих.

Дѣвушка шопотом дала свое согласіе и исчезла на верху лѣстницы.

Мы пошли к задней нижней двери. Перед нами был узкій проход, оканчивающійся деревянными ступеньками, ведшими в подвальный этаж. Спустившись по этим ступенькам мы очутились в большой, низкой комнатѣ с дверью, выходившей прямо на площадку с западной стороны дома. Дверь эта была пріоткрыта, и в отверстіи стоял человѣк из уголовнаго бюро, поставленный там Хизсом для охраны трупа.

Комната была очевидно когда-то подвалом для провизіи, теперь же была передѣлана, заново выкрашена и служила клубной залой. Цементный пол был покрыт кокосовыми цыновками, одна стѣна цѣликом была увѣшана изображеніями стрѣлков в различныя эпохи. В комнатѣ стояло піанино и фонограф, множество удобных плетеных кресел, пестрый диван, посрединѣ громадный плетеный стол, заваленный всевозможными спортивными журналами и небольшой книжный шкаф, наполненный книгами о стрѣльбѣ из лука. В углу стояло нѣсколько мишеней, и их позолоченные диски и разноцвѣтныя кольца образовывали яркія свѣтовыя пятна в солнечных лучах, вливавшихся через окна.

Часть стѣны возлѣ двери была завѣшена длинными луками разнаго размѣра и вѣса, а возлѣ них большой старинный комод с инструментами. Над ним висѣл маленькій шкафик с разным необходимым в этом дѣлѣ хламом вродѣ повязок, перчаток для стрѣльбы, колышков, наконечников и тетивы. На большой дубовой панели между дверью и западным окном были размѣщены разнообразныя и самыя интересныя, какія я когда-либо видѣл, коллекціи стрѣл.

Эта панель обратила на себя особое вниманіе Ванса, он тщательно поправил подходя к ней свой монокль.

— Охотничьи и боевыя стрѣлы, — замѣтил он. — Обольстительны... А одна из них как будто исчезла. Вынута с большой поспѣшностью. Мѣдная перекладинка, державшая ее на мѣстѣ, сильно погнута.

На полу стояло нѣсколко колчанов, наполненных

стрѣлами для попаданія в мишень. Он нагнулся и, вынув одну из них, протянул ее Маркхему.

— Не похоже на то, чтобы эта крѣпкая вещь могла пробить грудь человѣка, но на разстояніи восьми ярдов она может насквозь пронзить оленя... Почему же не хватает охотничьей стрѣлы на панели? Очень интересно.

Маркхем нахмурился и сжал губы; я надѣялся, что он все еще цѣпляется за угасающую надежду, что трагедія является лишь несчастным случаем. Он безнадежно швырнул стрѣлу на стул и пошел к выходной двери.

— Посмотрим на тѣло и на его мѣстоположеніе, — сказал он ворчливо.

Когда мы вышли на теплое весеннее солнце, я почувствовал себя совершенно изолированным. Узкая, вымощенная площадка, на которой мы стояли, напоминала каньон между двумя отвѣсными каменными берегами. Она была футов на пять ниже уровня улицы, на которую можно было подняться по небольшой лѣстницѣ, ведущей к воротам в стѣнѣ. Ровная, лишенная окон задняя стѣна многоквартирнаго дома напротив поднималась вверх на 150 футов; да и самый дом Диллэрда, хотя всего четырехъэтажный, по теперешним архитектурным мѣркам равнялся по высотѣ шестиэтажному дому. Хотя мы стояли под открытым небом в сердцѣ Нью-Іорка, ни откуда нельзя было нас видѣть, кромѣ как из боковых окон Диллардовскаго дома и из выступающаго окна дома 75ой улицы, задній двор котораго примыкал к участку Дилларда.

— Дом этот, как мы вскорѣ узнали, принадлежал нѣкоей миссис Друккер, и ему предназначено было сыграть существенную и трагическую роль в дѣлѣ раскрытія убійства Робина. Нѣсколько больших ивовых деревьев замаскировали его задніа окна, и только из этого выступающаго окна открывался вид на ту часть площадки, гдѣ мы стояли.

Я замѣтил, что Ванс все время смотрѣл на это окно, и что по лицу его пробѣгали тѣни по мѣрѣ того, как он изучал его. Но только спустя много времени я догадался что возбуждало его вниманіе.

Стрѣльбище простиралось от стѣны Диллардовскаго участка на 75-ой улицѣ до такой же стѣны Друккеровскаго участка 76-ой улицы, гдѣ на гладком песчаном ложѣ возвышалась куча кулей сѣна. Разстояніе между двумя стѣнами было в 200 футов, что, как я узнал впослѣдствіи, позволяло протянуть стрѣлбище на шестьдесят ярдов, так что можно было упражняться на нем в стрѣльбѣ на всѣ дистанціи, доступныя этому средневѣковому роду оружія.

В глубину Диллардовскій участок простирался на 135 футов, слѣдовательно Друккеровскій—был 65 футов глубиною.

Часть высокой желѣзной рѣшетки, раздѣлявшей оба задних двора в том мѣстѣ, гдѣ она должна была пересѣкать стрѣльбище, была снесена. В концѣ стрѣльбища с западной стороны Друккеровскаго участка был также дом с квартирами, занимавшій угол 75ой улицы и Риверсайдской аллеи. Между этими двумя огромными домами был узкій переулок, отдѣленный от стрѣльбища деревянной стѣнкой, в которой была продѣлана небольшая дверь с замком.

Тѣло Робина лежало почти у самой выходной двери клубной комнаты. Несчастный лежал на спинѣ, с раскинутыми руками и слегка согнутыми ногами, головой в сторону 76ой улицы. Робин был человѣк лѣт тридцати пяти, средняго роста, довольно полный. Лицо у него было круглое, гладко выбритое за исключеніем узких свѣтлых усов. Он был в спортивном костюмѣ из свѣтло-сѣрой фланели, в голубой шелковой рубашкѣ и в коричневых башмаках с резиновыми подошвами. Свѣтло-сѣрая шляпа лежала у его ног.

Возлѣ тѣла была большая лужа потемнѣвшей крови, принявшая форму громадной указующей руки. Но, что всѣх нас повергло в сверхъестественный ужас, это была тонкая стрѣла, торчавшая вертикально из лѣвой части груди.

Стрѣла выдавалась может быть на двадцать дюймов и там гдѣ она входила в тѣло, было большое темное пятно от сгустившейся крови. Но что придавало этому убійству особенную нелѣпость, — это красивое

опереніе стрѣлы. Перья были ярко краснаго цвѣта, а вокруг стержня были двѣ бирюзовых полоски, еще болѣе украшавших вѣстницу смерти. Я чувствовал какую-то нереальность этой трагедіи, как будто присутствовал на театральном представленіи для дѣтей.

Ванс стоял, засунув руки в карманы, и полураскрытыми глазами смотрѣл на труп. Несмотря на видимую небрежность его позы, я видѣл, что он оживлен, что ум его занят координированіем всѣх факторов развернувшейся перед ним драмы.

— Чрезвычайно странно, вот эта стрѣла, — говорил он, — предназначена для крупной дичи... несомнѣнно принадлежит этнологической выставкѣ, которую мы только что видѣли. И выстрѣл мѣткій, прямо в сердце без малѣйшаго уклоненія. Необыкновенно!... Маркхем, это нечеловѣческое искусство. Случайный выстрѣл мог конечно сдѣлать то же, но убійца этого молодца исключает всякія случайности. Эта крѣпкая охотничья стрѣла, выдернутая очевидно из панели, указывает на преднамѣренность. — Внезапно он нагнулся над тѣлом. — А, вот это интересно! Ложбинка на концѣ стрѣлы, отломана: стрѣла не могла держаться на тетивѣ. — Он повернулся к Хизсу. — Скажите мнѣ, сержант, гдѣ профессор нашел лук? — Недалеко от окна клубной залы?

Хизс вздрогнул.

— Прямо под окном, м-р Ванс. Теперь он лежит на фортепіано, в ожиданіи дактилоскопов.

— Боюсь, что они найдут лишь отпечатки руки профессора.

Затѣм Ванс открыл портсигар и выбрал другую папиросу.

— И я даже склонен думать, что и стрѣла совершенно чиста от отпечатков.

Хизс вопросительно посмотрѣл на Ванса.

— Что привело вас, м-р Ванс, к мысли, что лук был найден под окном? — Спросил он.

— Мнѣ казалось, что это логически вѣрное для него мѣсто, в связи с положеніем тѣла м-ра Робина.

— Убит в упор, вы хотите сказать?

Ванс покачал головой.

— Нѣт, сержант. Я просто отмѣтил тот факт, что ноги покойнаго направлены к двери в подвальный этаж, и что хотя его руки вытянуты, ноги согнуты. Развѣ так падает человѣк, пронзенный в сердце?

Хизс задумался.

— Нѣт, — допустил он. — Он навѣрно съежился бы больше, если бы даже упáл на спину, то ноги у него были бы выпрямлены, а руки прижаты к тѣлу.

— Именно так. Да посмотрите на его шляпу. Если бы он упал на спину, она была бы позади него, а не у ног.

— Скажите, Ванс, — рѣзко спросил Маркхем, — что у вас на умѣ?

— О, множество разных вещей. Но всѣ онѣ сводятся к одной совершенно нераціональной мысли, что покойный джентльмен не был убит стрѣлой из лука.

— Так зачѣм же, ради Бога...

— Совершенно правильно! Зачѣм вся эта безумная инсценировка? Честное слово, Маркхем, в этом дѣлѣ что-то нездѣшнее, ужасное.

В это время открылась подвальная дверь, и доктор Доремус в сопровожденіи сыщика Берка вышел на площадку. Он раскланялся весело и всѣм пожал руки, а потом с упреком посмотрѣл на Хизса.

— Право, сержант,— начал он жалобным тоном,— я только три часа из двадцати четырех отдаю на ѣду. и вы неизмѣнно избираете один из этих трех часов, чтобы мучить меня вашими проклятыми трупами. Вы портите мнѣ пищевареніе. — Он весело осмотрѣлся и тихонько свистнул, увидѣв Робина. — Боже мой! На этот раз вы выбрали для меня фантастическое убійство.

Он опустился на колѣни, и его привычные пальцы стали быстро ощупывать труп.

Маркхем смотрѣл сначала на него, а потом повернулся к Хизсу.

— Пока доктор занят осмотром, я поднимусь наверх и поболтаю с профессором Диллардом. — Потом

он обратился к доктору,—повидайтесь со мною перед уходом.

— О, конечно!—Доремус даже не посмотрѣл вверх. Он повернул тѣло на бок и стал ощупывать затылок.

Глава III.

Забытое пророчество.

Суббота, 2-го апрѣля; 1 ч. 30 м. пополудни.

В тот момент, когда мы вошли в холл, прiѣхали из главнаго управленiя капитан Дюбуа с сыщиком Беллом и эксперты по дактилоскопiи. Ожидавшiй их сыщик Сниткин тотчас же повел их к лѣстницѣ в подвальное помѣщенiе, а Маркхем, Ванс и я поднялись во второй этаж.

Библiотека была большая, роскошная комната по крайней мѣрѣ двадцати футов длиною, во всю ширину дома. Стѣны ея до потолка были уставлены полками с книгами, посрединѣ западной стѣны возвышался массивный бронзовый камин, громадный письменный стол был завален газетами и брошюрами. Широкiя кресла были обиты темной кожей.

Профессор Диллард сидѣл за письменным столом, одна нога его покоилась на бархатной скамеечкѣ; в углу у окна, на мягком креслѣ, прiютилась его племянница, сильная дѣвушка с классически правильными чертами, в строгом костюмѣ Tailleur. Старик не встал нам навстрѣчу и даже не извинился. Он считал, что мы знаем о его болѣзненном состоянiи. Маркхем объяснил причину присутствiя Ванса и меня.

— Очень сожалѣю, Маркхем,—заговорил профессор, когда мы всѣ усѣлись,—что причиной нашего собранiя является трагедiя; но видѣть вас всегда прiятно. Я полагаю, что вы желаете подвергнуть допросу меня и Белл. Спрашивайте обо всем, что вас интересует.

Профессор Бертранд Диллард был человѣк лѣт шестидесяти с небольшим, слегка сгорбленный от сидячей жизни, чисто выбритый, с густыми сѣдыми волосами. Его маленькіе глаза были замѣчательно проницательны; морщины вокруг рта придавали ему суровое выраженіе, свойственное людям, сосредоточенным на рѣшеніи трудных проблем. В чертах его лица сказывался мечтатель и ученый; и, как извѣстно всему міру, его дикія мечты о пространствѣ, времени и движеніи осуществились на основѣ новых научных фактов. Даже теперь на лицѣ его отражалась работа отвлеченной мысли, как будто смерть Робина являлась вмѣшательством во внутреннюю драму его мыслей.

Маркхем не сразу отвѣтил. Потом он заговорил с явной почтительностью.

— Пожалуйста, разскажите, сэр, что вам извѣстно о трагедіи, а я уже потом предложу вопросы, которые я сочту необходимыми.

Профессор протянул руку за старой пенковой трубкою, набил ее, зажег и усѣлся поудобнѣе в своем креслѣ.

— Я уже почти все разсказал вам по телефону. Робин и Сперлинг пришли сегодня к Белл около десяти утра. Но она уже ушла играть в теннис, и они остались ожидать ее внизу в гостиной. Я слышал, как они разговаривали там около получаса, а потом спустились в клубную комнату. Я провел здѣсь около часа за чтеніем, а потом, так как солнце свѣтило так ласково, я рѣшил выйти на задній балкон. Пробыв там около пяти минут, я почему-то взглянул вниз на стрѣльбище и к моему изумленію и ужасу увидѣл Робина, лежащаго на спинѣ со стрѣлой, торчавшей из его груди. Я поспѣшил вниз, насколько мнѣ позволяла подагра, и сразу понял, что бѣдняга был мертв; я тотчас же протелефонировал вам. В домѣ не было никого, кромѣ стараго Пайна—лакея и меня. Кухарка ушла на рынок, Арнессон в девять часов ушел в университет, а Белл все еще играла в теннис. Я послал Пайна поискать Сперлинга, но того нигдѣ не оказалось, и я опять вернулся в библіотеку и стал ждать вас. Вскорѣ послѣ

пріѣзда ваших людей вернулась Белл, а немного позже и кухарка. Арнессон же придет лишь послѣ двух.

— Сегодня утром здѣсь не было никого, ни гостей ни посторонних?

Профессор покачал головой.

— Только Друккер, вы кажется видѣли его здѣсь однажды. Он живет в домѣ за нашим. Он часто заходит, обыкновенно чтобы повидаться с Арнессоном, у них много общаго. Он обладает математическим геніем, истинно научным умом... Когда он узнал, что Арнессона нѣт дома, он посидѣл немного со мною и мы говорили об экспедиціи, отправляемой королевским астрономическим обществом в Бразилію, а потом он ушел домой.

— В котором часу это было?

— Около половины десятаго. Друккер только что ушел, когда пришли Робин и Сперлинг.

— Для м-ра Арнессона не совсѣм обычно отсутствовать утром по субботам? — Спросил Ванс.

Старый профессор взглянул проницательно и не сразу отвѣтил.—Не совсѣм необычно, хотя, вообще, по субботам он дома. Но сегодня утром ему надо было поискать кое что в факультетской библіотекѣ... Арнессон работает вмѣстѣ со мною для моей новой книги, — добавил он.

Наступило короткое молчаніе; затѣм заговорил Маркхем.

— Сегодня утром вы сказали, что Робин и Сперлинг ухаживали за мисс Диллард, добивались ея руки?

— Дядя! Молодая дѣвушка выпрямилась и сердито и укоризненно посмотрѣла на старика. — Это нехорошо!

— Но вѣдь это правда, милая. — В голосѣ его чувствовалась нѣжность.

— Да, до нѣкоторой степени правда, — согласилась она.—Но не слѣдовало говорить об этом. Вы знаете, да и они тоже знали, как я на них смотрѣла. Мы были друзьями, вот и все. Еще вчера вечером я совершенно ясно сказала обоим, что не буду больше

выслушивать их глупых предложенiй. Они были просто молодые люди... и вот одного из них уже нѣт... Бѣдный Кок-Робин! и она мужественно старалась побѣдить свое волненiе.

Брови Ванса поднялись, он нагнулся вперед.

— Кок-Робин?

— Да, мы его так звали, чтобы подразнить; он не любил этого прозвища.

— Прозвище было неизбѣжно, — сочувственно замѣтил Ванс. — И право, оно было очень мило. Вѣдь Кок Робина любили всѣ „птички в воздухѣ", и всѣ оплакивали его смерть. — Говоря это, он внимательно смотрѣл на молодую дѣвушку.

— Я знаю, — кивнула она головой. Я даже однажды сказала ему это. И всѣ любили Джозефа; его нельзя было не любить, такой он был добрый и славный.

Ванс снова ушел в свое кресло, а Маркхем продолжал допрос.

— Вы говорили, профессор, что вы слышали, как разговаривали в гостиной Робин и Сперлинг. Вы разслышали что-нибудь из их разговора?

Старик искоса посмотрѣл на племянницу.

— Имѣет ли этот вопрос дѣйствительно значенiе, Маркхем? — Спросил он послѣ нѣкотораго колебанiя.

— При данном положенiи вещей весьма существенное.

— Может быть. — Профессор задумчиво затянулся и выпустил густой клуб дыма.

— С другой стороны, мой отвѣт может произвести ложное впечатлѣнiе.

— Я предполагаю, что вы довѣритесь в этом случаѣ моему сужденiю?

Голос Маркхема звучал настойчиво и важно.

Опять наступило короткое молчанiе, прерванное молодой дѣвушкой.

Отчего же не разсказать м ру Маркхему, что вы слышали, дядя? Кому это повредит?

— Я думал о тебѣ, Белл, — мягко отвѣтил про-

фессор, — но может быть ты права. Он с неудовольствіем заговорил. — Дѣло в том, Маркхем, что Робин и Сперлинг обмѣнялись рѣзкими словами по поводу Белл. Я слышал немного, но понял, что каждый из них считал другого помѣхой...

— Нѣт, они не думали этого, — вступилась мисс Диллард. — Они всегда были на ножах, была вражда между ними, но не я была ея причиной. Тут дѣло было в их успѣхѣ в стрѣльбѣ из лука. Видите ли, Раймонд, то есть м-р Сперлинг, был лучшим стрѣлком но в этом году Джозеф нѣсколько раз побѣждал его на состязаніях, на послѣднем годовом турнирѣ он был провозглашен чемпіоном.

— И вѣроятно Сперлингу казалось, что он упал в ваших глазах, — добавил Маркхем.

— Какія глупости! — Горячо возразила дѣвушка.

— Я думаю, милая, что можем спокойно передать этот вопрос м-ру Маркхему, — миролюбиво сказал профессор, — какіе у вас вопросы, м-р Маркхем?

— Я бы очень хотѣл узнать все, что вам извѣстно о Робинѣ и Сперлингѣ; кто они, каковы их связи и знакомства, как долго вы их знали.

— Думаю, что Белл может просвѣтить вас лучше меня. Оба молодых человѣка принадлежали к ея компаніи. Я лишь случайно встрѣчался с ними.

Маркхем вопросительно повернулся к дѣвушкѣ.

— Я знаю их нѣсколько лѣт, — быстро заговорила она, —Джозеф был лѣт на восемь-десять старше Раймонда, и жил в Англіи до тѣх пор, пока не умерли его родители; это было пять лѣт тому назад. Тогда он переѣхал в Америку и нанял холостую квартиру на Риверсайдской аллеѣ. У него было достаточно денег, и он жил без дѣла, увлекаясь рыбной ловлей, охотой и другими видами спорта. Он посѣщал общество, но немного и был хорошим другом, всегда готовым замѣнить отсутствующаго гостя за обѣдом, или войти четвертым в бридж..

Она остановилась, точно ея сообщенія были оскорбительны для памяти умершаго, и Маркхем, поняв ея чувство, просто спросил:

— А Сперлинг?

— Он сын богатаго фабриканта, ушедшаго от дѣл. Он живет в прелестном загородном домѣ. Там наше парадное стрѣльбище, а сам Раймонд состоит инженером—консультантом в какой-то фирмѣ, но я думаю, он служит там только для удовольствія своего отца, потому что в конторѣ он бывает раза два-три в недѣлю. Он окончил Бостонскій политехникум, и я познакомилась с ним, когда он был первокурсником и пріѣзжал домой на каникулы. Раймонд конечно не перевернет вселенной, но он представляет лучшій тип американской молодежи: искренній, веселый, немного застѣнчивый, но совершенно прямодушный.

Из описанія молодой дѣвушки легко было представить себѣ Робина и Сперлинга, и трудно было связать кого нибудь из них с мрачной трагедіей, приведшей нас сегодня в этот дом.

Маркхем с минуту сидѣл нахмурившись. Наконец он поднял голову и прямо посмотрѣл в лицо молодой дѣвушкѣ.

— Скажите мнѣ, мисс Диллард, нѣт ли у вас какой-либо теоріи, объясняющей смерть м-ра Робина?

— Нѣт! — Слово прямо сорвалось с ея губ. — Кому нужно было убивать Кок-Робина? У него во всем мірѣ не было ни одного врага. Все это совершенно невѣроятно. Я не могла повѣрить случившемуся, пока не убѣдилась лично. Даже и теперь кажется мнѣ оно нереальным.

— Но все-таки, милое дитя, — вставил профессор, — он убит. Значит было что-то в его жизни, чего ты не знала и не подозрѣвала. Постоянно мы открываем новыя звѣзды в существованіе которых не вѣрили прежніе астрономы.

— Не могу себѣ представить, что у Джозефа был враг, — возразила она. — Никогда не повѣрю этому, это просто безсмыслица.

— Значит вы полагаете, — спросил Маркхем, — что Сперлинг ни в каком случаѣ не может быть отвѣтственен за смерть Робина?

— Это невозможно! — Глаза дѣвушки засверкали.

— А знаете ли вы, мисс Диллард, — заговорил своим лѣнивым, безразличным тоном Ванс,—что Сперлинг значит воробей?

Дѣвушка сидѣла неподвижно. Лицо ея смертельно поблѣднѣло, а руки сжали ручки кресла. Потом медленно, как будто с большим усиліем она кивнула головой и тяжелое дыханіе подняло ея грудь. Вдруг она вздрогнула и прижала носовой платок к лицу.

— Я боюсь! — Прошептала она.

Ванс встал, подошел к ней и ласково погладил по плечу.

— Чего же вы боитесь?

Она подняла голову, и глаза их встрѣтились. Казалось его взгляд успокоил ее, и она с усиліем улыбнулась.

— Наканунѣ, — заговорила она напряженным голосом, — мы были всѣ внизу на стрѣльбищѣ. Реймонд собирался выстрѣлить, как вдруг отворилась дверь, и на площадку вышел Робин. Конечно, опасности не было, но Сигурд м-р Арнессон, — смотрѣл на нас с задняго балкончика. Когда я в шутку крикнула Джозефу „ай, ай", Сигурд нагнулся к нам и сказал:—Вы не знаете, молодой человѣк, какой опасности вы подвергаетесь. Вы Кок Робин, а этот стрѣлок — Воробей; а помните, что случилось с вашим теской, когда господин Воробей выпустил стрѣлу из лука? В то время никто не обратил вниманія на эти слова. А теперь!.. Голос ея понизился до шопота.

— Перестань, Белл, не поддавайся болѣзненной тоскѣ. — Профессор говорил успокоительно, но не без нетерпѣнія. Просто это была одна из неловких шуток Сигурда. Он вѣдь постоянно подшучивает и смѣется вѣдь это естественное желаніе отдохнуть от постоянной отвлеченной работы мысли.

— Я тоже так думаю,—отвѣтила дѣвушка. — Конечно это была только шутка. А теперь она кажется каким-то страшным пророчеством. Только, —

поторопилась она прибавить—Реймонд не мог этого сдѣлать.

Во время этой рѣчи внезапно открылась дверь, и на порогѣ появилась высокая, худощавая фигура.

— Сигурд! — В восклицаніи Белл Диллард слышалось неподдѣльное облегченіе.

Сигурд Арнессон protége' профессора Дилларда и его пріемный сын, обладал выдающейся наружностью: свыше шести футов роста, прямой и гибкій с головой, которая по первому взгляду казалось слишком большой для его тѣла. Его почти желтые волосы были растрепаны как у школьника; нос у него был орлиный, а щеки гладкія и мускулистыя. Хотя ему было не болѣе сорока лѣт, лицо его было покрыто сѣтью морщин. Выраженіе лица его было лукавое, но страстное напряженіе мысли, свѣтившееся в его сѣро-синих глазах, исключало всякій намек на поверхностность его характера. Я сразу почувствовал расположеніе и уваженіе к нему. В этом человѣкѣ таились в глубинѣ могущественныя возможности и богатѣйшая одаренность.

Когда он вошел в комнату, его глаза сразу охватили нас быстрым, испытующим взглядом. Он кивнул головой мисс Диллард и затѣм остановил свой взгляд на профессорѣ.

— Скажите пожалуйста, что случилось в этом домѣ? Повозки и толпа на улицѣ; страж у входа... и когда мнѣ удалось проскользнуть мимо цербера, и Пайн впустил меня, два человѣка в штатском платьѣ потащили меня без церемоній наверх. Забавно, но неловко... А, здѣсь кажется участковый слѣдователь. Здравствуйте, м р Маркхем.

— Не дав Маркхему отвѣтить на привѣтствіе, Белл Диллард заговорила:

— Сигурд, пожалуйста, будь серьезен. М-р Робин убит.

— Кок-Робин, ты хочешь сказать. Но чего же иного мог ожидать несчастный с таким именем? Казалось, это извѣстіе нисколько его не тронуло. — Кто же или что вернуло его стихіям?

— Кто это сдѣлал, мы не знаем, —отвѣтил Маркхем тоном упрека за легкомысліе. — Но м-р Робин убит стрѣлою, пронзившей ему сердце.

— Очень подходящая смерть. — Арнессон сѣл на ручку кресла и вытянул свои длинныя ноги.— Чего естественнѣе, что Кок-Робин убит стрѣлою из лука...

— Сигурд! — прервала его Белл. — Довольно шуток. Ты знаешь, что Реймонд не мог этого сдѣлать.

— Конечно, сестричка. Он посмотрѣл на нее пристально. — Я имѣю ввиду орнитологическаго предка м-ра Робина. — Он медленно повернулся к Маркхему. Так здѣсь дѣйствительно произошло таинственное убійство, с трупом, нитями преступленія и прочим хламом? Можно ли довѣрить сущность разыгравшихся здѣсь событій?

Маркхем вкратцѣ описал ему создавшееся положеніе; он выслушал с живым интересом. Когда отчет был закончен, он спросил?

— А лука не нашли на стрѣльбищѣ?

— Ах! — Заговорил Ванс в первый раз послѣ прихода Арнессона, как будто пробуждаясь из летаргическаго сна, и отвѣтил за Маркхема. — Очень дѣльный вопрос. — Да, лук был найден как раз под окном клубной комнаты, меньше чѣм в десяти футах от трупа.

— Это конечно упрощает дѣло, — сказал Арнессон нѣсколько разочарованно.

— Теперь только остается снять отпечатки пальцев.

— К несчастью, лук брали в руки, — объяснил Маркхем. — Профессор Диллард поднял его и принес домой.

Арнессон с любопытством повернулся к старику.

— Под каким импульсом дѣйствовали вы, сэр?

— Импульсом? Милый Сигурд, я совсѣм не анализировал своих эмоцій. Но мнѣ пришло в голову, что лук — важная улика, и я отнес его в подвал; как мѣра предосторожности, до прихода полиціи.

Арнессон скосил лицо и шутливо подмигнул одним глазом.

— Хотѣл бы я знать, какая подсознательная идея была в вашем умѣ ..

В дверь постучали, и Берк просунул голову в библіотеку.

— Доктор Доремус ожидает вас внизу, господин начальник. — Он кончил освидѣтельствованіе трупа.

Маркхем встал и извинился.

— Не буду больше вас безпокоить. Мнѣ предстоит длинная работа. Но я попрошу вас, остаться еще нѣкоторое время наверху. Я увижусь с вами перед уходом.

Доремус нетерпливо шагал на цыпочках, когда он пришел к нему в гостиную.

— Ничего сложнаго, — начал он, не дав Маркхему возможности заговорить. — Наш спортивный пріятель убит стрѣлою с очень острым наконечником, проникнувшей в сердце через четвертое междуреберное пространство. Сильное кровоизліяніе, внутреннее и наружное. Он убит часа два тому назад, приблизительно в половинѣ двѣнадцатаго. Конечно, это только догадки. Никаких признаков борьбы. Смерть застигла его внезапно. На том мѣстѣ, гдѣ голова при паденіи ударилась о твердый цемент, у него выскочила большая шишка...

— Это очень интересно,—тягучій голос Ванса, врѣзался в стоккато доктора. — Серьезный это был удар, доктор?

Доктор с удивленіем посмотрѣл на Ванса.

— Достаточно серьезный, чтобы проломить череп. Я конечно этого не мог установить, но в затылочной части видна кровяная опухоль, засохшая кровь в ноздрях и ушах, зрачки разной величины, все это указывает на пролом черепа. Послѣ вскрытія я узнаю больше. — Он повернулся к слѣдователю. — Больше ничего?

— Думаю, что все, доктор. Только представьте как можно скорѣе протокол вскрытія.

— Вы получите его вечером. Сержант уже теле-

фонировал, чтобы прислали повозку. — И пожав всѣм руки, он торопливо ушел.

Хизс стоял позади.

— Осмотр нам ничего не дал, сэр, — пожаловался он, покусывая свою сигару.

— Не падайте духом, сержант, — побранил его Ванс.—Этот удар по затылку заслуживает самаго сугубаго вниманія. Я полагаю, что он не является слѣдствіем только паденія.

Замѣчаніе это произвело впечатлѣніе на сержанта.

— Кромѣ того, м-р Маркхем,—продолжал он,—не было отпечатков пальцев ни на лукѣ, ни на стрѣлѣ. Дюбуа говорил, что их, вѣроятно, начисто вытерли. Есть пятнышки только на том концѣ лука, за который его поднял старый господин. Больше никаких отпечатков не замѣчено.

Нѣсколько мгновеній Маркхем курил в мрачном молчаніи.

— А скобка ворот, ведущих на улицу, ручка двери в переулок между двумя домами?

— Ничего!—Фыркнул Хизс.—Обѣ из грубаго ржаваго желѣза, на котором не остается слѣдов пальцев.

— Маркхем,—вступился Ванс, — в этом дѣлѣ вы идете по ложному пути. Конечно не будет никаких отпечатков. Кто поставит театральную пьесу и оставит на виду у публики всѣ подпорки? Нам интересно узнать, почему этот импрессаріо пустился на такіе глупые театральные эффекты.

— Не так то это легко, м-р Ванс,—с горечью покорился Хизс.

— А развѣ я говорю, что легко? Нѣт, сержант, это чертовски трудно. И даже хуже чѣм трудно; это хитро, темно... что-то от лукаваго.

Глава IV

Таинственная записка.

Суббота, 2-го апрѣля; 2 ч. пополудни.

Маркхем рѣшительно усѣлся у большого стола посреди комнаты.

— Не вызвать ли нам обоих слуг, сержант?

Хизс вышел в переднюю и отдал приказаніе одному из своих людей. Через нѣсколько минут высокій, мрачный, точно развинченный человѣк вышел и остановился в почтительном ожиданіи.

— Это лакей, сэр,—объяснил сержант.—Его зовут Пайн.

Маркхем внимательно разсматривал человѣка. Ему можно было дать около шестидесяти лѣт; голова его отличалась неправильной формой, руки и ноги были велики и безобразны. Одежда была аккуратно выглажена, но сидѣла на нем плохо, высокій крахмальный воротничек был слишком широк. Глаза под сѣдыми густыми бровями были какого-то блѣднаго, водянистаго цвѣта, рот казался щелью на пухлом, нездоровом лицѣ. Несмотря на полное отсутствіе физической привлекательности, он производил впечатлѣніе ловкаго и способнаго человѣка.

— Так вы лакей профессора Дилларда, — заговорил Маркхем.—Как давно вы служите в этом семействѣ?

— Уже десять лѣт, сэр.

— Значит, вы поступили сразу послѣ того, как профессор покинул кафедру в университетѣ?

— Думаю, что так, сэр.—Голос Пайна был низок, но звучен.

— Что вам извѣстно о трагедіи, разыгравшейся сегодня утром?—Хотя Маркхем предложил вопрос внезапно, надѣясь, вѣроятно, добиться чего-нибудь этой

внезапностью, но Пайн выслушал его с величайшим стоицизмом.

— Ничего, сэр. Я и не подозрѣвал, что что то случилось, пока меня не позвал профессор Диллард из библіотеки и не велѣл поискать м-ра Сперлинга.

— Значит он сообщил вам о трагическом случаѣ?

— Он сказал:—м-р Робин убит, поищите м-ра Сперлинга. И больше ничего, сэр.

— Вы увѣрены, что он сказал у б и т, Пайн?— Вмѣшался Ванс.

Сначала лакей немного заколебался, взгляд его стал еще хитрѣе.

Да, увѣрен. „Убит".—Это то самое слово, которое он сказал.

— А вы видѣли тѣло м-ра Робина во время поисков?—Продолжал Ванс, разсматривая какой-то рисунок на стѣнѣ.

Опять он отвѣтил не сразу.

Да, сэр. Я отворил дверь из подвальнаго помѣщенія, чтобы осмотрѣть стрѣльбище, и увидѣл блѣднаго господина...

— Вас это конечно очень поразило, Пайн — сухо замѣтил Ванс.—Может быть вы случайно тронули тѣло или стрѣлу, или лук?

Водянистые глаза Пайна на мгновеніе вспыхнули.

— Конечно нѣт, сэр... зачѣм бы я это сдѣлал?

— Правда, зачѣм?— Ванс тяжело вздохнул. — Но вы видѣли лук?

Человѣк покосился, как будто стараясь вызвать в памяти первое впечатлѣніе.

— Не могу сказать сэр, может быть да, может быть нѣт. Я не помню.

Ванс повидимому потерял к нему всякій интерес, и Маркхем возобновил допрос.

— Я слышал, Пайн, что м р Druккер заходил утром около половины девятаго. Вы видѣли его?

— Да, сэр. Он всегда пользуется подвальной дверью; проходя мимо буфетной, он поздоровался со мною.

— Он вернулся тѣм же путем?

— Думаю, что так, но я был наверху, когда он уходил. Он живет в домѣ за нашим...

— Знаю,—Маркхем наклонился вперед.— Кажется вы впустили м-ра Робина и м-ра Сперлинга сегодня утром?

— Да, сэр, около десяти часов.

Видѣли вы их опять или может быть слышали что-нибудь из их разговора, когда они ожидали в гостиной Белл?

— Нѣт, сэр. Большую часть утра я был занят на половинѣ м-ра Арнессона.

— Это во втором этажѣ, в задней части дома,— посмотрѣл на Пайна Ванс, — комната с балконом?

— Да, сэр.

— Чрезвычайно интересно... С этого балкона профессор Диллард и увидѣл впервые тѣло м-ра Робина. Как же вы не слышали, что профессор входил в комнату? Вы вѣдь говорили, что в первый раз узнали о трагедіи, когда профессор позвал вас из библіотеки и велѣл отыскать м-ра Сперлинга.

Лицо лакея побѣлѣло; я замѣтил, что пальцы его нервно сжимались и разжимались.

— Я мог выйти на минуту из комнаты м-ра Арнессона, — с усиліем объяснял он. — Да; это очень возможно. Вспоминаю, сэр, что я ходил в бѣльевой чулан...

— О, навѣрно.—Ванс снова впал в апатію.

Маркхем курил, сосредоточенно разглядывая середину стола.

— Кто-нибудь другой заходил сегодня, Пайн? — спросил он.

— Никто, сэр.

— И вы не можете предъявить какого-нибудь объясненія того, что случилось?

Пайн покачал головою, устремив глаза в пространство.

— Нѣт, сэр. М-р Робин был веселый, всѣми любимый молодой человѣк. Он был не из тѣх, что внушают мысли об убійствѣ; если вы понимаете, что я подразумѣваю.

Ванс поднял глаза.

— Не могу сказать, чтобы я вполнѣ понимал, что вы подразумѣваете, Пайн. А почему вы знаете, что это не несчастный случай?

— Я ничего не знаю сэр,—был спокойный отвѣт. — Но кое-что я понимаю в стрѣльбѣ из лука; и я сразу же увидѣл, что м р Робин убит охотничьей стрѣлой.

— Вы очень наблюдательны, Пайн,—замѣтил Ванс,— и вполнѣ искренны.

Было ясно, что никаких прямых свѣдѣній нельзя было добиться от этого человѣка, и Маркхем быстро отпустил его, приказав в то же время Хизсу вызвать кухарку.

Когда та вошла, я сразу же замѣтил сходство между отцом и дочерью. Это была неопрятная женщина лѣт сорока, высокая, угловатая, с продолговатым лицом и большими руками и ногами.

Нѣсколько предварительных вопросов выяснили, что она вдова, фамилія ея Бидл, и пять лѣт тому назад, послѣ смерти мужа, поступила к профессору Дилларду по рекомендаціи Пайна.

— В котором часу вы вышли сегодня из дому, Бидл?—Спросил ее Маркхем.

— В половинѣ десятаго сэр. — Она видимо чувствовала себя неловко. Ея голос был защищающійся и тревожный.

— А в котором часу вернулись?

— Около половины перваго. Меня впустил вот этот человѣк, — она злобно посмотрѣла на Хизса,—и обошелся со мной как с преступницей.

Хизс улыбнулся. — Время названо точно, м-р Маркхем. Она обидѣлась, что я не пустил ее вниз.

Маркхем неодобрительно покачал головой.

— Знаете вы что-нибудь о том, что произошло здѣсь утром? — Продолжал он, внимательно разсматривая женщину.

— Что же я могу знать? Я вѣдь была на рынкѣ.

— Видѣли ли вы м-ра Робина или м-ра Сперлинга?

— За минугу до моего ухода они прошли мимо кухни в комнату, для упражненій в стрѣльбѣ.

— Слышали вы что-нибудь из их разговора?

— Я не подслушиваю за дверьми.

Маркхем сердито сжал челюсти и собирался что-то сказать, но Ванс раньше его ласково заговорил с женщиной.

— Участковый слѣдователь думал, что может быть дверь была отперта, и что вы могли услышать случайно что-нибудь из их разговора, несмотря на ваше похвальное желаніе не подслушивать?

— Дверь может быть и была открыта, но я ничего не слышала,—непріятным тоном отвѣтила она.

— Так что вы не можете сказать, был ли еще кто-нибудь в клубной комнатѣ.

Глаза Бидл съузились, и она подозрительно посмотрѣла на Ванса.

— Может быть и был кто нибудь — медленно сказала она. — Да, я как будто слышала голос м-ра Друккера. — Ядовитая нотка послышалась в ея голосѣ, и тѣнь жестокой улыбки появилась на ея губах. — Он заходил сегодня рано утром к м-ру Арнессону.

— Он заходил? — Ванс казался удивленным этим сообщеніем. — Может быть вы его видѣли?

— Я видѣла, как он пришел, но не замѣтила, когда он вышел. Он постоянно толчется тут взад и вперед.

— Толчется. Вот не думал бы!.. Да, между прочим, через какую дверь вы вышли, отправляясь на рынок?

— Через парадную. С тѣх пор как мисс Белл сдѣлала из подвала клубную комнату, я всегда хожу через парадную дверь.

— Так что сегодня утром вы не входили в комнату для упражненій в стрѣльбѣ?

— Нѣт.

Ванс выпрямился в своем креслѣ.

— Спасибо за помощь, Бидл. Больше вы нам не нужны.

Когда кухарка вышла, Ванс встал и подошел к окну.

— Мы тратим силы на ненужныя вещи, Маркхем,— сказал он.

— Ничего мы не добьемся ни от прислуги, ни от членов семейства. Надо пробить психологическую стѣну и тогда уже бросаться на приступ. В здѣшнем семействѣ у каждаго свои сокровенныя переживанія, и каждый боится, чтобы они не просочились наружу. Каждый говорил меньше, чѣм знает. Непріятно, но вѣрно. Все, что мы узнали, не связано одно с другим, и если хронологически событія не совпадают, значит они произвольно искажены. Во всѣх этих росказнях я не нашел намека на внутреннюю связь.

— Может быть в дѣйствительности связи нѣт,— возразил Маркхем, — но мы никогда не найдем ее, если прекратим допросы.

— Ты очень довѣрчив! — Ванс подошел к столу. —Чѣм больше мы задаем вопросов, тѣм больше мы запутываемся. Даже показаніе профессора Дилларда не было вполнѣ правдиво. Что-то он скрывает. Арнессон коснулся самаго живого мѣста своим вопросом. Ловкій парень этот Арнессон. Затѣм атлетическая дама с мускулистыми икрами. Она старается выпутать себя и свою компанію, так чтобы пятнышка на них не осталось. У Пайна тоже есть что то на умѣ. Эта пухлая маска прикрывает много необыкновенных мыслей; но никакими вопросами до них не докопаешься. Какая то фальшь и относительно его утренних занятій. Он говорит, что провел все утро в комнатѣ Арнессона, но он очевидно не знал, что профессор принимал солнечную ванну на балконѣ Арнессона. И это его alibi в бѣльевом чуланѣ болѣе чѣм подозрительно. Из показаній Бидл явствует, что она терпѣть не может слишком общительнаго м-ра Друккера и постаралась его замѣшать в дѣло. Она „думает“, что слышала его голос в злополучной комнатѣ. Но кто знает, так ли это?.. Вот мы и должны разузнать. Слѣдует вѣжливо поговорить с самим м-ром Друккером...

Послышались шаги на лѣстницѣ, и в дверях появился Арнессон.

— Ну, кто же убил Кок Робина? — Спросил он с усмѣшкой сатира.

Маркхем встал с недовольным видом и уже хотѣл выразить неудовольствіе за неумѣстное появленіе, но Арнессон поднял руку.

— Простите, одну минуту. Я пришел предложить свои услуги благородному дѣлу правосудія, обывательскаго правосудія, потому что с философской точки зрѣнія никакого правосудія, никакой справедливости не существует. — Он сѣл против Маркхема и цинично усмѣхнулся. — Печальный факт неожиданной кончины м-ра Робина взывает к моей научной натурѣ. Это интересная проблема, в ней чувствуется математическій привкус, ряд точных данных и из них надо опредѣлить нѣкоторыя неизвѣстныя величины. Я, именно, тот геній, который способен разрѣшить эту задачу.

— А как вы будете ее рѣшать, Арнессон? — Маркхем знал и уважал ум и знанія этого человѣка и чувствовал серьезныя намѣренія под его насмѣшливым легкомысліем.

— Пока я еще не составил уравненія. — Арнессон вытащил из кармана старую трубку и любовно вертѣл ее в руках.—Мнѣ всегда хотѣлось поработать в сыскном дѣлѣ,—ненасытное любопытство физика, и у меня давно уже создалась теорія, что математика выгодно приложима к рѣшенію пошлых, мелочных вопросов жизни на этой ничтожной планетѣ. В мірѣ существует лишь закон, и я не вижу достаточных причин утверждать, что сущность и положеніе преступника не может быть открыто таким же способом, каким была открыта планета Нептун, то-есть изученіем нарушеній правильности движенія Урана по орбитѣ.

Арнессон замолчал и стал набивать трубку.

— Вот я и хочу примѣнить к этой запутанной чепухѣ методы открытія Нептуна. Мнѣ нужны данныя, я и пришел просить довѣриться мнѣ и сообщить факты; организуем нѣкоторое интеллектуальное товарищество. Рѣшая эту проблему, я попутно докажу мою

теорію, что математика лежит в основѣ всякой истины. Согласны?

— Я с удовольствіем сообщу вам все, что нам извѣстно, Арнессон,—отвѣтил, помолчав, Маркхем.—Но я не могу дать обѣщанія сообщать вам о всем послѣдующем. Может быть это будет противорѣчить цѣлям правосудія и затруднять слѣдствіе.

Ванс сидѣл с полузакрытыми глазами; повидимому удивительное предложеніе Арнессона не нравилось ему; но вдруг он оживленно повернулся к Маркхему.

— Я не вижу причин препятствовать м-ру Арнессону перевести преступленіе на язык прикладной математики. Я увѣрен, что он будет скромен и воспользуется свѣдѣніями только для научных цѣлей. А может быть— кто знает — его просвѣщенная помощь и понадобится нам в этом таинственном и запутанном дѣлѣ.

Маркхем достаточно знал Ванса, чтобы понять обдуманность его предположенія, и я нисколько не был удивлен, когда он повернулся к Арнессону и сказал:

— Хорошо. Мы дадим вам всѣ имѣющіяся у нас данныя для выработки вашей математической формулы. А чтобы вы хотѣли узнать сейчас?

— Пока ничего. Я знаю то же, что и вы. Когда вы уйдете, я вытрясу кое-что из Пайна и Бидл, только не откладывайте в сторону того, что я узнаю.

В это мгновеніе отворилась парадная дверь, и полицейскій в формѣ, карауливщій у входа, вошел в сопровожденіи какого-то посторонняго человѣка.

— Этот человѣк говорит, что ему надо видѣть профессора,—доложил полицейскій и, повернувшись к неизвѣстному, указал движеніем головы на Маркхема.— Это участковый слѣдователь. Передайте ему, что вам надо.

Вновь вошедшій был повидимому смущен. Это был худощавый, отлично одѣтый господин, несомнѣнно принадлежавшій к высшему классу общества. Ему было приблизительно пятьдесят лѣт, но выглядѣл он молодым. У него были густые сѣдѣющіе волосы, заостренный нос и маленькій, но не слабый подбородок. Глаза его, над которыми возвышался широкій и высокій лоб,

имѣли удивительное выраженіе. Это были глаза сильно разочарованнаго человѣка, обиженнаго судьбой, ожесточеннаго жизнью.

— А, здравствуйте, Арнессон,—сказал он спокойным, пріятным голосом.—Надѣюсь, ничего дурного?

— Просто смерть, Парди, — отвѣтил тот небрежно. — Буря в стаканѣ воды, как говорит мудрая пословица.

Маркхему не понравилось это вторженіе в компентенцію другого.

— Чѣм могу служить сэр?—Спросил он.

— Надѣюсь, я не помѣшал,—извинился Парди.—Я друг семейства, — я живу как раз напротив и замѣтил, что произошло что-то необычайное. Я подумал, что может быть могу быть чѣм-нибудь полезен.

Арнессон тихонько засмѣялся.

— Милый Парди, зачѣм облекать ваше естественное любопытство в тогу риторики?

Парди покраснѣл.

— Право, Арнессон, — начал он, но Ванс перебил его.

— Вы сказали, м-р Парди, что живете напротив. Может быть вы замѣтили что-нибудь особенное сегодня утром в этом домѣ?

— Кажется ничего, сэр. Кабинет мой выходит на 75-ю улицу, и я все утро просидѣл там у окна. Но я все время писал. Когда послѣ ленча вернулся к своей работѣ, я увидѣл толпу, полицейскіе автомобили и одѣтаго в форму стража у дверей.

Ванс искоса разсматривал его.

— Не замѣтили ли вы, чтобы кто-нибудь выходил из дома сегодня утром?—Спросил он

Парди медленно покачал головою.

— Никого особеннаго. Около десяти утра пришли два молодых человѣка, пріятели мисс Диллард, вышла Бидл с рыночной корзинкой. Вот и все, что я запомнил.

— Видѣли ли вы, как ушли эти молодые люди?

— Не помню.—Парди нахмурил брови.—Мнѣ ка-

жется, что один из них вышел через ворота на стрѣльбищѣ. Но это только впечатлѣніе.

— В котором часу это было?

— Право не могу вам сказать. Может быть через час послѣ его прихода.

— Вы не припоминаете, чтобы кто-нибудь другой входил или выходил сегодня утром?

— Я видѣл, как вернулась мисс Диллард с тенниса, это было около половины перваго, меня как раз позвали в это время завтракать. Она даже помахала мнѣ ракеткой.

— И больше никого?

— Кажется никого. — В его голосѣ было несомнѣнное сожалѣніе.

— Один из двух молодых людей убит, — сказал ему Ванс.

— М-р Робин, иначе Кок-Робин, — вставил Арнессон с комической гримасой, которая мнѣ очень не понравилась.

— Боже мой! Какое несчастье!—Парди был искренно поражен.

— Робин? Чемпіон стрѣлковаго клуба мисс Белл?

— Единственное его право на безсмертіе. Именно он.

— Бѣдная Белл!—Что-то в манерѣ Парди заставило Ванса внимательно посмотрѣть на него.—Надѣюсь, что она не очень убита этой трагедіей?

— Конечно, она очень драматически отнеслась к ней,—отвѣтил Арнессон.—Для этих случаев существует полиція. Столько волненій из-за такого в сущности пустяка. Вся земля покрыта крошечными, движущимися комочками нечистых углеводов, подобных Робину; в общем они носят названіе „человѣчества“.

Парди грустно и снисходительно улыбнулся, очевидно он был хорошо знаком с циничными выходками Арнессона. Он обратился к Маркхему.

— Разрѣшите мнѣ повидать мисс Диллард и ея дядю?

— О, конечно,—отвѣтил Ванс, раньше чѣм Маркхем пришел к какому-либо рѣшенію.—Вы найдете их в библіотекѣ, м-р Парди.

Пробормотав благодарность, Парди вышел из комнаты.

— Странное существо, — сказал Арнессон, когда шаги Парди перестали быть слышны.—Куча денег. Живет, как хочет. Единственная страсть—рѣшать шахматныя задачи...

— Шахматныя задачи?—Ванс с интересом взлянул на собесѣдника.—Может быть он и есть Джон Парди, изобрѣтаталь гамбита Парди?

— Именно,—лицо Арессона юмористически сморщилось. Он написал книгу о нем и, вообще, покровительствовал шахматной игрѣ, устраивал турниры, носился по всему свѣту, чтобы присуствовать на всяких состязаніях. Его гамбит вызвал сильное волненіе в шахматном мірѣ. Парди организовал цѣлый ряд турниров. Это стоило больших денег. Конечно он, человѣк, сил добивался, чтобы играли его гамбитом, но кончилось все кризисом. Всѣ игроки, прибѣгавшіе к его гамбиту, неизмѣнно проигрывали. Это был ужасный удар для Парди. Он посыпал снѣгом его голову и лишил эластичности его мускулы. Теперь он надломленный человѣк.

—Я знаю исторію этого гамбита,—прошептал Ванс, задумчиво разсматривая потолок. Я сам его употреблял, Ласкер выучил меня...

Полицейскій в формѣ снова появился в дверях и сдѣлал знак Хизсу. Сержант быстро встал и вышел в переднюю. Через минуту он вернулся с небольшим листком бумаги в руках.

— Вот какая штука, сэр,—сказал он, подавая ее Маркхему.—Полицейскій у наружных дверей сейчас увидѣл, что из почтоваго ящика торчит бумажка, и взял ее, чтобы посмотрѣть. Что вы думаете, сэр, об этом?

Маркхем с недоумѣніем разсматривал ее нѣкоторое время и без единнаго слова передал Вансу. Я встал и посмотрѣл через его плечо. Это была почтовая бумага обыкновеннаго размѣра, сложенная так, чтобы ее можно было опустить в ящик для писем. На ней

блѣдно-синими чернилами было отпечатано на машинкѣ крупными буквами нѣсколько строк:

Первая строка гласила:

Джозеф Робин умер.

На второй стоял вопрос:

Кто убил Кок-Робина?

А внизу было напечатано:

Сперлинг значит воробей.

В нижнем правом углу, на мѣстѣ подписи, стояло слово, отпечатанное прописными буквами:

Епископ.

Глава V

Женскій крик.

Суббота, 2-го апрѣля, 2 ч. 30 м. по полудни.

Поглядѣв на странную записку с не менѣе странной подписью, Ванс достал монокль и стал его прилаживать с медленной обдуманностью, что всегда служило признаком сдерживаемаго интереса; через монокль он снова внимательно прочел ее и передал Арнессону.

— Вот цѣнный фактор для вашего уравненія.

Арнессон бѣгло взглянул на записку и с кислой гримасой положил ее на стол.

— Я увѣрен, что духовенство тут не причем. Оно вѣдь ужасно ненаучно. Их математикой не проберешь. Епископ...— раздумывал он. — Я не знаю ни одного епископа. Думаю, что я выброшу эту абракадабру из моих вычисленій.

— Если вы это сдѣлаете, м-р Арнессон, — серьезно возразил Ванс,—то ваше уравненіе обратится в пепел и разлетится по вѣтру. Мнѣ, наооборот, это посланіе кажется весьма значительным. В самом дѣлѣ я думаю,—если вы разрѣшите высказать мнѣніе непосвященному, что до сих пор это самая „математи-

ческая“ вещь в данномъ процессѣ. Она исключает всякую случайность. Это нѣкоторая постоянная, управляющая всѣми уравненіями.

Хизс с ясно выраженным отвращеніем смотрѣл на бумагу.

— Какой-нибудь безумец написал это, м-р Ванс —заявил он.

— Несомнѣнно безумец, сержант,—согласился Ванс. —Но не отвергайте того факта, что этот безумец мог знать много интересных, интимных подробностей, — вспомните, что второе имя м-ра Робина было Кокрейн, что он убит стрѣлою из лука, и во время его смерти гдѣ-то вблизи находился м-р Сперлинг. Кромѣ того, этот хорошо освѣдомленный безумец предвидѣл убійство, потому что эта бумажка брошена в ящик для писем до появленія на сценѣ вас и ваших людей.

— Если только он не был одним из зѣвак на улицѣ, бросившим записку, когда караульный повернулся спиной.

— А сначала сбѣгал домой и аккуратно отпечатал свое сообщеніе на машинкѣ, да? — Ванс с грустной улыбкой покачал головой. — Нѣт, сержант боюсь, что ваше предположеніе не подойдет.

— Так что же это, чорт возьми, значит? — Спросил Хизс.

— Не имѣю ни малѣйшаго представленія. — Ванс зѣвнул и встал. — Пойдем, Маркхем, поговорим немного с этим м-ром Друккером, котораго так ненавидит Бидл.

— С Друккером! — С удивленіем воскликнул Арнессон. — А он здѣсь причем?

— М-р Друккер заходил сюда утром, чтобы повидаться с вами, — объяснил Маркхем, и вполнѣ возможно, что он встрѣтил здѣсь Робина и Сперлинга. Он ненадолго остановился. — Угодно вам пойти вмѣстѣ?

— Нѣт, спасибо, — Арнессон выбил трубку и встал. Мнѣ еще надо просмотрѣть цѣлую кучу студенческих работ. Думаю, что вам лучше было бы взять с собою Белл; лэди Мей немного чудаковата.

— Лэди Мей?

— Виноват. Забыл, что вы ее не знаете. Мы всѣ зовем ее лэди Мей, так, из вѣжливости. Старушкѣ это нравится. Я говорю о матери Друккера. Странный тип. — Он многозначительно постучал по лбу. — Немного тронулась. Но, совершенно безопасна. Весела как птичка, но одержима мономаніею. Увѣрена, что солнце всходит и заходит только для Друккера. Возится с ним точно с младенцем. Печальное положеніе... Да, так возьмите лучше с собой Белл. Лэди Мей ее любит.

— Хорошая мысль, м-р Арнессон, — сказал Ванс. — Угодно вам спросить мисс Диллард, не будет ли она так добра пойти с нами?

— Ну, конечно, — заключил Арнессон с улыбкой и пошел наверх.

Через нѣсколько мгновеній мисс Диллард присоединилась к нам.

— Сигурд сказал мнѣ, что вы хотите видѣть Адольфа. Он конечно не будет имѣть ничего против, но бѣдная лэди Мей волнуется от малѣйших пустяков...

— Надѣюсь, мы не взволнуем ея, — успокоительно сказал Ванс. — Но, видите ли, м р Друккер был здѣсь утром, и кухарка говорит, что она как будто слышала, как он разговаривал с м-ром Робином и м ром Сперлингом в стрѣлковой комнатѣ. Может быть он и поможет нам.

— Навѣрно, если только сможет, — пылко отвѣтила молодая дѣвушка. — Но вы будете осторожны.

В ея голосѣ были просительные, защищающіе звуки, и Ванс с любопытством посмотрѣл на нее.

— Разскажите нам что-нибудь о миссис Друккер. Почему мы должны быть с ней так осторожны?

— Жизнь ея была так трагична, — объяснила Белл. Когда то она была великой пѣвицей. О, не второстепенной артисткой, а настоящей примадонной с блестящей карьерой впереди. Она вышла в Вѣнѣ замуж за извѣстнаго критика, Отто Друккера, и через четыре года родился Адольф. Когда ребенку было

два года, она уронила его на Пратерѣ, и с этого момента вся жизнь ея измѣнилась. Спина у Адольфа была повреждена, и он стал калѣкой. Это разбило сердце лэди Мей. Она считала себя виновницей несчастья, бросила сцену и посвятила себя уходу за сыном. Когда, через год, муж ея умер, она переѣхала в Америку, гдѣ жила во время дѣвичества, и купила дом, в котором они теперь живут. Вся ея жизнь сосредоточилась на Адольфѣ, ставшим горбуном. Она пожертвовала ему всѣм и ухаживает за ним, как за ребенком... — Тѣнь пробѣжала по ея лицу. — Иногда я думаю, да и всѣ так думают, что она и в самом дѣлѣ увѣрена, что он ребенок. Она впала в болѣзненное состояніе, болѣзнь ея — ужасная, потрясающая — материнская любовь, безуміе нѣжности, как говорит дядя. За послѣднее время она стала особенно придурковатой. Я часто заставала ее с руками прижатыми к груди, точно она держала ребенка; при этом она тихонько напѣвала старинныя нѣмецкія колыбельныя пѣсни... И она стала ужасно ревнива, ревновала его ко всѣм другим людям. На прошлой недѣлѣ я пошла навѣстить ее вмѣстѣ с м-ром Сперлингом, — мы часто ее навѣщаем, она такая одинокая, несчастная — она свирѣпо посмотрѣла на него и сказала: — а почему же он не калѣка? — Дѣвушка замолчала и посмотрѣла на нас.

— Теперь вы понимаете, почему я просила вас быть осторожнѣе? Лэди Мей может подумать, что мы пришли с дурными намѣреніями относительно Адольфа.

— Без нужды мы не станем увеличивать ея страданій,—сочувственно увѣрял ее Ванс.—А гдѣ расположена комната миссис Друккер?

Дѣвушка изумленно взглянула на него и тотчас же отвѣтила:

— В западной части дома. Из ея балконнаго окна видно наше стрѣльбище.

Ванс вынул портсигар и тщательно выбрал папиросу.—А она часто сидит у окна?

— Очень часто. Лэди Мей всегда смотрит, когда мы упражняемся в стрѣльбѣ. Я увѣрена, что ей тяжело

смотрѣть на нее, потому что Адольф недостаточно силен для стрѣльбы. Он пробовал нѣсколько раз, но сейчас же уставал, и теперь совсѣм перестал упражняться.

— Она может потому и смотрит на вас, что это ее мучает, самоистязаніе, знаете ли... Большое несчастье быть в таком положеніи. — Ванс говорил ласково, что для знающаго его натуру, было нѣсколько удивительно.— Может быть,—прибавил он, — было бы лучше сначала зайти на минуту к миссис Друккер. Наш визит может быть и не так бы ее испугал. Без вѣдома м-ра Друккера можно пройти в ея комнату?

— Да, конечно. — Идея эта понравилась молодой дѣвушкѣ.—Мы можем пройти по черному ходу. Кабинет Адольфа, гдѣ он пишет, находится в передней части дома.

Миссис Друккер сидѣла у своего большого окна на старинной кушеткѣ, вся обложенная подушками. Мисс Диллард поздоровалась с ней и нѣжно поцѣловала ее в лоб.

— У нас в домѣ произошел ужасный случай сегодня утром, лэди Мей,—сказала она,—и эти джентльмены пожелали навѣстить вас. Я предложила провести их. Вы не сердитесь?

Блѣдное, трагическое лицо миссис Друккер было повернуто к окну, но когда мы вошли, выраженіе ужаса застыло на нем. Это была женщина высокаго роста, чрезвычайно худощавая; ея руки, лежавшія на ручках кресла, были испещрены жилами и морщинами, как лапы сказочных птиц. Лицо ея также было изможденно и покрыто глубокими морщинами, но оно не было отталкивающим. Глаза были ясные и живые, нос прямой. Хотя ей уже было гораздо болѣе шестидесяти, волосы у нея были темные и густые.

Нѣсколько минут она не двигалась и не говорила. Наконец, руки ея медленно сжались, и губы раздвинулись.

— Что вам нужно? — Раздался низкій, звучный голос.

— Миссис Друккер,—начал Ванс, — как уже мисс Диллард сообщила вам, в их домѣ сегодня утром про-

зошла трагедія; так как из вашего окна хорошо видно стрѣльбище, мы подумали, что может быть вы видѣли что-нибудь и поможете нам в нашем разслѣдованіи.

Настороженность замѣтно ослабѣла, но прошло нѣсколько минут, прежде чѣм она заговорила.

— А что же случилось?

— М-р Робин убит. Вы может быть знали его?

— Стрѣлок, чемпіон Белл? Да, я его знала. Сильное, здоровое дитя, натягивал лук и не утомлялся. — Кто его убил?

— Не знаем. — Несмотря на свою небрежную манеру, Ванс разсматривал ее очень внимательно.—Но так как он убит на стрѣльбищѣ, которое хорошо видно из вашего окна, мы надѣемся, что может быть вы нам поможете.

Вѣки миссис Друккер опустились, и она, точно с удовлетвореніем, сложила руки.

— Вы увѣрены, что он убит на стрѣльбищѣ?

— Мы его там нашли,—отвѣтил Ванс.

— А чѣм же я могу помочь вам?

— Вы никого не видѣли сегодня утром на стрѣльбищѣ?—Спросил Ванс.

— Нѣт,—быстро и громко отвѣтила она. — Я не видѣла никого. Я даже не смотрѣла туда сегодня.

Ванс встрѣтился с ней глазами и вздохнул.

— Очень жаль, — пробормотал он. — Если бы вы выглянули из окна сегодня утром, весьма возможно, что вы увидѣли бы трагедію... М-р Робин убит стрѣлою из лука, и, повидимому, преступленіе было совершено без всяких мотивов.

— Вы знаете, что он убит стрѣлою из лука? — Спросила она, и легкая краска выступила на ея пепельных щеках.

— Таково мнѣніе врача. В его сердцѣ была стрѣла, когда мы его нашли.

— Конечно. Это вѣдь совершенно натурально?... Стрѣла в сердцѣ Робина! — Она сказала это надменно, с каким-то странным взглядом.

Наступило напряженное молчаніе, и Ванс пошел к окну.

— Вы разрѣшаете посмотрѣть?

— Нѣт, нѣт! Оттуда ничего не видно, только деревья на 76-ой улицѣ и часть Диллардовскаго двора. Это кирпичная стѣна напротив дѣйствует так угнетающе. Когда не было этого высокаго дома с квартирами, от меня был чудесный вид на рѣку!

Ванс задумчиво смотрѣл на стрѣльбище.

— Да, — произнес он, — если бы вы были у окна сегодня утром, вы увидѣли бы, что случилось. От вас хорошо видно стрѣльбище и дверь в подвальный этаж... Жалко! — Он посмотрѣл на часы. — Ваш сын дома, миссис Друккер?

— Мой сын! Дитя мое! Что вам от него надо? —Голос ея стал жалобным, глаза с ненавистью устремились на Ванса.

— Ничего особеннаго, — сказал успокоительно Ванс. — Может быть он видѣл кого-нибудь на стрѣльбищѣ...

— Никого он не видѣл. Он не мог никого видѣть, потому что его не было здѣсь. Он вышел рано утром и до сих пор не вернулся!

Ванс с состраданіем посмотрѣл на нее.

— Его не было все утро? Вы знаете, гдѣ он был?

— Я всегда знаю, гдѣ он, — с гордостью отвѣтила миссис Друккер. — Он все говорит мнѣ, ничего не скрывая.

— Он сказал вам утром, куда он идет? — Мягко настаивал Ванс.

— Конечно. Но сейчас я забыла. Дайте мнѣ подумать... — Длинные ея пальцы стучали по ручкам кресла, глаза безпокойно бѣгали. — Не могу припомнить. Но я спрошу его, как только он вернется.

Мисс Диллард смотрѣла на нее с возрастающим недоумѣніем.

— Но, лэди Мей, Адольф был у нас сегодня утром. Он приходил к Сигурду.

Мисс Друккер выпрямилась.

— Ничего подобнаго! — Вскрикнула она, глядя почти с ненавистью на дѣвушку.

— Адольф должен был итти куда-то в город. Он и близко не был к вашему дому, я з н а ю, что не был. — Глаза ея сверкали, она вызывающе смотрѣла на Ванса.

Наступил тяжелый момент, но что произошло потом, было еще тягостнѣе.

Дверь тихо отворилась, и мгновенно руки миссис Друккер протянулись вперед.

— Мой маленькій мальчик, мой бэби! — Закричала она. — Иди сюда, милый.

Но человѣк в дверях остался на мѣстѣ. Он щурил на нас свои блестящіе как бусы глаза, как человѣк, проснувшійся в незнакомом мѣстѣ. Ростом Адольф Друккер еле достигал пяти футов. У него был съеженный обычный у горбунов вид; ноги его были тонки, а размѣры искривленнаго туловища увеличивались большой, куполообразной головой. Но лицо его поражало интеллигентностью, страстной, пугающей силой. Профессор Диллард считал его математическим геніем, никто не сомнѣвался в его эрудиціи.

— Что все это значит? — Спросил он тонким, дрожащим голосом.

— Это ваши знакомые, Белл?

Дѣвушка начала было говорить, но Ванс жестом остановил ее.

— Дѣло в том, м-р Друккер, — начал он, — что рядом с вами разыгралась трагедія. Это м-р Маркхем, участковый слѣдователь и сержант Хизс из департамента полиціи, по нашей просьбѣ мисс Диллард провела нас сюда, чтобы разспросить вашу мать, не видѣла ли она чего нибудь необычайнаго сегодня утром на стрѣльбищѣ. Трагедія произошла как раз у подвальной двери Диллардовскаго дома.

Друккер выставил подбородок и покосился.

— Трагедія? Какая трагедія?

— М-р Робин убит стрѣлою из лука.

Лицо Друккера судорожно задвигалось.

— Робин убит? У б и т?... В котором часу?

— Вѣроятно, между одиннадцатью и двѣнадцатью.

— Между одиннадцатью и двѣнадцатью? — Друк-

кер быстро взглянул на мать. Он как будто начинал волноваться, его большіе плоскіе пальцы теребили края куртки.—Что ты видѣла?—Его глаза засверкали, когда он устремил их на мать.

— Что ты хочешь сказать, сынок? — Испуганным шопотом спросила она.

Лицо Друккера стало суровым, жестокая усмѣшка появилась на губах.

— Я хочу сказать, что именно в это время я услышал крик в этой комнатѣ.

— Ты не слышал! Нѣт, нѣт!—Она с трудом переводила дух, голова ея тряслась.—Ты ошибаешься, сынок. Я не кричала сегодня утром.

— Ну, так кто-нибудь другой.—Голос его звучал холодно, безжалостно. Он помолчал и затѣм прибавил:—дѣло в том, что услышав крик, я поднялся сюда и стал прислушиваться у двери. Но ты ходила и напѣвала какую-то пѣсенку; я вернулся к моей работѣ.

Мисс Друккер прижала платок к лицу, и глаза ея мгновенно закрылись.

— Так ты работал между одиннадцатью и двѣнадцатью? А я звала тебя нѣсколько раз,—с подавленной тревогой спросила она.

— Я слышал, только не отвѣтил. Я был очень занят.

— Ах, вот как это было. — Она медленно повернулась к окну.—А я думала, что тебя нѣт дома. Ты же сказал мнѣ...

— Я сказал тебѣ, что иду к Диллардам. Но Сигурда не было дома, и я вернулся около одиннадцати.

— Я не видѣла, как ты вошел в дом. — Энергія изсякла у бѣдной женщины, и она лежала тихо, устремив глаза на кирпичную стѣну. — А так как ты не отвѣтил на мой зов, я естественно подумала, что тебя не было дома.

— Я вышел от Диллардов через дверь на улицу и пошел прогуляться в парк.—Друккер говорил раздраженно.—Домой я вошел через парадную дверь.

— Ты говоришь, что слышал мой крик... Но за-

чѣм мнѣ было кричать? Спина сегодня утром у меня не болѣла.

Друккер нахмурился, и его маленькіе глазки быстро перебѣгали от Ванса к Маркхему.

— Я слышал крик—женскій—в этой комнатѣ,— повторил он упрямо.—Около половины одиннадцатаго.— Он опустился на стул и стал недовольно смотрѣть на пол.

Разговор между матерью и сыном привел нас в недоумѣніе. Хотя Ванс, повидимому, был поглощен разсматриваніем старинной гравюры, но я знал отлично, что ни одно слово, ни одно повышеніе или пониженіе голоса не ускользнет от него. Он повернулся, сдѣлал Маркхему знак, чтобы тот не возражал, и подошел к миссис Друккер.

— Нам очень жаль, что мы обезпокоили вас, сударыня. Простите, если можете.

Он поклонился и обратился к мисс Диллард.

— Угодно вам провести нас обратно, или мы сами должны найти дорогу вниз?

— Я иду с вами,—сказала дѣвушка и, подойдя к миссис Друккер, она обняла ее. — Мнѣ так жаль лэди Мей.

По дорогѣ в переднюю Ванс, как будто вспомнив что-то, остановился и оглянулся на Друккера.

— Вам тоже лучше пойти с нами, — сказал он спокойным, но настоятельным тоном. — Вы знали м-ра Робина и, может быть, сообщите нам что-нибудь.

— Не ходи с ними, сынок! — Закричала миссис Друккер. Она сидѣла теперь прямо, с лицом искаженным страхом.

— Не ходи! Это враги. Они хотят погубить тебя...

Друккер встал.

— Почему же и не пойти с ними?—Дерзко сказал он. — Мнѣ хочется разобраться в этом дѣлѣ. Может быть, как они говорят, я и смогу помочь им. — И он присоединился к нам.

Глава VI.

„Я" — отозвался воробей

Суббота, 2-го апрѣля; 3 часа пополудни.

Когда мы снова были в Диллардовской гостиной, и мисс Диллард ушла к своему дядѣ в библіотеку, Ванс без всяких обиняков приступил к дѣлу.

— Мнѣ не хотѣлось волновать вашу мать, м-р Друккер, допрашивая вас в ея присутствіи, но так как вы заходили сюда утром незадолго до смерти м-ра Робина, необходимо, спросить вас, что вы можете сообщить по этому дѣлу.

Друккер сѣл у камина. Он осторожно поднял голову, но ничего не отвѣтил.

— Вы пришли сюда, — продолжал Ванс, — около половины десятаго, чтобы повидать м-ра Арнессона.

— Да.

— Через стрѣльбище и подвальную дверь?

— Я всегда прихожу оттуда. Зачѣм мнѣ огибать большой дом?

— Но м-ра Арнессона не было дома утром?

— Он был в университетѣ.

— Узнав, что м-ра Арнессона нѣт дома, вы нѣкоторое время пробыли в библіотекѣ у профессора, обсуждая астрономическую экспедицію в южную Америку.

— Экспедицію королевскаго астрономическаго общества в Собрал, для провѣрки Эйнштейновских уклоненій, — дополнил Друккер.

— Сколько времени пробыли вы в библіотекѣ?

— Меньше получаса.

— А потом?

— Я спустился в стрѣлковую комнату и просмотрѣл один из журналов. В нем была шахматная задача, я сѣл и занялся ею...

— Одну минуту, м-р Друккер. — Изумленіе слышалось в голосѣ Ванса. — Вы интересуетесь шахматами?

– До нѣкоторой степени. Но я не трачу на них много времени. Игра вѣдь не чисто математическая и недостаточно умозрительная для чисто математическаго ума.

— Сколько времени вы потратили на рѣшеніе этой задачи?

— Около получаса.

— Скажем, до половины двѣнадцатаго?

— Приблизительно так. — Друккер глубже усѣлся в кресло, но его скрытая настороженность не уменьшилась.

— Слѣдовательно, вы были в стрѣлковой комнатѣ, когда туда пришли м-р Робин и м-р Сперлинг?

Друккер отвѣтил не сразу, и Ванс, сдѣлав вид, что не замѣчает его колебаній, прибавил. — Профессор Диллард говорил, что они пришли около десяти часов и, подождав немного в гостиной, спустились вниз.

— А гдѣ же Сперлинг? — Глаза Друккера подозрительно переходили от одного из нас к другому.

— Мы ожидаем его каждую минуту, — отвѣтил Ванс. — Сержант Хизс послал за ним двух своих помощников.

Брови у горбуна приподнялись. — Ах, так Сперлинга насильственно приведут сюда. Он сложил вмѣстѣ свои плоскіе пальцы и стал их разсматривать. Затѣм он медленно поднял глаза на Ванса. — Вы спрашивали меня, видѣл ли я Робина и Сперлинга в стрѣлковой комнатѣ. Да, они пришли вниз в ту минуту, когда я уходил.

Ванс откинулся назад и вытянул ноги.

— Не создалось ли у вас, м-р Друккер, впечатлѣнія — как бы это сказать — что они ссорились?

Друккер нѣсколько мгновеній обдумывал вопрос.

— Уж раз вы об этом упомянули, — заговорил он наконец, — я припоминаю, что между ними была как будто холодность. Но я не могу настаивать на этом

пунктѣ. Видите ли, я вышел из комнаты сейчас же послѣ их прихода.

— Вы как будто говорили, что вы вошли через подвальную дверь, а потом через ворота в стѣнѣ на 75 ю улицу. Правильно это?

На мгновеніе показалось, что Друккеру не хочется отвѣчать, но потом он заговорил презрительно.

— Так точно. Я хотѣл прогуляться по берегу рѣки, прежде чѣм снова приняться за работу. Я вышел на аллею и затѣм по 79 й улицѣ повернул в парк.

Хизс, с обычным ему недовѣріем ко всему, что говорится в присутствіи полиціи, предложил слѣдующій вопрос.

— Не встрѣтили-ли вы кого-нибудь из знакомых?

Друккер сердито повернулся, но Ванс быстро вмѣшался.

— Это совсѣм не важно, сержант. Если нам понадобится, мы снова вернемся к этому вопросу,—и он снова обратился к Друккеру. — Вы вернулись домой немного раньше одиннадцати, так вы кажется сказали, и вошли в дом через парадную дверь.

— Совершенно вѣрно.

— Вы не замѣтили ничего необыкновеннаго, когда вы были здѣсь утром?

— Ничего, кромѣ того, о чем я уже говорил вам.

— Вы увѣрены, что вы слышали, как вскрикнула ваша мать около половины двѣнадцатаго?

Ванс не пошевелился, когда задавал этот вопрос, но какая-то особая нотка слышалась в его голосѣ, и это подѣйствовало на Друккера возбуждающе. Он поднял свое широкое тѣло со стула и с угрожающей яростью смотрѣл на Ванса, стоя перед ним. Его круглые маленькіе глаза метали искры, тонкія губы конвульсивно двигались. Его руки сгибались и разгибались, как у человѣка, одержимаго каким-то припадком.

— Эго вы на что намекаете?—Спросил он рѣзким голосом. — Я сказал вам, что я слышал крик, и мнѣ совершенно все равно, соглашается она или нѣт. Болѣе того, я слышал, как она ходила по комнатѣ. Поймите, между одиннадцатью и двѣнадцатью она была в

своей комнатѣ, а я в моей. И ничего другого вы не можете доказать. Кромѣ того я не желаю подвергаться допросу, вами или кѣм бы то ни было, о том, гдѣ я был и что дѣлал. Вам до этого нѣт никакого дѣла, чорт побери, слышите вы, что я говорю?..

Он был в такой безумной ярости, что я каждую минуту ожидал, что он бросится на Ванса. Хизс уже выступил вперед, чувствуя скрытую в этом человѣкѣ опасность. Ванс же не пошевелился. Он лѣниво курил, и когда бѣшенство Друккера прошло, он заговорил спокойно, без малѣйших признаков волненія:

— Больше нам не о чем вас спрашивать, м-р Друккер. И право напрасно вы так волнуетесь. Мнѣ просто пришло в голову, что крик вашей матери помог бы нам установить точное время убійства.

— Какое отношеніе мог имѣть ея крик ко времени смерти Робина? Вѣдь она же сказала вам, что она ничего не видѣла.—Друккер выглядѣл утомленным и тяжело прислонился к столу.

В эту минуту профессор Диллард показался в дверях, а за ним Арнессон.

— В чем тут дѣло?—Спросил профессор.—Я услышал шум и спустился сюда.—Он холодно посмотрѣл на Друккера.—Кажется, Белл уже достаточно пережила за сегодняшній день, но вам кажется этого мало?

Ванс встал, но прежде чѣм он мог заговорить, Арнессон выступил вперед и с упреком погрозил Друккеру пальцем.

— Вы должны научиться владѣть собою, Адольф. Вы принимаете жизнь с такой ужасающей серьезностью. Вы, кажется, достаточно работали над междузвѣздными пространствами, чтоб научиться быть разсудительным. Зачѣм придавать так много значенія булавочным уколам земной жизни?

Друккер шумно дышал.

— Эти свиньи, — начал он, но Арнессон быстро прервал его.

— Милый Адольф, всѣ люди—свиньи. Зачѣм входить в подробности! Пойдем же, я проведу вас домой.—

Он крѣпко взял Друккера под руку и повел его вниз по лѣстницѣ.

— Нам очень жаль, что мы потревожили вас, сэр,— извинялся Ванс перед профессором. — По какой то причинѣ господин этот соскочил с рельсов. Допросы, конечно, не особенно пріятная вещь, но мы надѣемся, что скоро мы с ними покончим.

— Постарайтесь сдѣлать это как можно скорѣе, Маркхем, а затѣм зайдите ко мнѣ перед уходом.

Когда профессор ушел наверх, Маркхем, с нахмуренными бровями, с заложенными за спину руками, стал ходить взад и вперед по комнатѣ.

— Что ты думаешь о Друккерѣ? — Спросил он, останавливаясь перед Вансом.

— Миленькій характерец. Умственный и физическій калѣка Прирожденный лжец. Но хитер, чертовски хитер. Ненормальный мозг, это часто встрѣчается у калѣк такого типа. Но наш словесный бой не был безрезультатным. Он что-то скрывает, что он и хотѣл бы разсказать, да не смѣет.

— Возможно, — с сомнѣніем замѣтил Маркхем. — Очень он чувствителен относительно времени между одиннадцатью и полуднем. Он точно кошка все время слѣдил за вами.

— Как хорек, — поправил Ванс. — Я отлично чувствовал его лестное вниманіе.

— Во всяком случаѣ не могу сказать, что-бы он оказал нам большую услугу.

— Да, — согласился Ванс. — Мы не особенно продвинулись вперед, но кой-какой багаж попал на наше судно. Наш раздра́жительный математическій колдун обнаружил кой-какія интересныя особенности в мыслях. А миссис Друккер полна всяких возможностей. Если бы мы узнали то, что оба они знают, мы бы нашли ключ к разгадкѣ этой глупѣйшей исторіи.

Хизс молчал цѣлый час и презрительно наблюдал за происходившим, но вдруг теперь воинственно заговорил.

— Я должен сказать вам, м-р Маркхем, что вы

попусту тратите время. Что хорошаго во всей этой болтовнѣ? Нам нужен Сперлинг, и когда мои молодцы приведут его, мы заставим его попотѣть, у нас соберется достаточно матеріала для обвиненія. Он был влюблен в Диллардовскую дѣвицу и завидовал Робину, не только из за дѣвицы, а также и потому, что тот лучше его стрѣлял этими красными палками. В этой комнатѣ он схватился с Робином, профессор слышал их, и, согласно показаніям, он за нѣсколько минут до смерти Робина был с ним внизу...

— Да, — прибавил иронически Ванс, — и зовут его воробей, что и требовалось доказать. Нѣт, сержант, уж очень это просто, а между тѣм задумано это убійство очень хитро.

— Не нахожу тут никакого обдуманнаго плана, — настаивал Хизс. — Этот Сперлинг выходит из себя, хватает лук, выдергивает из колчана стрѣлу, выходит вслѣд за Робином из комнаты, стрѣляет и попадает ему прямо в сердце.

Ванс вздохнул.

— Вы слишком прямодушны для этого испорченнаго міра, сержант. Если бы все случалось с такой наивной поспѣшностью, жизнь была бы очень проста — и очень скучна. Но не таково было убійство Робина. Во-первых, никакой стрѣлок, цѣлясь в движущуюся цѣль, не мог бы с такой точностью попасть между ребрами в самое опасное мѣсто. Во-вторых, череп Робина проломан. Конечно, это могло случиться при паденіи, но мало на то похоже. В третьих, шляпа была у ног, гдѣ она никак не могла бы очутиться, если бы он упал нормально. В четвертых углубленіе на концѣ стрѣлы так испорчено, что тетива не могла на ней держаться. В пятых Робин стоял лицом к стрѣлѣ, так что пока тот натягивал лук и цѣлился. Робин мог позвать на помощь или укрыться. В шестых...

Ванс остановился, чтобы закурить папиросу.

— Клянусь Юпитером, сержант, я что-то пропустил. Да, когда человѣк получает рану в сердце, тотчас же в изобиліи льется кровь. Очень возможно, что

вы найдете кровавыя пятна на полу в стрѣлковой комнатѣ, гдѣ-нибудь около двери.

Хизс одно мгновеніе медлил. Опыт научил его, что к предположеніям Ванса нельзя относиться свысока. С добродушным ворчаніем он встал и направился в заднюю часть дома.

— Я думаю, Ванс, что я начинаю понимать тебя, — смущенно замѣтил Маркхем. Но, Боже милостивый! Если смерть Робина от стрѣлы была просто инсценировкой, то перед нами что то дьявольски хитрое.

— Это работа маніака, — с непривычной скромностью заявил Ванс. — Конечно, не такого маніака, который воображает себя Наполеоном, а безумца с таким колоссальным мозгом, что разум его доведен до нелѣпости.

Маркхем усиленно курил, погруженный в размышленія.

— Надѣюсь, что Хизс не найдет ничего,—наконец сказал он.

— Да почему же?—Возразил Ванс.—Если не найдется вещественных доказательств, что смерть Робина произошла в стрѣлковой комнатѣ, это только затруднит нашу задачу с юридической точки зрѣнія.

Но вещественныя доказательства нашлись. Через нѣсколько минут вернулся сержант, усталый но возбужденный.

— Чорт возьми, м р Ванс,—воскликнул он. — Голова у вас на мѣстѣ? — Он не мог скрыть своего восхищенія.—На полу нѣт ни капли крови, но на цементѣ есть темное пятно, которое кто-то пытался сегодня затереть мокрой тряпкой. Оно и теперь еще не высохло, и оно как раз около двери, как вы сказали. А что еще болѣе подозрительно, один из половиков наложен на это мѣсто. Но все таки это не исключает участіе Сперлинга в преступленіи,—запальчиво прибавил он. — Он мог убить Робина и в комнатѣ.

— А потом уничтожить кровь, вытереть стрѣлу, перенести труп и лук на стрѣльбище и тогда только уйти? Так? Но стрѣльба из лука не комнатное занятіе, и Сперлинг был слишком хорошо знаком с ним, чтобы

попытаться совершить убійство в комнатѣ выстрѣлом из лука.

В это время Парди проходил по передней, возвращаясь домой. Он не успѣл дойти до выходной двери, как Ванс подошел к аркѣ, ведшей из гостиной в переднюю.

— М-р Парди, подождите пожалуйста одну минуту!

Парди любезно повернулся к нему.

— Мы хотѣли бы предложить вам еще один вопрос,—сказал Ванс.—Вы говорили, что видѣли сегодня утром, как м-р Сперлинг и Бидл вышли в ворота в стѣнѣ. А вы хорошо помните, что не видѣли больше никого, кто проходил бы в эти ворота?

— Ясно помню. То-есть я не припоминаю никого другого.

— Я думал в частности о м-рѣ Друккерѣ.

— Друккер? — Парди покачал головой. — Нѣт, я запомнил бы его. Но вы понимаете, что дюжина людей могла бы войти в дом и выйти из него, и я не замѣтил бы этого.

— Совершенно вѣрно,—безразлично пробормотал Ванс.—А м р Друккер хорошій шахматный игрок?

Парди слегка удивился.

— Какой он игрок,—с тщательной осторожностью заговорил он.—Но он отличный аналитик и знает изумительно теорію игры. Но у него было мало практики в настоящей игрѣ, на доскѣ.

Когда Парди ушел, Хизс торжествующе подмигнул Вансу.

— Я вижу, сэр,—добродушно замѣтил он,—что не я один желал бы пошатнуть alibi горбуна.

В это мгновеніе отворилась дверь на улицу и три человѣка показались в дверях. Двое из них очевидно были сыщики, а между ними стоял высокій, чисто выбритый молодой человѣк лѣт тридцати.

— Мы привели его, сержант, — буркнул один из сыщиков, злобно ухмыляясь. — Он отсюда отправился прямо домой и укладывался, когда мы пришли к ним.

Сперлинг обвел комнату сердитыми глазами. Хизс встал перед ним и смотрѣл на него торжествующе.

— Ну, молодой человѣк, вы думали, что уйдете от нас?

Сперлинг покраснѣл и упрямо сжал губы.

— Ага, вам нечего сказать?—Хизс свирѣпо выставив челюсть продолжал.—Вы молчаливый юноша? Ну, мы заставим вас говорить. — Он повернулся к Маркхему.—Что с ним дѣлать? Отвезти его в главное управленіе?

— Может быть м-р Сперлинг согласится отвѣтить на нѣсколько вопросов,—спокойно сказал Маркхем.

Сперлинг нѣкоторое время смотрѣл на слѣдователя, а затѣм перевел взгляд на Ванса, который ободряюще кивнул ему головой.

— На какіе отвѣтить вопросы?—Спросил он, очевидно, с трудом овладѣв собою. — Я приготовлялся к отъѣзду в гости, когда ваши грубіяны ворвались ко мнѣ в комнату и притащили сюда без всяких объясненій, не дав мнѣ даже возможности навѣстить мою семью. Теперь вы хотите отослать меня в главное управленіе.— Он вызывающе взглянул на Хизса. — Ну и везите меня туда, и чорт с вами.

— В котором часу вы вышли отсюда сегодня утром, м-р Сперлинг?

Голос Ванса был мягок, манеры спокойны.

— Около четверти двѣнадцатаго, — был отвѣт. — Как раз во время, чтобы поспѣть на поѣзд, отходящій в 11 ч. 40 м. в Скарадэль с Центральнаго вокзала.

— А м-р Робин?

— Я не знаю, когда ушел Робин. Он сказал, что будет ждать мисс Диллард. Я оставил его в стрѣлковой комнатѣ.

— Вы видѣли м-ра Друккера?

— Всего нѣсколько минут. Он был в стрѣлковой комнатѣ, когда Робин и я спустились туда; но он сейчас же ушел.

— Через ворота в стѣнѣ? Или же прошел все стрѣльбище?

— Не помню, не замѣтил... Да скажите мнѣ, в чем тут дѣло?

— М р Робин убит сегодня утром,—сказал Ванс,—около одиннадцати часов.

Казалось, глаза Сперлинга выскочат из орбит.

— Робин убит? Боже мой!.. Кто, кто убил его?—Губы его пересохли, он поминутно смачивал их языком.

— Мы еще не знаем,—отвѣтил Ванс. — Он убит стрѣлою в сердце.

Это извѣстіе ошеломило Сперлинга. Глаза его переходили с предмета на предмет, он искал папиросы в карманѣ.

Хизс подошел ближе к нему и выставил подбородок.

— Может быть вы скажете нам, кто убил его стрѣлою из лука?

— Почему же вы думаете, что я знаю? Почему?—Еле слышно проговорил Сперлинг.

— Потому,—безжалостно отвѣтил Хизс,—потому, что вы завидовали ему. Вы поссорились с ним из-за дѣвушки, вот в этой самой комнатѣ. И вы оставались с ним наединѣ до самой его смерти! Вы отличный стрѣлок из лука. Послушайте, сознайтесь. Кромѣ вас никто не мог этого сдѣлать. Кто, кромѣ чемпіона, мог сдѣлать подобный мѣткій выстрѣл? Пожалѣйте себя и выложите всю исторію. Мы вѣдь уже изловили вас.

Странный блеск появился в глазах Сперлинга, тѣло его окоченѣло.

— Скажите мнѣ,—заговорил он неестественным, напряженным голосом,—вы нашли лук?

— Конечно нашли,—непріятно засмѣялся Хизс. — Там гдѣ вы его оставили, в переулкѣ.

— Какой это был лук? — Глаза Сперлинга были устремлены куда-то в даль.

— Какой лук?—Повторил Хизс.—Ну, самый обыкновенный...

Ванс, внимательно слушавшій молодого человѣка, прервал Хизса.

— Я думаю, что я понимаю вопрос. — Это был женскій лук, легкій, легче тридцати фунтов.

Сперлинг глубоко вздохнул, точно укрѣпляя себя

в каком то тяжелом рѣшеніи. Потом на его губах появилась легкая усмѣшка.

— Зачѣм скрывать? — Беззвучно спросил он. — Я думал, что я успѣю скрыться.

— Да, я убил его.

Хизс довольно заворчал, и его воинственныя манеры тотчас же исчезли.

— У вас больше разсудка, чѣм я предполагал, — сказал он почти отеческим тоном, кивая сыщикам. — Возьмите его, братцы. Отвезите в моем автомобилѣ и посадите под замок, не записывая в книгу. Я сам это сдѣлаю, когда буду в конторѣ.

— Пойдем, — приказал один из сыщиков, поворачивая в переднюю.

Но Сперлинг не сразу повиновался. Он просительно посмотрѣл на Ванса.

— Могу я... можно ли мнѣ, — начал он.

— Нѣт, м р Сперлинг. Лучше вам не видѣться с мисс Диллард, зачѣм теперь тревожить ее... Будьте здоровы.

Сперлинг без слов повернулся и зашагал между своими конвойными, лишившими его свободы, может быть навсегда.

Глава VII

Ванс дѣлает заключеніе.

Суббота, 2-го апрѣля, 3 ч. 30 м. пополудни.

Когда мы снова остались одни в гостиной, Ванс встал и потягиваясь пошел к окну. Послѣдняя сцена с ея поразительным завершеніем произвела на нас тяжелое впечатлѣніе. Всѣх нас занимала одна и та же мысль, и когда Ванс заговорил, казалось, что он высказывает наши мысли.

— Мы точно всѣ вернулись в дѣтскую...

„Я“ отозвался воробей,
Из лука я моей стрѣлой
Кок Робина убил.

— Правда, Маркхем, как будто уже это и неладно?

Он опять вернулся к столу и искоса посмотрѣл на Хизса.

— О чем так задумались, Хизс? Вам бы надо было плясать тарантеллу. Вѣдь ваш преступник сознался в своем темном дѣяніи. Развѣ вы не радуетесь, что виновный скоро будет томиться в тюрьмѣ?

— По правдѣ сказать, м-р Ванс, — угрюмо сказал Хизс,—я не удовлетворен. Уж очень легко досталось его сознаніе; много я видѣл на своем вѣку разных молодцов, но этот совсѣм не похож на преступника

— Во всяком случаѣ, — сдался Маркхем, — это скоропалительное сознаніе успокоит любопытство газетчиков и даст нам свободу продолжать слѣдствіе. Это дѣло навѣрно поднимет страшный шум, но когда репортеры узнают, что преступник уже сидит в тюрьмѣ, они не будут лѣзть к нам за „дальнѣйшими“ свѣдѣніями.

— Я не говорю, что он невиновен, — задорно настаивал Хизс. — Лучше его попридержать, чтобы он не болтал лишняго. Может он и не так нѣм, как я предполагаю.

— Это ни к чему, сержант,—сказал Ванс.— Умственный процесс у этого малаго очень прост. Он знал, что Робин хотѣл повидать мисс Диллард, и он также знал, что наканунѣ вечером она обошлась с ним не очень любезно. Сперлинг был очевидно не очень высокаго мнѣнія о Робинѣ; когда он узнал, про его смерть от руки кого-то, кто владѣл легким луком, ему пришло в голову, что Робин переступил границы порядочности в своем ухаживаніи и получил заслуженный выстрѣл в сердце. Что же оставалось нашему благородному Воробью, как не подставить свою мужественную грудь и заявить.—„Это я. Очень печально.“

— А все-таки я его не выпущу,—проворчал Хизс. —Если м р Маркхем не захочет привлекать его к суду, это его добрая воля.

Маркхем терпѣливо выслушал сержанта.

— Но все же, сержант,—ласково сказал он, — вы не откажетесь продолжать слѣдствіе вмѣстѣ со мною, если даже я и не привлеку Сперлинга к суду?

Хизс быстро подошел и протянул ему руку.

— Вы знаете, сэр.

Маркхем с доброй улыбкой пожал протяную руку и встал.

— Так на время я передаю все вам, а теперь я перед уходом зайду объяснить положеніе мисс Диллард и профессору. Что вы хотите сказать, сержант?

— Я отправлюсь на поиски тряпки, которой вытирали кровь. Кромѣ того я хочу поговорить с прислугой, особенно с кухаркой. Она уж навѣрно помогала кому-нибудь в этой работѣ. Потом, как полагается, допрошу сосѣдей.

— Сообщите мнѣ результаты. Сегодня вечером и завтра утром я буду в клубѣ.

В дверях Ванс присоединился к Маркхему.

— Смотри, старина, — заговорил он, — не умаляй значенія таинственной записки, вынутой из ящика для писем. У меня сильное подозрѣніе, что она и является ключом к дѣтской комнатѣ. Разспроси профессора Дилларда и его племянницу, не имѣет ли для них „Епископ" какого-либо особеннаго значенія. В этой епархіальной подписи есть скрытый смысл.

— Я в этом не увѣрен, — с сомнѣніем возразил Маркхем. — Мнѣ она кажется совершенно безсмысленной. Но я сдѣлаю, как ты говоришь.

Но ни у профессора, ни у мисс Диллард не было никаких воспоминаній, связанных со словом „епископ". Профессор, как и Маркхем, был склонен думать, что к дѣлу эта записка не имѣла никакого отношенія.

— По моему мнѣнію, — сказал он, — это просто какая то юношеская экстравагантная выходка. Не станет же убійца Робина выдумывать себѣ псевдонимы и писать записки о своем преступленіи. Я мало знаю преступников, но мнѣ такое поведеніе не кажется логичным.

— Да вѣдь и само преступленіе не логично, — шутливо замѣтил Ванс.

Маркхем перемѣнил тему разговора.

— Я пришел сказать вам, профессор, что недавно заходил м р Сперлинг, а когда ему сообщили о смерти м-ра Робина, он сознался, что он совершил убійство...

— Реймонд сознался! — Задыхаясь произнесла мисс Диллард.

Маркхем сочувственно посмотрѣл на нее.

— Откровенно скажу вам, что я не повѣрил м-ру Сперлингу. Несомнѣнно, ложно понятое рыцарство внушило ему мысль взять на себя вину.

— Рыцарство? — Повторила она. — Что вы подразумѣваете под этим, м р Маркхем?

За него отвѣтил Ванс.

— Найденный на стрѣльбищѣ лук был женскій.

Молодая дѣвушка закрыла лицо руками, и тѣло ея содрогнулось от рыданій.

Профессор безпомощно смотрѣл на нее. Его безсиліе выразилось в формѣ раздраженія.

— Это еще что за вздор, Маркхем? — Спросил он. — Каждый стрѣлок может пользоваться женским луком. Этакій идіот! Своим глупым признаніем он принес Белл столько горя!... Маркхем, друг мой, сдѣлайте для него что можете.

Маркхем дал ему обѣщаніе и встал.

— Надѣюсь профессор, — сказал Ванс, остановившись в дверях, — вы не истолкуете ложно мое предположеніе, что кто нибудь вхожій в ваш дом, позволил себѣ эту шутку с запиской. Может быть здѣсь гдѣ-нибудь имѣется пишущая машинка?

Видно было, что профессору не понравился вопрос Ванса, но он отвѣтил достаточно вѣжливо.

— Нѣт, и никогда не было, насколько мнѣ извѣстно. Свою пишущую машинку я выбросил десять лѣт тому назад, когда покинул университет. Когда нужно, я обращаюсь в конторы.

— А м р Арнессон?

— Он никогда не пользуется машинкой.

На лѣстницѣ мы встрѣтили Арнессона, возвращавшагося от Друккера.

— Доставил на мѣсто нашего Лейбница, — с ко-

мическим вздохом сказал он. — Бѣдный Адольф! Жизнь ему дается нелегко.

— Может быть вам интересно будет знать, — небрежно сказал Ванс, — что м-р Сперлинг сознался в убiйствѣ.

Арнессон фыркнул.

— В совершенном согласiи... „Я“, сказал воробей... Очень мило. Но не знаю, как это обработать математически.

— Так как мы уже сговорились насчет вашего участiя в дѣлѣ,—продолжал Ванс, – то для ваших вычисленiй будет не безполезно вам сообщить, что, по нашему мнѣнiю, Робин был убит в стрѣлковой комнатѣ и потом вынесен на стрѣльбище.

— Очень рад узнать это. — Арнессон мгновенно сдѣлался серьезным. — Да, это затрагивает мою проблему. Если вам понадобятся мои услуги, загляните ко мнѣ.

Ванс остановился, чтобы закурить папиросу, но по его вялому виду, я догадался, что он принимает рѣшенiе. Он медленно повернулся к Арнессону.

— Вы не знаете, не было ли у м ра Друккера или м ра Парди пишущей машинки?

Арнессон вдруг остановился, и глаза его блеснули.

— Ах, эта епископская записка... понимаю. Надо узнать. Совершенно правильно. Да, у обоих есть машинки. Друккер не переставая работает на ней. А у Парди громадная переписка, подобная любовной переепискѣ кинематографическаго героя.

— Вас не затруднит, — спросил Ванс, — достать образцы, написанные на обѣих машинках, а также и образцы бумаги, употребляемой каждым из этих джентльменов?

— Нисколько. — Арнессону повидимому понравилось порученiе.—Сегодня вы их получите. Гдѣ будете вечером?

— М-р Маркхем будет в клубѣ. Вы можете телефонировать, и он устроит так...

— Ах, чего там устраивать. Я сам занесу их м-ру Маркхему захватывающая это штука—быть сыщиком.

В половинѣ восьмого всѣ сидѣли в клубѣ, в любимом уголкѣ Маркхема, и пили кофе.

В вечерних газетах были краткія замѣтки об убійствѣ Робина. Очевидно Хизсу удалось подрѣзать крылья репортерам. Камера слѣдователя была закрыта, так что они не могли бомбардировать его вопросами. Сержант отлично караулил дом Дилларда: репортеры не добились свиданія ни с одним из членов семейства.

Маркхем тщательно просматривал газету „Солнце", медленно потягивая свой кофе.

— Ну, вот и первое, слабое эхо,—огорченно сказал он. — Содрогаюсь при мысли, что будет завтра в утренних газетах.

— Ну, что же, надо и это вынести, — спокойно улыбнулся Ванс.—Как только какой нибудь развеселый малый раскроет эту комбинацію, красношейка — воробей—стрѣла, всѣ издатели с ума сойдут от радости, и первыя страницы газет будут имѣть вид заглавных листов „сказок Мамаши-Гусыни".

Маркхем сердито ударил кулаком по ручкѣ кресла.

Поди ты к чорту, Ванс. Я не позволяю тебѣ разжигать мое воображеніе какими-то ребяческими стишками. Это просто совпаденіе, говорю тебѣ, ничего тут нѣт.

Ванс вздохнул.

— Что же, убѣждай себя против своей воли; все равно, ты такого же мнѣнія.—Он вынул из кармана бумагу. — А вот какую хронологическую таблицу я составил.

Маркхем нѣсколько минут изучал написанное:

9 ч. утра. Арнессон вышел из дому и пошел в университетскую библіотеку.

9 ч. 15 м. утра. Белл Диллард пошла играть в теннис.

9 ч. 30 м. утра. Друккер пришел к Арнессону.

9 ч. 50 м. утра. Друккер спустился в стрѣлковую комнату.

10 ч. утра. Пришли Робин и Сперлинг, провели полчаса в гостиной.

10 ч. 30 м. утра. Робин и Сперлинг спустились в стрѣлковую комнату.

10 ч. 32 м. утра. Друккер, как он говорит, вышел на прогулку через ворота в стѣнѣ.

10 ч. 35 м. утра. Бидл ушла на рынок.

10 ч. 55 м. утра. Друккер, по его словам, вернулся домой.

11 ч. 15 м. у. Сперлинг ушел через ворота в стѣнѣ.

11 ч. 30 м. у. Друккер услышал крик в комнатѣ матери.

11 ч. 35 м. у. Профессор Диллард вышел на балкон Арнессона.

11 ч. 40 м. у. Профессор Диллард увидѣл труп Робина на стрѣльбищѣ.

11 ч. 45 м. у. Профессор Диллард телефонировал окружному слѣдователю.

12 ч. 25 м. п.п. Белл Диллард вернулась с тенниса.

12 ч. 30 м. Полиція прибыла в дом Дилларда.

12 ч. 35 м. Бидл вернулась с рынка.

2 ч. Арнессон вернулся из университета.

Вывод: Робин был убит между 11 ч. 15 м. и 11 ч. 40 м. Извѣстно, что в домѣ были в теченіе этого времени Пайн и профессор Диллард.

Другіе же лица, имѣющіе какое-нибудь касательство к убійству, находились в это время согласно свидѣтельским и их личным показаніям:

1. Арнессон с 9 ч. до 2 ч. в университетской библіотекѣ.

2. Белл Диллард от 9 ч. 15 м. до 12 ч. 25 м. на теннисѣ.

3. Друккер от 10 ч. 32 м. до 10 ч. 55 м. гулял в паркѣ, а затѣм был в своем кабинетѣ.

4. Парди все утро был дома.

5. Миссис Друккер все утро была в своей комнатѣ.

6. Бидл была на рынкѣ с 10 ч. 35 м. до 12 ч. 35 м. п.п.

7. Сперлинг ѣхал по дорогѣ на Центральный

вокзал от 11 ч. 15 м. до 11 ч. 40 м. когда он сѣл в Скарсдэльскій поѣзд.

Заключеніе: Если ни одно из семи alibi не подвергнется сомнѣнію, вся тяжесть подозрѣній в убійствѣ падает на Пайна или профессора Дилларда.

С жестом отчаянія закончил Маркхем чтеніе этой бумаги.

— Все это нелѣпо,—сказал он раздраженно — заключеніе не ведет ни к каким послѣдствіям. Твоя хронологія устанавливает время смерти Робина, но вывод, что Робин убит одним из видѣнных нами сегодня лиц, сущая ерунда. Ты совершенно исключаешь возможность убійства каким-нибудь и не живущим в домѣ лицом. Тремя способами можно проникнуть на срѣльбище и в стрѣлковую комнату, не заходя в дом: через ворота в стѣнѣ, выходящей на 75-ю улицу, через другія ворота, выходящія на 76 ю и через переулок между жилыми домами, ведущій на Риверсайдскую аллею.

Очень может быть, что одним из этих входов кто-нибудь и воспользовался,—возразил Ванс. — Но не забывай, что самый подходящій в данном случаѣ вход, это переулок, а на него выходит только одна запертая на замок дверь, ключ от которой мог быть только у кого-нибудь из Диллардовскаго семейства. Я не могу себѣ представить преступника, входящаго с одной из улиц; очень большой шанс попасться кому-нибудь на глаза.

Ванс серьезно наклонился вперед.

— По совершенно опредѣленным причинам я исключаю возможность убійства посторонним лицом, случайным бродягой. Лицо, отправившее Робина на тот свѣт, должно было до мелочей знать, что происходило сегодня утром в Диллардовском домѣ от четверти двѣнадцатаго до без двадцати минут двѣнадцать. Оно знало, что только Пайн и профессор были дома. Оно знало, что Белл Диллард ушла. Оно знало, что Робин —его жертва—был в домѣ, а Сперлинг ушел. Кромѣ того, оно хорошо знало, гдѣ расположена стрѣлковая комната: вѣдь совершенно ясно, что Робин был убит там. Говорю тебѣ, Маркхем, это был кто-то очень

близкій семейству Дилларда, отлично знавшій, все что в данное время происходило в домѣ.

— Ну, а крик миссис Друккер?

— Дѣйствительно, почему она кричала? Окно миссис Друккер может быть и было фактором, который убійцей бы упущен из вида. А может быть он и знал о нем, да рѣшил рискнуть. С другой стороны, мы вѣдь не знаем, кричала эта дама, или нѣт. Она говорит нѣт, сын говорит—да. Друккер заговорил о крикѣ, может быть, как о доказательствѣ, что между одиннадцатью и двѣнадцатью он был дома, а миссис Друккер отрицает из страха, что его не было. Но все это пустяки. Главное надо доказать, что только близкій к Диллардовскому дому человѣк мог совершить это дьявольское пре ступленіе.

— Но у нас слишком мало подтверждающих фактов,—настаивал Маркхем, — случай тоже мог сыграть нѣкоторую роль.

— Эх, старина, а записка в ящикѣ для писем? Убійца знал даже имя Робина!

— Предполагая, конечно, что записку написал убійца.

— Ты предпочитаешь допустить, что какой-то шутник узнал о преступленіи при помощи телепатіи или магическаго камня, побѣжал к машинисткѣ, стремглав вернулся к дому и, по неизвѣстной причинѣ, принял на себя страшный риск, что могут увидѣть, когда он будет опускать бумажку в ящик?

Вошел Хизс в эту минуту в комнату и быстрыми шагами подошел к нашему столу. Видно было, что он в большом волненіи. Почти не поклонившись, он подал Маркхему конверт с отпечатанной на машинкѣ надписью.

— С вечерней почтой это получила газета „Уордл“. Кинин, репортер, только что принес мнѣ эту штуку и сказал, что и „Таймс“ и „Герольд“ получили такія же письма. Судя по штемпелю, они были брошены в ящик между одиннацатью и двѣнадцатью гдѣ-то вблизи Друккеровскаго дома.

Маркхем вынул содержимое из конверта. Вдруг

глаза его широко раскрылись, мускулы рта напряглись, он передал письмо Вансу. Там лежал листок почтовой бумаги, на котором были отпечатаны тѣ же слова, что и в запискѣ, найденной в Диллардовском ящикѣ:

„Джозеф Кокрейн умер. Кто убил Кок Робина?
„Sperling“ значит воробей.—Епископ“.

Ванс едва взглянул на бумажку.

— В полном согласіи со всѣм остальным,—равнодушно замѣтил он. — Епископ боялся, что до публики не дойдет его остроумная выходка, он и приподнес ее нашей прессѣ.

— Выходка?—Обиженно спросил Хизс.—Я к таким выходкам или шуткам не привык. Дѣло это становится все невѣроятнѣе.

— Именно, сержант.

Мальчик в формѣ подошел к слѣдователю и что то прошептал тому.

— Сейчас же проводите его сюда,—приказал Маркхем.—Это Арнессон,—обратился он к нам, — навѣрно принес образцы машиннаго письма! Ванс, я начинаю думать, что это дѣло дѣйствительно так ужасно, как ты предположил с самаго начала. Неужели тот же шрифт?

Но, когда сравнили записку с принесенными образцами, никакого сходства не оказалось. Не только буквы и ленты были другія, но даже и бумага была совсѣм другого сорта.

Глава VIII

Второй акт.

Понедѣльник, 11 апрѣля; 11 ч. 30 м. утра.

Нѣт нужды напоминать, какое впечатлѣніе произвело убійство Робина во всей странѣ. В прессѣ оно упоминалось под различными заголовками. Нѣкоторыя газеты назвали его „Убійством Кок-Робина“, другія — „Убійством из сказок Мамаши Гусыни“. Но подпись под

записками сильно подѣйствовала на воображеніе журналистов, и впослѣдствіи убійство Робина стало называться „Дѣлом Епископа“. Удивительно, как это сочетаніе ужасов и дѣтскаго жаргона воспламенило воображеніе публики.

Цѣлую недѣлю сыщики из уголовнаго бюро и камеры слѣдователя работали день и ночь не покладая рук. Полученіе дубликатов записки Нью-Іоркскими газетами совершенно разсѣяло подозрѣнія Хизса о виновности Сперлинга. И хотя он отказался выдать ему оффиціальное удостовѣреніе в невиновности, он со свойственным ему жаром принялся за поиски другого болѣе подходящаго преступника.

В день убійства он и его люди искали тряпку, которой была вытерта кровь в стрѣлковой комнатѣ, но она исчезла безслѣдно. В подвальном этажѣ был произведен тщательный обыск в надеждѣ найти нити преступленія но результат получился отрицательный. Единственное, что удалось установить, было то, что половики оказались передвинутыми, чтобы закрыть вытертое тряпкой мѣсто.

Протокол вскрытія подтвердил оффиціально принятую теорію, что Робин был убит в стрѣлковой комнатѣ и затѣм только перенесен на стрѣльбище. Необыкновенно сильный удар в затылок был сдѣлан тяжелым закругленным орудіем. Стали искать его, но ничего не нашли.

Хизс нѣсколько раз допрашивал Пайна и Бидл, но ничего новаго от них не добился. Пайн настаивал, что он не прикасался ни к тѣлу, ни к луку, когда профессор послал его искать Сперлинга. Но сержант не особенно вѣрил его показаніям.

— Эта остроглазая птица что то скрывает, — с отвращеніем говорил он Маркхему.—Слѣдовало бы его подвергнуть пыткѣ, может быть он тогда и сказал бы что-нибудь.

Произвели обход всѣх домов на 75-й улицѣ в надеждѣ, что кто-нибудь из жильцов видѣл выходящих или входящих людей через ворота в стѣнѣ Диллар-

довскаго участка, но этот непріятный опрос ничего не дал.

Различныя alibi семи перечисленных Вансом лиц подтвердились вполнѣ. Результаты разслѣдованія были таковы:

1. Арнессона видѣли в университетской библіотекѣ нѣсколько лиц, в том числѣ помощник библіотекаря и два студента. Но конечно точно установить время они не могли.

2. Белл Диллард сыграла нѣсколько партій в теннис на 119-й улицѣ, но так как в ея партіи было больше четырех игроков, она нѣсколько раз уступала свое мѣсто другим. Никто из игравших не мог с опредѣленностью сказать, оставалась ли она на площадкѣ во время этих перерывов или уходила.

3. Время ухода Друккера из стрѣлковой комнаты точно опредѣлил Сперлинг, но не нашли никого, кто видѣл бы его потом. Он утверждал, что не встрѣтил никого знакомаго в паркѣ, а только поиграл немного с дѣтьми.

4. Парди был один в своем кабинетѣ; его старая кухарка и японец-лакей были в задней части дома и не видѣли его до ленча. Его alibi было, слѣдовательно, отрицательнаго характера.

5. Показаніе миссис Друккер о том, как она провела утро, надо было принять, так как никто не видѣл ея между половиной десятаго, когда Друккер ушел к Арнессону, и часом дня, когда кухарка принесла ей ленч.

6. Alibi Бидл подтвердилось вполнѣ. Парди видѣл, что она ушла в тридцать пять минут одиннадцатаго и нѣсколько торговцев видѣли ее на рынкѣ между одиннадцатью и двѣнадцатью.

7. Факт отъѣзда Сперлинга со Скардэльским поѣздом в 11 ч. 40 м. был провѣрен, слѣдовательно он должен был уйти из Диллардовскаго дома в 11 ч. 15 м., как он утверждал. Он совершенно и не привлекался к суду, но, как объяснил Хизс,

если бы не был доказан его отъѣзд в 11 ч. 40 м., он остался бы под подозрѣніем.

Сержанту, для слѣдствія, пришлось познакомиться с исторіей жизни прикосновенных лиц и их взаимными отношеніями. Это была нетрудная задача. Всѣ они были хорошо извѣстны; но не удалось разыскать ничего, что проливало бы свѣт на убійство Робина.

Сперлинг не был выпущен, его безумное признаніе не давало пока властям возможности освободить его. Но у Маркхема было неоффиціальное совѣщаніе с адвокатами, нанятыми отцом Сперлинга, и они достигли нѣкотораго соглашенія. И Маркхем и адвокаты рѣшили, что надо ждать, пока не откроется настоящій виновник.

Маркхем нѣсколько раз видѣлся с членами семейства Дилларда, стараясь замѣтить какую-нибудь мелочь, которая могла бы направить слѣдствіе на болѣе вѣрный путь; снова были допрошены Парди и миссис Друккер, но новаго ничего не прибавилось.

Друккер при втором допросѣ нѣсколько измѣнил свое показаніе. Может быть он слышал крик не в комнатѣ матери, может быть он донесся с улицы или из какого-нибудь окна жилого дома. Маркхем убѣдился, что ни от него, ни от его матери нельзя было ничего узнать, и он сосредочил свое вниманіе на домѣ Дилларда.

Арнессон присутствовал на неоффиціальных совѣщаніях у Маркхема; и Ванс поддразнивал его насчет математической формулы, но Арнессон настаивал, что формулу можно вывести лишь в том случаѣ, если всѣ факторы на лицо. Он полагал, что все это дѣло является юношеской шалостью. Маркхем нѣсколько раз упрекал Ванса за то, что он допустил Арнессона до участія в слѣдствіи, но тот оправдывался:

— Его криминально-математическая формула, конечно, вздор, но он знает семейство Диллардов глубже даже, чѣм мы предполагаем. Он знает также Друккеров и Парди, и конечно у человѣка, осыпаннаго академическими почестями, должен быть очень острый ум.

Возможно, что он даст нам что-нибудь важное и жизненное.

— Может быть ты и прав, но его шуточки дѣйствуют мнѣ на нервы,—проворчал Маркхем.

Сам Ванс относился к дѣлу с необычайной для него серьезностью. Каждую ночь он часами читал в библіотекѣ и изучал полицейскія донесенія.

В субботу, на восьмой день послѣ убійства Робина, он мнѣ сказал:

— Дѣло это неимовѣрно запутанное, трудное, и самое в нем ужасное, удручающее — это его связь с чѣм то дѣтским. Смертью Кок-Робина это дѣло не закончится. Извращенная фантазія преступника ненасытна; нам предстоит борьба еще с многими страшными шутками.

Уже на слѣдующее утро предсказаніе его оправдалось. Мы вошли в одиннадцать часов утра в камеру Маркхема, чтобы выслушать доклад Хизса и обсудить дальнѣйшіе шаги. Уже девять дней прошло послѣ того, как Робин был найден мертвым, а дѣло ни на шаг не подвинулось вперед. Газеты начали подтрунивать над полиціей и над слѣдователем. Маркхем, здороваясь с нами, был видимо подавлен. Хизс тоже был обезкуражен.

— Мы бьемся лбом об стѣну, сэр, куда бы мы не повернулись,—с горечью сказал он, — никакого намека на мотивы преступленія. Я прихожу к заключенію, что просто какой то проходимец вскочил в комнату и заварил всю эту кашу.

— Проходимцы, сержант,—возразил Ванс,—обычно лишены воображенія и юмора, а отправившій Робина в невѣдомый мір очевидно обладает и тѣм и другим. Ему мало было убить Робина, он еще обратил это дѣло в безумную шутку. Потом, чтобы публика узнала о ней, он написал эти записки в газеты. Развѣ похоже это на поступки бездомнаго бродяги?

Хизс нѣсколько минут курил молча, а потом с безнадежной печалью посмотрѣл на Маркхема.

— Теперь ни в чем, что случается в этом городѣ, нѣт никакого смысла. Сегодня утром какой то Спригг убит в Риверсайдском паркѣ вблизи 84 ой улицы. Деньги

в карманѣ, ничего не взято. Просто застрѣлен. Молодой человѣк, студент университета. Жил с родителями, никаких врагов. Пошел, как всегда, прогуляться перед лекціями. Через полчаса найден мертвым. Вот теперь придется мучиться с этим убійством. Газеты поднимут гвалт, если мы не скоро раскроем его, а вѣдь у нас абсолютно нѣт ничего.

— Успокойтесь, сержант,—утѣшал его Ванс,—что человѣк застрѣлен — самая обыкновенная вещь. Такія преступленія совершаются по самым обыденным причинам. Вѣдь в дѣлѣ об убійствѣ Робина спутала всѣ наши выводы театральность, драматическая обстановка преступленія. Если бы в него не замѣшалась дѣтская.

Внезапно он остановился, и вѣки его слегка опустились. Он совершенно спокойно скомкал свою папиросу.

— Вы сказали, сержант, что его фамилія Спригг?

Хизс, насупившись, кивнул головой.

— А как его зовут? — В его тонѣ слышалось напряженіе.

Хизс поднял на него глаза с недоумѣніем, но, порывшись в своей потрепанной записной книжкѣ, отвѣтил.

— Джон Спригг, Джон Е. Спригг.

Ванс вынул другую папиросу и аккуратно зажег ее.

— Скажите, он убит из револьвера 32 калибра?

Хизс вытаращил глаза.

— Да, из 32-го.

— И пуля прошла через верхнюю часть головы?

Сержант вскочил на ноги и, как очарованный, смотрѣл на Ванса.

— Правильно, но как вы могли знать это?

Ванс пристально смотрѣл перед собою. Кто не знал его, подумал бы, что он испуган. Затѣм он подошел к окну и стал смотрѣть в него.

— Не могу повѣрить,—прошептал он.—Это слишком ужасно... Но, конечно, это так!..

Раздался нетерпѣливый голос Маркхема.

— Что ты там ворчишь, Ванс? Как ты узнал, что Спригг убит выстрѣлом из револьвера 32 калибра в верхушку черепа?

— Да развѣ ты не понимаешь,—сказал Ванс,—что это второй акт дьявольской трагедіи. Ты забыл свою Мамашу-Гусыню? — И тихим голосом, погружая нас в невыразимый ужас, он продекламировал:

„Человѣчек жил да был,
С ружейцом он все ходил,
И убил он Джона Спригг,
Прострѣлив ему парик“.

Глава IX.

Математическая формула.

Понедѣльник, 11 го апрѣля, 11 ч. 30 м. утра.

Маркхем, словно загипнотизированный, смотрѣл на Ванса. Хизс стоял неподвижно, с разинутым ртом. Что то комическое было в его фигурѣ, и мнѣ захотѣлось смѣяться; но кровь точно застыла у меня в жилах и я не мог пошевелить ни одним мускулом.

Маркхем заговорил первый.

— Это еще что за безуміе? — Я начинаю думать, что дѣло Робина лишило тебя разсудка. Развѣ не может быть убит человѣк с таким ходким именем, как Спригг, без того чтобы не приклеить к его смерти какой то грубой шутки?

— А все-таки, Маркхем милый, ты же должен допустить, что вот этот самый Джонни Спригг застрѣлен из „маленькаго“ ружья, и пробита, так сказать, середина его „парика“.

— А если и так, причем тут дѣтскіе стихи, которые ты лепечешь. Неужели ты серьезно допускаешь?.. — Заговорил Маркхем, но Ванс перебил его.

— Да, я серьезно допускаю, что убившій Кок-Робина перенес свой ужасный юмор на несчастнаго Спригга. Случайныя совпаденія я совершенно исключаю. Смерть Спригга возмутительна, но приходится считаться

с фактом. И сколько бы ты ни возставал против невѣроятной путаницы, приходится ее допустить.

Маркхем встал и нервно зашагал по комнатѣ.

— Я допускаю элемент непостижимаго в этом новом преступленіи. Но я не могу понять, чего мы добьемся, если увѣрим себя, что какой то маніак забавляется пѣсенками времен своего дѣтства?

Ванс задумчиво курил.

— Я склонен думать, что такое допущеніе даст нам твердую основу для слѣдствія.

— Отлично, — саркастически сказал Хизс. — Значит, нам только надо отыскать одного оборотня среди шести милліонов людей. Легко сказать!

— Не поддавайтесь разочарованію, сержант. Наш неуловимый шутник является опредѣленным энтомологическим видом. У нас даже есть нѣкоторыя нити к объясненію его нрава и обычаев...

Маркхем быстро повернулся.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Просто, что второе преступленіе связано с первым не только психологически, но и географически. Оба убійства совершены очень близко друг от друга. У нашего демона — слабость к мѣсту, гдѣ находится Диллардовскій дом. Далѣе, самыя обстоятельства обоих убійств исключают возможность прихода преступника издалека в незнакомую ему обстановку. Я уже научно вам доказал, что переправил Робина в потусторонній мір нѣкто, знавшій отлично, что происходило в домѣ Дилларда в опредѣленный час, и второе преступленіе не могло бы так ловко быть инсценировано, если бы импрессаріо не знал об утренних прогулках Спригга.

За этими словами послѣдовало тяжелое молчаніе, прерванное Хизсом.

— Если вы правы, м-р Ванс, то Сперлинг должен быть выпущен. — Затѣм он безнадежно обернулся к слѣдователю. — Что же нам теперь дѣлать, сэр?

Маркхем ничего не отвѣтил. Он опять сѣл за письменный стол и забарабанил пальцами по бювару. Потом, не поднимая глаз, он спросил:

— Кому поручено дѣло Спригга, сержант?

— Капитану Питтсу. Питтс только что вернулся. Инспектор Моран поручил ему это дѣло.

Маркхем нажал кнопку звонка под столом, и в дверях появился его юный секретарь Суэккер.

— Соедините меня с инспектором Мораном, — приказал Маркхем.

Он нѣсколько минут говорил по телефону. Когда же повѣсил трубку на мѣсто, он устало улыбнулся Хизсу.

— Теперь оффиціально это дѣло ведете вы, сержант. Сейчас прибудет капитан Питтс, и мы узнаем, как обстоит дѣло. Я теперь убѣжден, что смерти Спригга и Робина тѣсно связаны друг с другом.

Питтс, короткій, плотный мужчина с худым грубым лицом и черными торчащими усами, явился спустя нѣсколько минут. Когда его представили Вансу, тот подозрительно на него уставился и поклонился нелюбезно. Но затѣм выраженіе его лица мгновенно измѣнилось.

— М-р Фило Ванс, не так ли?— Сказал он.

— К сожалѣнію да, капитан, — вздохнул Ванс.

Питтс осклабился и протянул руку.

— Рад видѣть вас, сэр. Сержант часто говорил о вас.

— М р Ванс неофиціально помогает нам в дѣлѣ Робина, — объяснил Маркхем — и так как Спригг убит в том же участкѣ, нам очень хотѣлось бы получить от вас предварительныя свѣдѣнія о дѣлѣ.

— Инспектор сообщил мнѣ, что у вас уже есть кой-какія идеи о новом убійствѣ. Сказать, вам откровенно я очень был бы рад освободиться от этого дѣла. Что вам угодно узнать, сэр?

— Разскажите нам всю исторію, как она была, — сказал Маркхем.

Питтс усѣлся поудобнѣе в креслѣ.

— Мнѣ случилось быть под рукой, когда дѣло обнаружилось, — немного позже восьми часов утра. Я взял двух своих молодцов и отправился на мѣсто происшествія. Районные полицейскіе уже принялись за дѣло, в одно время со мной подъѣхал и врач...

— Вы слышали его заключеніе, капитан?—Спросил Ванс.

— Да. Спригг был убит выстрѣлом в верхнюю часть головы из револьвера 32-го калибра. Никаких слѣдов борьбы.

— Он лежал на спинѣ, когда его нашли?

— Точно так. Аккуратно вытянут посрединѣ дорожки.

— Не был ли его череп проломлен при паденіи на асфальт?— Вопрос был предложен очень небрежно.

Питтс хитро посмотрѣл на Ванса.

— Кажется, вы уже знаете кое-что об этом дѣлѣ? Он догадливо кивнул головой. — Да, затылок у малаго был раздроблен. Тяжело навѣрно упал.

— А самый выстрѣл, не поразил вас, капитан?

— Да... конечно, — согласился Питтс. — Рѣдко пуля попадает в макушку, да и шляпа не задѣта, а она вѣдь должна была упасть, прежде чѣм он грохнулся на земь. Очень странные факты, м-р Ванс.

— Да, капитан, чертовски странные... И выстрѣл был сдѣлан в упор?

— Не больше чѣм на разстояніи двух дюймов. Волосы опалены вокруг раны. Убитый вѣроятно видѣл, что тот вынимает оружіе, нагнулся вперед и уронил шляпу. Этим и объясняется выстрѣл в упор в верхушку головы.

— Так, так. Только в этом случаѣ он не упал бы на спину, а упал бы ничком... Но продолжайте вашу исторію, капитан.

Питтс продолжал.

— Прежде всего я обыскал карманы убитаго. На нем были хорошіе золотые часы и долларов пятнадцать денег. Значит тут дѣло было не в воровствѣ... Я оставил двух людей караулить тѣло, пока не пріѣхала повозка, а сам пошел в дом Спригга на 93-й улицѣ. Из найденных при нем писем я узнал его имя и адрес. Оказалось, что он студент университета, жил с родителями и по утрам всегда гулял в паркѣ. Около половины восьмого он вышел из дому,..

— А, так значит у него была привычка гулять по утрам, — прошептал Ванс. — Очень интересно.

— Но все это ни к чему нас не привело, — продолжал Питтс.

— Ничего необычнаго в Сприггѣ в это утро никто не замѣтил, и он весело распрощался с родными. Затѣм я побѣжал в университет, поговорил там с двумя студентами, знавшими его, и с лектором. Спригг был тихій малый. В дружбу ни с кѣм не вступал и держался в сторонкѣ. Серьезный был парень, всегда занятый своей наукой. Был хорошій ученик, не гулял с барышнями, вообще, не любил женщин. Согласно показаніям, меньше чѣм кто либо был способен попасть в какую-нибудь исторію. Навѣрно это несчастный случай. Его приняли за кого-нибудь другого.

— А в котором часу он найден убитым?

— Около четверти девятаго. Каменьщик с постройки на 79 й улицѣ шел по набережной и увидѣл его. Он сообщил о находкѣ постовому полицейскому, который протелефонировал в мѣстный участок.

— Значит у Спригга только-только хватило времени дойти до того пункта в паркѣ, гдѣ он был убит. Точно кто-то, хорошо знавшій его привычки, поджидал его. Точность и быстрота... Ну что, Маркхем, похоже это на случайность?

Не отвѣчая на шутку, Маркхем обратился к Питтсу.

— Так и не нашлось ничего, что дало бы нам хоть какое-нибудь указаніе?

— Нѣт, сэр, мои люди обшарили все это мѣсто, но ничего не оказалось.

— А в карманах, среди его бумаг...?

— Ничего. Два обыкновенных письма, разныя мелочи, все это я отправил в полицейское бюро...— Он помолчал немного, а потом, точно вспомнив о чем то, вытащил записную книжку. — Вот что там нашлось, — сказал он скромно и подал треугольный обрывок бумаги. Это найдено под трупом. Конечно, нестоющая вещь, но я сунул ее себѣ в карман в силу привычки...

Бумажка была очевидно оторвана от листа обыкновенной нелинованной бумаги. На ней была отпечатанная на машинкѣ математическая формула.

Маркхем как будто хотѣл что то сказать, но встрѣтившись глазами с Вансом, раздумал и небрежно бросил бумажку на стол.

— Это все, что вы нашли?

— Да, сэр, все.

— Мы очень вам благодарны, капитан; мы посмотрим, пригодится ли это в дѣлѣ Спригга.

— Когда капитан ушел, Ванс быстро встал и нагнулся над бумажкой.

— Честное слово!—И вставив монокль, он принялся изучать клочек.—Очень увлекательно... гдѣ я недавно видѣл эту формулу? Ах, да в книгѣ Друккера... Но на что она была Спригу? Формула эта превышает познанія студентов..!—Он посмотрѣл клочек на свѣт.—Таже самая бумага, и на записках Епископа. Вѣдь вы навѣрно замѣтили, что и шрифт тот же?

Хизс выступил вперед и тоже стал разсматривать бумажку.

— Так точно, все тоже самое.—Факт этот совсѣм его уничтожил.— Вот и звено между двумя преступленіями.

— Да, звено,—сказал Ванс,—но присутствіе этой формулы под тѣлом Спригга так же безумно, как и самое убійство...

Маркхем безпокойно зашевелился.

— Вы говорите, что этой формулой пользовался Друккер в своей книгѣ?

— Но этот факт вовсе не говорит, что формула написана им. Она извѣстна всѣм серьезным математикам. Она чрезвычайно научна и отвлеченна, но не может имѣть прямого отношенія к убійству Спригга.— Он снова сѣл.—Арнессон будет в восторгѣ от этой находки. Навѣрно он извлечет из нея какой-нибудь поразительный вывод.

— Я не вижу причины сообщить Арнессону о новом дѣлѣ,—возразил Маркхем.

— По моему мнѣнію надо это дѣло скрывать как можно дольше.

— Надѣюсь, что „Епископ“ не позволит,—сказал Ванс.

Маркхем сжал челюсти.

— Боже мой!—Воскликнул он,—в какой ужас мы попали! Неужели я не проснусь от этого кошмара!

— Навряд ли, — прорычал Хизс. — Ну а теперь куда мы двинемся? Я не выношу бездѣйствія.

Маркхем обратился к Вансу.

— Навѣрно, у тебя уже есть идеи об этом дѣлѣ. Что ты предполагаешь?

— Я откровенно говорю, что сам я чувствую себя в каком то хаосѣ.

Ванс нагнулся и заговорил.

— Маркхем, дружище, тут возможен только один вывод. Оба преступленія возникли в одном и том же мозгу, под одним и тѣм же импульсом, а так как первое из них совершено кѣм то очень близким к семейству Диллардов, то это же лицо должно было отлично знать об утренних прогулках Спригга в Риверсайдском паркѣ. Найдя такое лицо, мы должны установить время, мѣсто, обстановку и возможные мотивы преступленія. Есть какая-то связь между Сприггом и Диллардами. Какова она—не знаю, но первой нашей задачей будет установить эту связь. Какая отправная точка может быть лучше, чѣм дом Дилларда?

— Сначала мы позавтракаем,—устало сказал Маркхем,—а потом поѣдем туда.

Глава X.

Отказ в помощи.

Понедѣльник 11-го апрѣля; 2 ч. пополудни.

Вскорѣ послѣ двух часов мы подъѣхали к Диллардовскому дому. На наш звонок отворил Пайн; если наш визит и удивил его, то он отлично умѣл скрыть

свое изумленіе. На Хизса он посмотрѣл с нѣкоторым безпокойством, но вообще голос его звучал спокойно и почтительно, как у хорошо выдресированнаго слуги.

— М-р Арнессон еще не вернулся из университета,—сообщил он.

— Я вижу, — сказал Ванс,—что чтеніе мыслей не является вашей сильной стороной. Мы пришли к вам и к профессору Диллардy.

Пайн как будто забезпокоился, но отвѣтить ему помѣшало появленіе мисс Диллард в дверях гостиной.

— Мнѣ послышался ваш голос, м-р Ванс.—Она с улыбкой поклонилась всѣм сразу.—Пожалуйста войдите. Лэди Мей тоже здѣсь, сейчас мы ѣдем с ней кататься.

Друккер стояла у стола посреди комнаты, опершись рукой на спинку стула, с котораго она, очевидно, только что встала. Она смотрѣла, не мигая, в глазах ея виднѣлся страх, черты лица слегка исказились. Она не пыталась говорить, а стояла прямая и неподвижная, как подсудимый, ожидающій приговора.

Веселый голос Белл Диллард облегчил напряженную атмосферу.

— Сейчас побѣгу и скажу дядѣ, что вы здѣсь.

Как только она вышла, миссис Друккер произнесла каким-то приглушенным шопотом:

— Я знаю, зачѣм вы пришли. По поводу милаго юноши, застрѣленнаго сегодня утром в паркѣ.

Слова ея были так неожиданны, так изумительны, что Маркхем не мог тотчас отвѣтить. Ванс заговорил вмѣсто него.

— Вы уже слышали об этой трагедіи миссис Друккер? Как быстро дошло до вас это извѣстіе!

Какое то злобное выраженіе появилось на ея лицѣ, она стала похожа на злую вѣдьму.

— Всѣ об этом говорят, — отвѣтила она неопредѣленно.

— Правда, очень непріятно. Отчего же вы предполагаете, что мы здѣсь именно по этому дѣлу?

— Да развѣ юношу не звали Джонни Спригг? — Слабая, но внушающая ужас улыбка сопровождала этот вопрос.

— Так точно Джон Е. Спригг. Но развѣ это указывает на связь его с Диллардами?

— Ах, конечно.—С ужасающим удовольствіем она кивала головой.—Вѣдь это игра, дѣтская игра. Сначала Кок-Робин... Потом Джонни Спригг... Дѣти должны играть, всѣ здоровыя дѣти должны играть. — Ея настроеніе вдруг измѣнилось. Лицо смягчилось, глаза стали печальными.

— Это дьявольская игра, миссис Друккер, как вы думаете?

— А почему нѣт? Развѣ жизнь не дьявольская игра?

— Для нѣкоторых—да. Слова Ванса звучали сочувственно.—Скажите мнѣ,—он быстро измѣнил тон,—вы знаете, кто такой этот Епископ?

— Епископ?—Она недоумѣнно нахмурилась.—Нѣт, не знаю. А это тоже игра?

— Что-то в родѣ игры. Во всяком случаѣ Епископ заинтересован Кок-Робином и Джонни Сприггом. Может быть он и устраивает эти фантастическія игры. Мы его разыскиваем, миссис Друккер.

Старуха недовѣрчиво покачала головой. — Я не знаю,—и она злобно посмотрѣла на Маркхема.—Но не будет вам добра, если вы вздумаете доискиваться, кто убил Кок-Робина и застрѣлил Джонни Спригга. Вы этого никогда не узнаете, никогда... Голос ея стал громким и рѣзким, она вся дрожала.

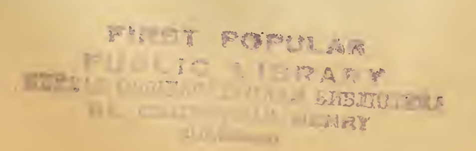
В эту минуту вошла в комнату Белл Диллард. Она быстро подошла к миссис Друккер и обняла ее.

— Пойдемьте,—сказала она успокоительно,—мы поѣдем за город, лэди Мей.—Повернувшись к Маркхему она холодно сказала:—дядя просит вас в библіотеку,—и повела миссис Друккер в переднюю.

— Как это странно, сэр,—замѣтил Хизс.—Эта глупость о Джонни Сприггѣ все время у нея на умѣ.

Ванс кивнул головой.

— Наше появленіе испугало ее. Разум у нея не в порядкѣ, и она чрезвычайно впечатлительна. Постоянно носясь с мыслью об уродствѣ своего сына и о том времени, когда он был как всѣ дѣти, она, может быть совершенно случайно, вспомнила, как в дѣтских сказ-



ках описывается смерть Робинна и Спригга. Он посмотрѣл на Маркхема.—В этом дѣлѣ существуют какія-то скрытыя подземныя теченія и страшная осложненность. Может быть у профессора Дилларда мы найдем болѣе твердую почву.

Профессор встрѣтил нас без особой любезности. Стол его был завален бумагами, очевидно мы потревожили его в самом разгарѣ работы.

— По какому случаю этот неожиданный визит, Маркхем?—Спросил он, пригласив нас сѣсть.—Что нибудь новое о смерти Робина?—Он заложил страницу в книгѣ и нетерпѣливо посмотрѣл на нас. — Я очень занят...

— К сожалѣнію, — отвѣтил Маркхем, — новаго о смерти Робина я ничего не принес. Но по сосѣдству случилось другое убійство, и мы имѣем основаніе думать, что оно находится в связи со смертью Робина. Я желал бы узнать, сэр, знакомо ли вам имя Джона Е. Спригга?

— Ах, так звали убитаго? — В его выраженіи не было недостатка в заинтересованности.

— Да. Человѣк, по имени Джон Е. Спригг, убит сегодня в Риверсайдском паркѣ, близ 84-й улицы около половины восьмого утра.

Глаза профессора устремились на камин, нѣсколько мгновеній он молчал. Казалось будто он с чѣм-то внутренно боролся.

— Да, — наконец сказал он. — Я — мы — знаем молодого человѣка с таким именем, но я увѣрен, что это не тот.

— А кто он?—Настойчиво, с любопытством спросил Маркхем.

— Я думал о лучшем ученикѣ Арнессона, получившем математическую премію.

— Каким образом вы познакомились с ним, сэр?

— Арнессон приводил его к нам нѣсколько раз, чтобы я поговорил с ним. Арнессон гордился им, и дѣйствительно юноша был необыкновенно талантлив.

— Так что всѣ члены вашего семейства знали его?

— Да. Белл, кажется, встрѣчалась с ним, и если в

„семейство“ вы включаете и Пайна с Бидл, то имя это было извѣстно и им.

— А Друккеры знали Спригга? — был слѣдующій вопрос Ванса.

— Очень может быть. Арнессон и Друккер часто видятся. Припоминается мнѣ, что однажды вечером, когда заходил Спригг, и Друккер был здѣсь.

— Парди тоже знал Спригга?

— Вот этого я вам не могу сказать. Скажите пожалуйста, — заговорил он с нѣкоторой вспыльчивостью,—какой смысл скрывается в ваших вопросах? Вѣдь навѣрно вы не собираетесь доказывать мнѣ, что убитый ученик Арнессона?

— Боюсь, что так, — сказал Ванс.

Когда профессор снова заговорил в его голосѣ слышалось безпокойство и страх.

— Если бы даже и так, какое нам до этого дѣло? И как вы связываете его смерть со смертью Робина?

— Я согласен, что опредѣленнаго у нас нѣт ничего,— сказал ему Маркхем.—Но безцѣльность обоих убійств, отсутствіе мотивов дѣлает их до странности похожими. Кромѣ того элементы времени и близости очень поддерживают это сходство.

— Это основы вашего предположенія?—Проговорил презрительно-благосклонным тоном профессор. — Вы никогда не были хорошим математиком, Маркхем, но все-таки вы должны бы знать, что гипотезы не строятся на таких шатких основаніях.

— Оба имени,— замѣтил Ванс, — и Кок-Робин, и Спригг встрѣчаются во всѣм извѣстном дѣтском стихотвореніи.

Старик посмотрѣл на него с нескрываемым изумленіем краска гнѣва стала постепенно заливать его лицо.

— Ваш юмор совершенно неумѣстен, сэр!

— Увы, это не м о й юмор, — печально возразил Ванс.—Это шутка „Епископа“.

— Епископа? — Профессор с усиліем подавлял гнѣв.—Послушайте, Маркхем, я не позволю играть с собою. Второй уже раз в этой комнатѣ вы упоминаете

каком то таинственном Епископѣ; я хочу узнать, что это такое. Если какой то безумец послал дурацкое письмо в газеты по поводу смерти Робина, так до Спригга то какое дѣло этому Епископу?

— Под трупом Спригга была найдена бумажка с математической формулой отпечатанной на той же машинкѣ, что и записка Епископа.

— Что?—Профессор нагнулся вперед.—На той же машинкѣ, вы говорите? Математическая формула?... Какая формула?

Маркхем раскрыл свою книжку и протянул ему клочек бумаги, данный ему Питтсом.

— Формула Римана. — Профессор долго смотрѣл на бумажку и затѣм передал ее Маркхему. Он сразу как то постарѣл.—Ничего не понимаю.—Тон его голоса был безнадежно покорный.—Может быть, вы и правы. Что вам угодно от меня?

Маркхем был поражен перемѣной в наружности профессора.

— Я пришел к вам, чтобы удостовѣриться, было ли соединительное звено между Сприггом и этим домом. Но, чистосердечно говоря, получив это звено, я не знаю, подойдет ли оно к цѣпи. Во всяком случаѣ разрѣшите мнѣ поговорить с Пайном и Бидл.

— Спрашивайте их о чем хотите, Маркхем. Вам не придется обвинять меня в том, что я стоял на вашем пути. Но надѣюсь, — он просительно взглянул, — что вы посовѣтуетесь со мною, раньше чѣм предпринять какіе либо рѣшительные шаги.

— Это я могу обѣщать вам, сэр, но боюсь, что мы еще очень далеки от всяких рѣшительных шагов.— Он протянул руку; видно было, что он опасается за старика хотѣл выразить ему симпатію.

Профессор вмѣстѣ с нами пошел к дверям.

— Не могу понять, причем тут эта формула, — прошептал он, покачивая головою. — Но если я могу сдѣлать что-нибудь...

— Вы можете сдѣлать нѣчто для нас, профессор,—сказал Ванс, остановясь в дверях. — В то утро, когда был убит Робин, мы бесѣдовали с миссис Друк-

кер, и хотя она увѣряет, что не сидѣла у окна, все-таки возможно, что она видѣла происшедшее на стрѣльбищѣ между одиннадцатью и двѣнадцатью.

— У вас осталось такое впечатлѣніе?—С интерессом спросил профессор.

— Очень слабое. Утвержденіе Друккера, что он слышал ея крик, и ея отрицаніе этого факта навели меня на мысль, что может быть она и видѣла что-то, но предпочитает скрывать это от нас. И тогда я сообразил, что, может быть, вы имѣете на нее большое вліяніе и уговорите ее сообщить нам, что она видѣла.

— Нѣт,—не просите меня об этом. Если эта несчастная женщина и видѣла что-нибудь из своего окна, разузнавайте об этом сами. Я не хочу принимать участія в этой пыткѣ, и надюсь, что и вы не будете ее терзать. То, что вы хотите, можно найти другим путем.— Он прямо посмотрѣл Маркхему в глаза. — Но **она** не из таких, которыя говорят. Вам самим будет потом непріятно.

— Мы должны найти все, что только можем, — рѣшительно сказал Маркхем.—Какой то злой дух скрывается в этом городѣ, и я не могу никого защитить от страданій, как бы они ни были ужасны. Но увѣряю вас, что без нужды я никого не буду мучить.

— А вы не подумали,—спросил профессор, — что истина, которой вы добиваетесь, может быть ужаснѣе, чѣм сами преступленія?

— Я должен итти на риск. Но если бы даже я знал, что это так, я ни в каком случаѣ не остановился бы.

— Конечно, конечно. Но я гораздо старше вас, Маркхем, я вас помню еще мальчиком, и когда старѣешь, научаешься находить истинныя пропорціи в мірѣ. Всѣ отношенія мѣняются. Вещи теряют свое значеніе. Вот потому то старики и становятся снисходительнѣе,—что они знают, что всѣ человѣком созданныя цѣнности не важны.

— Но пока мы живем человѣческими цѣнностями, я обязан поддерживать их, — возразил Маркхем. — И

никогда чувство личной симпатіи не заставит меня свернуть с истиннаго пути.

— Может быть вы и правы, — вздохнул профессор.—Но не просите меня о такой помощи. Если вы откроете истину, будьте милосердны: убѣдитесь, можно ли считать преступника отвѣтственным, прежде чѣм посылать его на электрическій стул. Бывают больные умы, как больныя тѣла, и часто они существуют одновременно в одном и том же человѣкѣ.

Когда Ванс вернулся в гостиную, он тщательнѣе обыковеннаго закурил папиросу.

— Профессора, — сказал он, — огорчила смерть Спригга, и хотя он протестует, а все-таки формула убѣдила его, что Робин и Спригг относятся к одному и тому же уравненію. Только он уж очень легко дал себя убѣдить. Почему? Болѣе того, он тотчас же сознался, что Спригг был хорошо здѣсь извѣстен. Не могу сказать, что он что-то подозрѣвает, но несомнѣнно боится кого-то... Он повидимому не желает мѣшать правосудію, но рѣшительно отказывается принять участіе в крестовом походѣ против Друккеров. Не знаю, какая подкладка под его почтительностью к миссис Друккер, профессор не сантиментален.—А эта пошлость о больном умѣ и больном тѣлѣ? Точно для лекціи по физической культурѣ. Ну, предложим нѣсколько вопросов Пайну.

— Не думаю, чтобы можно было от них чего-нибудь добиться,— сказал Маркхем. — А все-таки, сержант, приведите сюда Пайна.

Когда Хизс вышел, Ванс бросил на Маркхема шутливый взгляд.

— Увѣряю тебя, ты не будешь раскаиваться. Честное слово, трудная это проблема... — Он снова сдѣлался серьезен. — Нам тут приходится имѣть дѣло с неизвѣстными величинами. Мы столкнулись с какой то странной, ненормальной силой, которая не дѣйствует согласно принятым законам. Она чрезвычайно утонченна и неизвѣстна нам. Но мы знаем по крайней мѣрѣ, что источник ея гдѣ-то вблизи этого дома; мы должны обыскать каждый психологическій уголок,

каждую щель. Пожалуйста, не раздражайся вопросами, которые я буду предлагать Пайну. Придется заглядывать в самыя невѣроятныя мѣста...

Послышались приближающіеся шаги, и через мгновеніе вышел Хизс, ведя на буксирѣ стараго лакея.

Глава XI.

Украденный револьвер.

Понедѣльник, 11-го апрѣля; 3 часа дня.

— Садитесь, Пайн, — ласково, но строго сказал Ванс.

— Профессор разрѣшил нам допросить вас, и мы увѣрены, что вы отвѣтите на всѣ вопросы.

— Конечно, сэр,—отвѣчал слуга. — Я увѣрен, что у профессора нѣт причины что-нибудь скрывать.

— Отлично.—Ванс откинулся на спинку кресла. — Ну, для начала, скажите мнѣ, в котором часу был сегодня подан завтрак?

— В половинѣ девятаго, сэр, как всегда.

— Всѣ члены семейства присутствовали на нем?

— О, да, сэр.

— Кто будит по утрам и в котором часу?

— Я бужу; в половинѣ восьмого я стучу в дверь.

— И ожидаете отвѣта?

— Да, сэр, всегда.

— Припомните, Пайн, всѣ ли вам сегодня отвѣтили?

— О, да, сэр.

— И никто не опоздал к завтраку?

— Всѣ были во время, как всегда, сэр.

— Не случилось ли вам видѣть, что кто-нибудь выходил сегодня из дому или возвращался домой до завтрака?

— Вопрос был предложен очень небрежно, но я видѣл, что тонкія вѣки Пайна дрогнули.

— Нѣт, сэр.

— А не мог ли кто-нибудь из членов семейства выйти из дому и вернуться без вашего вѣдома?

Первый раз во время допроса Пайн отвѣтил неохотно.

— Конечно, сэр, — заговорил он безпокойно, — можно было пройти через парадную дверь без моего вѣдома, пока я накрывал стол в столовой. А кромѣ того можно было пройти и в дверь стрѣлковой комнаты, потому, что моя дочь всегда запирает дверь в кухню, когда готовит завтрак.

Ванс помолчал, а потом спокойно спросил:

— У кого-нибудь в домѣ есть револьвер?

Глаза Пайна широко раскрылись.

— Нѣт... насколько я знаю, — сказал он не сразу.

— Слышали вы когда-нибудь о „Епископѣ", Пайн?

— О, никогда, сэр! — Лицо его побѣлѣло. — Вы говорите про человѣка, который посылал эти записки в газеты?

— Я говорил просто о епископѣ, — небрежно сказал Ванс. — Но скажите-ка мнѣ, слышали вы что нибудь об сегодняшнем убійствѣ в Риверсайд-паркѣ?

— Да, сэр. Дворник из сосѣдняго дома разсказал мнѣ о нем.

— Вы знали молодого м-ра Спригга?

— Я видѣл его здѣсь раз или два, сэр.

— Он был здѣсь недавно?

— На прошлой недѣлѣ, сэр, кажется в четверг.

— Кто еще был здѣсь в это время?

Пайн сморщился, как будто стараясь припомнить.

— М-р Друккер, сэр, — сказал он через мгновеніе. — И, как я припоминаю, м-р Парди тоже приходил. Они всѣ до поздней ночи разговаривали в комнатѣ м-ра Арнессона.

— М-р Арнессон всегда принимает посѣтителей в своей комнатѣ?

— Нѣт, сэр, но профессор работал в библіотекѣ, а мисс Диллард была в гостиной с миссис Друккер.

Минуту Ванс помолчал.

— Теперь все, Пайн, — наконец сказал он, — но пожалуйста пришлите сюда сейчас же Бидл.

Бидл пришла и стала против нас, с мрачным и воинственным видом.

Отвѣты ея большею частью односложные, не прибавили ничего новаго. Но в концѣ краткой бесѣды Ванс спросил, не пришлось ли ей выглянуть из окна сегодня утром перед завтраком.

— Раза два я смотрѣла в окно, — вызывающе отвѣтила она. — Почему же мнѣ было и не посмотрѣть?

— Видѣли вы кого-нибудь на стрѣльбищѣ или на заднем дворѣ?

— Никого кромѣ профессора и миссис Друккер!

— Никого посторонних? — Ванс дѣлал вид, что не придавал никакой важности присутствію профессора и миссис Друккер на заднем дворѣ.

— Нѣт, — коротко отвѣтила Бидл.

— В котором часу вы увидѣли профессора и миссис Друккер?

— Может быть в восемь.

— Они разговаривали?

— Да. Во всяком случаѣ, — поправилась она, — они ходили взад и вперед.

— У них привычка гулять во дворѣ до завтрака?

— Миссис Друккер часто выходит и гуляет по утрам среди цвѣтов. Полагаю, что и профессор имѣет право гулять на своем собственном дворѣ во всякое время.

— Я не спрашиваю вас, Бидл, о его правах,— коротко сказал Ванс. — Я хотѣл только узнать, есть у него привычка осуществлять свои права рано утром.

— Да, сегодня утром он ими пользовался.

Ванс отпустил кухарку и подошел к окну. Маркхем замѣтил, что он в недоумѣніи.

— Ну, что же можно извлечь из этого? — Спросил он. — Я полагаю, что надо просто игнорировать показанія Бидл.

— Бѣда в том, что мы ничего не можем игнорировать в этом дѣлѣ, — тихо проговорил Ванс. — Я

допускаю, что в данную минуту показанія Бидл не имѣют никакой цѣны. Мы узнали только, что два актера этой мелодрамы были на ногах вскорѣ послѣ того, как Спригг был отправлен на тот свѣт. Rendez-vous профессора с миссис Друккер может быть и было одним из твоих излюбленных совпаденій, а с другой стороны оно могло имѣть отношеніе к нѣжным чувствам стараго господина к этой дамѣ. Надо бы навести осторожно справки о его прошлом... А, вот идет Арнессон; как будто немного взволнован.

Спустя мгновеніе послышался звук вкладываемаго в дверь ключа, и в переднюю вошел Арнесон. Увидя нас, он быстро вошел в гостиную и, не поздоровавшись, быстро сказал:

— Правда это, что Спригг застрѣлен? Вы здѣсь, чтобы разспросить меня о нем? Ну, начинайте. — Он бросил на стол набитый портфель и усѣлся на край стула. — Сегодня утром в университетѣ был сыщик, задавал глупые вопросы и вел себя как шут в комической оперѣ. Очень таинственно... Ужасное убійство! Что мы знаем о Джонѣ Сприггѣ; и так далѣе. Сам я не видѣл Догберри, был на лекціи, но он имѣл безстыдство спросить, с какими женщинами бывал Спригг. Спригг и женщины! Да у него ничего на умѣ не было кромѣ его работы. Никогда не пропускал лекцій. Когда сегодня при перекличкѣ его не оказалось, я понял, что случилось что то серьезное. А потом пошел слух об убійствѣ... Что это такое?

— Нам нечего отвѣтить вам, м-р Арнессон. Ванс пристально посмотрѣл на него. — Но у нас есть еще детерминант для вашей формулы: Джонни Спригг убит выстрѣлом „из маленькаго ружья в середину его парика“.

Арнессон нѣсколько времени неподвижно смотрѣл на Ванса. и потом засмѣялся.

— Опять ваша чепуха? Как о смерти Кок-Робина... Ну, разсказывайте.

Ванс кротко изложил ему подробности преступленія.

— Вот и все, что мы знаем в данную минуту, —

закончил он. — Не прибавите ли вы, м-р Арессон, какія-нибудь подробности?

— Господи Боже, да нѣт же их. Спригг один из лучших студентов. Математическій геній может быть. И зачѣм родители назвали его Джоном?! Какой-то маніак прострѣлил ему голову, может быть тот же самый, что убил Робина стрѣлой. Но абстрактный мыслитель взял верх. Отличная задача. Вы все мнѣ сказали? Может быть, рѣшая ее, я натолкнусь на новые математическіе методы. Может формула, которую я выведу, рѣшая эту проблему, откроет новое поле для научных изысканій. Тогда Робин и Спригг окажутся мучениками.

Шутки Арнессона показались мнѣ особенно безвкусными, но Ванс как будто не замѣчал этого.

— Да, вот еще одна вещь, которую я забыл упомянуть. — Он спросил у Маркхема клочок с формулой и протянул его Арнессону — Это нашли под трупом Спригга.

— Арнессон небрежно прочел ее.

— Опять тут запутан Епископ. Та же бумага, тот же шрифт... Но откуда у него эта формула? Я наканунѣ говорил о ней со Сприггом, и он ее записал.

— Пайн сказал, что Спригг заходил сюда в четверг,—произнес Ванс.

— В четверг? Правильно. Был еще Парди и Друккер. Друккер первый заговорил об этой формулѣ. А у Парди безумная идея примѣнить принципы высшей математики к шахматной игрѣ...

— А вы играете в шахматы? — Спросил Ванс.

— Играл, но больше не играю. Игра прекрасная, но не игроки.

— А вы изучали гамбит Парди?

— Бѣдный, старый Парди! — Арнессон улыбнулся. — Он недурной элементарный математик. Привязался к шахматам. Я говорил, что его гамбит не научен, показал ему, как его можно разбить, но он не понял. Алехин, Капабланка, Видмар, Тартаковер разнесли его изобрѣтеніе на всѣ корки. Он нѣсколько лѣт бился над другим гамбитом, но тоже ничего не вышло. Разбитая жизнь.

— А Парди хорошо знал Спригга? — Спросил Ванс.

— Нѣт. Встрѣчался с ним раза два. Парди хорошо знает Друккера, все говорит с ним о математикѣ.

— Был он тогда заинтересован этой формулой?

— Не могу сказать.

— Как вы думаете, почему эта формула была найдена у Спригга?

— Ничего не понимаю. Если бы она была написана рукою Спригга, я бы сказал, что она вывалилась у него из кармана. Но кто стал бы печатать формулы на машинѣ?

— Повидимому Епископ.

Арнессон вынул трубку изо рта и осклабился.

— Епископ X. Постараемся найти этот X. Но он такой капризный. Превратное понятіе о значеніях.

— Повидимому!—Медленно заговорил Ванс.—А я чуть не забыл спросить вас: существуют ли в домѣ Дилларда револьверы?

— Вот что!—Арнессон засмѣялся с нескрываемым восхищеніем.—Вот откуда дует вѣтер... Должен вас разочаровать. Револьверов нѣт. Нѣт скользящих дверей. Нѣт потайных лѣстниц! Все открыто, все наружу.

Белл Диллард стояла в дверях. Она очевидно слышала вопрос Ванса и отвѣт Арнессона.

— Но в домѣ есть два револьвера, Сигурд,—объявила она.—Развѣ ты забыл, что в деревнѣ я стрѣляла из них в цѣль.

— Я думал, что ты уже давно их выбросила — Арнессон встал и подвинул ей стул.

— А вы сохранили их, мисс Диллард? — Раздался спокойный голос Ванса.

— Да. Развѣ это запрещено?

— Думаю, что это нѣсколько противозаконно. Но вѣдь сержант,—начал успокоительно Ванс,—навѣрно не захочет обратить закон против вас. Гдѣ они теперь?

— Внизу в стрѣлковой комнатѣ, в ящикѣ для инструментов.

Ванс встал.

— Не будете ли вы столь любезны, мисс Диллард, и не покажете ли их мнѣ?

Когда Арнессон кивком выразил согласіе, она встала и повела всѣх в стрѣлковую комнату.

— Вот в этом комодѣ у окна. — Она выдвинула ящик, под разным хламом лежал автоматическій Кольт 38.

— Что же это?—Воскликнула она. — Тут только один. Другой пропал!

— Другой был поменьше?—Спросил Ванс.

— Да.

— Калибр № 32?

Дѣвушка кивнула головой и обратила изумленный взгляд к Арнессону.

— Ну что же Белл, пропал, — сказал он пожимая плечами. — Ничего не подѣлаешь. Вѣроятно один из юных стрѣлков взял его, чтоб прострѣлить себѣ голову в случаѣ неудачи при стрѣльбѣ из лука.

— Да будь же серьезен, Сигурд.—Она слегка испугалась.—Куда он мог дѣться?

— Ну, пока это мрачная тайна,—проиронизировал Арнессон.

Видя безпокойство молодой дѣвушки, Ванс перемѣнил тему.

— Может быть, мисс Диллард, вам будет угодно провести нас к миссис Друккер? Нам надо поговорить с нею, и я вижу, что ваша загородная поѣздка отложена.

По лицу дѣвушки скользнуло облако печали.

— О, не безпокойте ее сегодня,—умоляюще сказала она.—Ей очень плохо. Казалось, она чувствовала себя хорошо, но увидѣв м-ра Маркхема, измѣнилась, ослабѣла... Что то ужасное овладѣло ея умом. Когда я уложила ее в постель, она все время повторяла страшным шопотом: „Джонни Спригг, Джонни Спригг... Я вызвала по телефону доктора. Он велѣл ни чѣм не безпокоить ее.

— Но это нам не важно,—увѣрял ее Ванс. — Мы конечно подождем.—А кто ея доктор?

— Уитни Барстед. На моей памяти он всегда лечил ее.

— Хорошій человѣк, — кивнул Ванс, — и лучшій

невропатолог в нашем отечествѣ. Мы ничего не предпримем без его разрѣшенія.

Мисс Диллард благодарно посмотрѣла на него и вышла.

Когда мы снова были в гостинной, Арнессон стал перед камином и насмѣшливо посмотрѣл на Ванса.

— Джонни Спригг, Джонни Спригг? Леди Мей сразу же прониклась этой идеей. Может она и с придурью, но нѣкоторыя доли ея мозга слишком дѣятельны.

Ванс сдѣлал вид, что не слышит, и повернулся к Маркхему.—Кажется, нам здѣсь больше нечего дѣлать, старина. Пойдем ка домой. Хотя, перед уходом надо поговорить с профессором... Вы подождете нас здѣсь, м-р Арнессон?

Арнессон удивленно поднял брови, но тотчас же скривил лицо в презрительную гримасу.

— Хорошо, идите, — и он начал набивать свою трубку.

Профессор был очень недоволен нашим вторым вторженіем.

Мы только что узнали,—сказал Маркхем, — что вы разговаривали сегодня утром, еще до завтрака, с миссис Друккер.

Мускулы на лицѣ профессора сердито задвигались.

— Развѣ мои разговоры с сосѣдями в моем собственном саду подвѣдомственны слѣдователю?

— Конечно нѣт, сэр. Но я не веду слѣдствіе, которое близко касается вашего дома. Мы просто хотѣли спросить вас, не показалось ли вам, что миссис Друккер подозрѣвала о том, что произошло в Риверсайдском паркѣ?

Профессор, подумав мгновеніе, сказал:

— Нѣт, мнѣ этого не покалось.

— Она не показалась вам безпокойной, возбужденной?

— Нѣт.—Профессор встал и прямо посмотрѣл на Маркхема.—Я понимаю, куда вы мѣтите, и мнѣ это не нравится. Я уже говорил вам, Маркхем, что я не приму участія в шпіонствѣ и доносах, когда дѣло коснется этой несчастной женщины. Вот все, что я хотѣл вам

сказать.—Он вернулся к своему письменному столу. — Извините, я очень занят сегодня.

Мы спустились вниз и разпрощались с Арнессоном.

Когда мы вышли на троттуар, Ванс остановился и зажег свѣжую папиросу.

— Ну теперь остался лишь маленькій разговор с грустным, благородным м-ром Парди.

Но Парди не оказалось дома. Его японец сообщил нам, что господин его вѣроятно в шахматном клубѣ.

— И завтра будет достаточно времени, — сказал Ванс, когда мы отошли от дома. — Утром я погорю с доктором Барстедом и попытаюсь повидаться с миссис Друккер. В этот же поход мы включим и м-ра Парди.

— Надѣюсь,—проворчал Хизс, — что завтра мы сдѣлаем больше, чѣм сегодня.

— Вы пропускаете два утѣшительных факта—возразил Ванс,—первый, что всѣ, живущіе в домѣ Дилларда знали Спригга и легко могли также знать о его утренних прогулках; второй, они узнали также, что профессор и миссис Друккер сегодня в восемь часов утра прогуливались в саду. А затѣм мы открыли, что револьвер 32-го калибра исчез из стрѣлковой комнаты. Немного, но все-таки кое-что.

Когда мы ѣхали в город, Маркхем стряхнул с себя мрачность и сказал Вансу.

— Я просто боюсь этого дѣла. Уж очень зловѣщим оно становится. А когда газеты узнают об этой дѣтской пѣсенкѣ и свяжут оба убійства, я и не знаю, что тогда произойдет.

— Боюсь, что ты прав,—вздохнул Ванс. — Что-то говорит мнѣ, что „Епископ“ познакомит прессу с этими стишками из „сказок Мамаши-Гусыни“. Новая шутка еще темнѣе, чѣм исторія с Кок-Робином. Он уж постарается, чтобы никто не пропустил ея, ему нужна аудиторія. В этом и заключается слабое мѣсто его гнусных преступленій. Это наша единственная надежда.

— Сейчас я позвоню к Кинану,—сказал Хизс, — и узнаю, не получено ли еще чего-нибудь.

Но сержанту не пришлось безпокоится. Репортер из „Уордла“ уже ждал нас в камерѣ слѣдователя.

— Здравствуйте, м-р Маркхем, — Кинан был очевидно взволнован.—У меня есть кое что для сержанта Хизса.—Он пошарил в карманѣ и, вынув лист бумаги, передал его Хизсу.—Видите, как я мил с вами, сержант, ожидаю от вас взаимности...Взгляните на этот документ, только что получен самым передовым американским журналом.

Это был просто кусок бумаги для пишущей машинки, на котором была отпечатано крупными буквами пѣсенка о Джонни Сприггѣ. Снизу, в правом углу была подпись прописными буквами: Епископ.

— А вот и конверт, сержант.—Кинан опять полѣз в карман.

Штемпель был от 9 ч. утра и, как и первая записка, это письмо было опущено в ящик также вблизи Диллардовскаго дома.

Глава XII.

Ночное посѣщеніе.

Вторник, 12 апрѣля; 10 ч. утра.

На слѣдующее утро, первыя страницы столичных газет были посвящены сенсаціонным извѣстіям, превосходящим всѣ страхи Маркхема.

Весь город был погружен в страх и трепет, и хотя были попытки объяснить оба преступленія странными совпаденіями, а записки Епископа представить в видѣ шутки маніака, все же большая часть публики была твердо убѣждена, чтой какой-то новый тип убійцы захватил город в свою власть.

Репортеры осаждали Маркхэма и Хизса, но тѣ хранили печать молчанія. Никому не было открыто, что разгадка таилась вблизи дома Диллардов, что пропал

револьвер, 32-го калибра. Газеты сочувственно отнеслись к Сперлингу, как к несчастной жертвѣ обстоятельств.

В день убійства Спригга Маркхем собрал совѣщаніе в своем клубѣ.

Инспектор Моран из уголовнаго бюро и главный инспектор О'Бріен присутствавали на нем. Подробности убійств были выяснены, и Ванс указал причины, почему он полагает, что рѣшеніе этой задачи таится в Диллардовском домѣ или вблизи него.

— Мы теперь в контактѣ со всѣми лицами, которыя обладают достаточными свѣдѣніями об условіях жизни обѣих жертв что и сдѣлало эти преступленія возможными; единственный возможный путь — это сосредоточить все наше вниманіе на этих лицах.

Инспектор Моран согласился.

— Только, прибавил он. — Ни одно из указанных лиц не представляется мнѣ кровожадным маніаком.

— Убійца не маніак в обыкновенном смыслѣ слова —возразил Ванс.—Вѣроятно во всѣх других отношеніях он совершенно нормален. Я бы сказал, что у него блестящій мозг, кромѣ одного пораженнаго мѣста. Он потерял всякое представленіе о пропорціональности, именно вслѣдствіе повышенной умственной работы мозга.

— Неужели даже такой извращенный сверхчеловѣк может совершать гнусныя преступленія без всяких мотивов? — Спросил инспектор.

— Но мотив есть. Концепція преступленій имѣет в основѣ какую-то ужасающую двигательную силу, дѣятельность которой проявляется в формѣ сатанинскаго юмора.

Главный инспектор не принимал участія в этой части преній.

— Все это разговоры,—вѣско произнес он, — пригодные для газет, но не дѣловые. Нам же надо пользоваться всѣми средствами и добиться юридических доказательств.

Окончательно было постановлено передать записки Епископа эксперту и стараться выслѣдить, кто печатал,

и гдѣ продавалась такая бумага. Рѣшили вести систематическіе поиски свидѣтелей, которые были в паркѣ утром между семью и восемью часами, и составить подробный доклад об образѣ жизни и знакомствах Спригга. Постановили также допросить почтальона, вынимающаго письма из ящиков, в надеждѣ, что он запомнил конверты, адресованные в газеты, и может указать, в какой ящик они были опущены.

Моран посовѣтовал поставить трех человѣк вблизи мѣста убійства, чтобы слѣдить за дальнѣйшими событіями и, может быть, за подозрительными поступками прикосновенных лиц. Полицейскій департамент и окружный слѣдователь должны были работать рука об руку. Во главѣ слѣдствія был поставлен Маркхем.

На слѣдующее утро Маркхем и Хизс зашли к Вансу еще до девяти часов.

— Такой порядок не может продолжаться, — сказал Маркхем.—Если кому-нибудь кое-что извѣстно, мы должны узнать это. Сейчас я разставлю силки, и чорт с ними, с послѣдствіями.

— Непремѣнно натяни всѣ нити, — возбужденно сказал Ванс.—Только я сомнѣваюсь, что это поможет нам. Чтобы разгадать эту загадку, надо примѣнить особые пріемы. Между прочим, я говорил по телефону сегодня с доктором Барстедом. Он разрѣшил нам поговорить с миссис Друккер сегодня утром. Но сначала я повидаюсь с ним. Мнѣ хочется узнать побольше о Друккеровской патологіи. Горбунами люди дѣлаются не только при паденіи.

Мы сейчас же поѣхали к доктору и были немедленно приняты. Доктор был высокій, спокойный человѣк, любезность его была какой то утонченой.

Ванс тотчас же заговорил о дѣлѣ.

— Мы имѣем основанія предполагать, доктор, что миссис Друккер, может быть и ея сын, косвенно связаны с убійством Робина в домѣ Дилларда, и прежде чѣм приступить к допросу, хотѣли бы получить от вас — насколько конечно позволяет врачебная этика — кой-какія свѣдѣнія о невропатологическом состояніи этих лиц.

— Пожалуйста, говорите яснѣе, сэр, — надменно сказал доктор Барстед.

— Мнѣ говорили,—продолжал Ванс, — что миссис Друккер считает себя виноватой в уродствѣ своего сына. Но мнѣ кажется, что подобное уродство не всегда является результатом физических поврежденій.

Доктор медленно кивнул головой.

— Совершенно вѣрно. Сжатіе позвоночника может произойти от вывиха, от удара. Но гніеніе позвонков обыкновенно туберкулезнаго происхожденія; и туберкулез позвоночника чаще всего случается в дѣтствѣ. Часто он существует уже при рожденіи. Правда, поврежденіе возбуждает какой нибудь скрытый процесс, поэтому возникло повѣрье, что удар сам по себѣ является причиной болѣзни. Горб Друккера несомнѣнно туберкулезнаго происхожденія.

— Вы, конечно, объяснили миссис Друккер положеніе вещей?

— Нѣсколько раз, но успѣха не имѣл. Дѣло в том, что какое-то извращенное стремленіе к мученичеству заставило ее уцѣпиться за мысль, что она виновата в несчастьѣ, постигшем ея сына. Эта ложная идея сдѣлалась ея idée fixe.

— До какой степени,—спросил Ванс,—этот психоневроз подѣйствовал на ея разсудок?

— Трудно сказать, да я и не хотѣл бы заняться обсужденіем этого вопроса. Одно могу подтвердить: она несомнѣнно больна, и мысли ея смутны. По временам, конечно, я сообщаю вам под строжайшим секретом, у нея бывали галлюнаціи, всегда касавшіяся ея сына. Она готова для его благополучія на все.

— Мы очень цѣним ваше довѣріе, доктор... А не логично ли было бы предположить, что вчерашнее ея болѣзненное состояніе было вызвано страхом за его благополучіе?

— Несомнѣнно. Внѣ его у нея нѣт никакой эмоціональной или умственной жизни. Но был ли это страх реальной или выдуманной опасности, я не могу сказать.

Она давно живет на границѣ между реальностью и фантазіей.

Наступило короткое молчаніе, и затѣм Ванс спросил:

— А самого Друккера вы считаете отвѣтственным за свои поступки?

— Так как он мой паціент и так как до сих пор я оставляю его на свободѣ, то вопрос ваш я считаю неумѣстным,—возразил холодно доктор.

Маркхем заговорил властно.

— У нас нѣт времени подбирать выраженія, доктор. Мы ведем слѣдствіе о цѣлом рядѣ отвратительных преступленій. М-р Друккер прикосновенен к одному из них, до какой степени — мы не знаем. Но наш долг узнать.

Первое побужденіе доктора было воинственнаго характера, но он сдержал себя и отвѣтил прежним снисходительным, дѣловым тоном.

— Есть степени отвѣтственности. Ум м-ра Друккера слишком развит, как это часто бывает у горбунов. Умственные процессы у него обращены, так сказать, внутрь себя, и недостаток нормальных физических реакцій часто ведет к заблужденіям. Но у м-ра Друккера я не замѣтил ничего, указывающаго на это. Он очень раздражителен и склонен к истеріи, но такое психическое состояніе свойственно его болѣзни.

— В чем выражается его отдых?

— В дѣтских играх, я полагаю. Такія забавы часто нравятся калѣкам. Не имѣв нормальнаго дѣтства, он хватается за то, что дает ему возможность до нѣкоторой степени пополнить дѣтскія переживанія. Эти дѣтскія забавы и удерживают в равновѣсіи его чисто умственную жизнь.

— А как относится миссис Друккер к этим играм?

— Очень их одобряет. Она часто перегнувшись через стѣну, наблюдает дѣтскую площадку в Риверсайдском паркѣ, когда он там забавляется. И она всегда возглавляет дѣтскіе праздники и обѣды, устраиваемые ея сыном в их домѣ.

Через нѣсколько минут мы ушли. Хизс каким-то испуганным голосом спросил:

— Великій Боже! Во что это дѣло обратится?

В домѣ Друккеров нам открыла дверь высокая, полная нѣмка, подозрительно заявившая нам, что м р Друккер очень занят и никого не принимает.

— А все-таки вы доложите ему, — сказал Ванс, — что участковый слѣдователь желает говорить с ним.

Тотчас же, точно в паническом страхѣ, она побѣжала по лѣстницѣ. Мы услышали стук в дверь, затѣм голоса, а через нѣсколько мгновеній она вернулась и сообщила, что м-р Друккер готов принять нас в своем кабинетѣ.

Когда мы проходили мимо нея, Ванс повернулся к ней и значительно спросил:

— В котором часу встал м р Друккер вчера утром?

— Не знаю,—испуганно пролепетала она. — Ja, ja, знаю, в десять, как всегда.

Друккер принял нас, стоя у большого стола, заваленнаго книгами и рукописями.

Ванс одно мгновеніе пристально смотрѣл на него, точно стараясь узнать, какая тайна скрывалась за его безпокойными, впалыми глазами.

— М-р Друккер, — начал он, — мы вовсе не желаем причинять вам излишних безпокойств, но мы узнали, что вы были знакомы с покойным Джоном Сприггом. Не знаете ли вы по какой причинѣ кто-нибудь мог бы желать его смерти?

Друккер встал. Несмотря на усиліе владѣть собою, голос его слегка дрожал, когда он заговорил.

— Я знал м-ра Спригга поверхностно. Что касается его смерти у меня нѣт никаких предположеній...

— Под тѣлом был найден клочек бумаги с математической формулой Римана, которую вы ввели в вашей книгѣ в главу о предѣльности физическаго пространства. — Говоря это, Ванс подвинул к нему по столу одну из отпечатанных на машинкѣ бумажек, и пристально посмотрѣл на него.

Друккер не замѣтил этого движенія. Слова Ванса приковали его вниманіе.

— Не могу понять, — уклончиво сказал он. — Можно посмотрѣть на запись?

Разсмотрѣв бумажку, Друккер вернул ее обратно; его маленькіе глаза злобно сощурились.

— Вы спрашивали Арнессона? На прошлой недѣлѣ он говорил на эту тему со Сприггом.

— Да, — безпечно отвѣтил Ванс. — М-р Арнессон не мог пролить свѣта на этот инцидент. Мы подумали, что может быть вам удастся то, чего он не мог сдѣлать.

— Очень жаль, но я не могу быть ничѣм полезен. — В отвѣтѣ Друккера была насмѣшка. — Формулу всякій может употреблять. Почему вы обратились ко мнѣ?

— Не только формула направила наши стопы к вашей двери. У нас, например, есть причины допускать, что смерть Спригга связана с убійством Робина...

Длинныя руки Друккера ухватились за край стола, глаза засверкали.

— Спригг и Робин... связаны! Вѣдь вы же не вѣрите газетной болтовнѣ?.. Это отвратительная ложь!— Лицо его судорожно искривилось, голос стал пронзительным. Это безумный вздор... Нѣт никаких доказательств, никакого намека на доказательства!

— Кок Робин и Джонни Спригг, — тихо но настоятельно сказал Ванс.

— Чепуха! Безсмысленная чепуха! Боже мой, да неужели весь мір помѣшался! — Он качался взад и вперед и бил рукой по столу, разбрасывая бумаги в стороны.

— А вы не знакомы с Епископом, м-р Друккер?

Качаніе прекратилось, он с ужасающей напряженностью посмотрѣл на Ванса.

— Вы тоже... вы тоже сошли с ума! — Он обвел всѣх нас глазами.—Вы проклятые, глупцы! Никакого Епископа не существует! Да и Кок Робина и Джонни Спригга никогда не бывало. И вы, взрослые люди,

пытаетесь испугать меня, — меня, математика, — дѣтскими сказками.

Он истерически захохотал.

Ванс быстро подошел к нему, взял его за руку и повел к его креслу. Понемногу смѣх прекратился, и он тяжело помахал нам рукою.

— Не хорошо, что Робин и Спригг убиты, — заговорил он медленно и безцвѣтно.

— Но только дѣти и стоят вниманія... Вы навѣрно найдете убійц. Если же нѣт, то может быть я помогу вам. Но не позволяйте воображенію увлекать вас. Держитесь фактов... фактов...

Он был утомлен, и мы ушли.

— Он испуган, Маркхем, чертовски испуган, — замѣтил Ванс, когда мы были опять в передней. —Очень бы я хотѣл знать, что таится в этом остром, но сбитом с пути, умѣ.

По дорогѣ к двери миссис Друккер он замѣтил:

— Этот способ дѣлать визиты дамам не особенно хорошаго тона. Право, я не рожден быть полицейским, я ненавижу шпіонаж.

На наш стук в дверь нам отвѣтил слабый голос. Миссис Друккер, блѣднѣе чѣм обыкновенно, лежала на своей кушеткѣ у окна.

Она заговорила напряженным, испуганным голосом:

— Я знала, что вы придете, знала, что вы еще не кончили мучить меня...

— Мучить вас, — возразил мягко Ванс, — самым отдаленным образом не входит в наши намѣренія. Мы просто хотим помочь вам.

Манеры Ванса как будто смягчили ея ужас.

– Если бы только я могла помочь вам!—Прошептала она.—Но ничего нельзя подѣлать, ничего...

— Вы могли бы сообщить нам, что вы видѣли из окна в день смерти м-ра Робина.

— Нѣт, нѣт! — Глаза ея смотрѣли с ужасом. — Я ничего не видѣла; я не подходила к окну в то утро. Вы можете убить меня, но послѣднее мое слово будет: — нѣт, нѣт!

Ванс не настаивал.

— Бидл сказала нам, — продолжал он, — что вы часто встаете рано и гуляете в саду.

— Да. Я плохо сплю по утрам. Я часто просыпаюсь от боли в спинѣ. Тогда я встаю и гуляю по двору, если погода позволяет.

— Бидл видѣла, как вы гуляли вчера утром с профессором Диллардом.

Она кивнула головой, но тотчас же вопросительно и непріязненно посмотрѣла на Ванса.

— Да, мы иногда гуляем вмѣстѣ, — поторопилась она объяснить. — Он жалѣет меня и восхищается Адольфом; он думает, что Адольф великій геній. Да он и дѣйствительно геній. Он мог бы быть великим человѣком, как профессор Диллард, если бы не его болѣзнь... Все это по моей винѣ. Я уронила его, когда он был ребенком... Рыданіе потрясло ея изможденное тѣло.

Через мгновеніе Ванс спросил:

— О чем вы говорили с профессором вчера в саду?

Лукавое выраженіе появилось на ея лицѣ.

— По большей части об Адольфѣ.

— А кого-нибудь другого вы не видѣли ни в саду ни на стрѣльбищѣ?

— Нѣт!—Опять она испугалась. — Но кто-то был там, не правда-ли? Кто то, кто не хотѣл, чтобы его видѣли... Да, кто-то был — и они думают, что я их видѣла. Но я не видѣла! О, Боже милосердный! Я не видѣла!—Она закрыла лицо руками, и тѣло ея конвульсивно содрогнулось.

— Если бы я их видѣла! Если бы я знала! Но это не был Адольф... Мой маленькій мальчик спал, слава Богу, он спал!

Ванс близко подошел к ней.

— Почему вы благодарите Бога, что это не был ваш сын?—Ласково спросил он.

Она с удивленіем посмотрѣла на него.

— Да развѣ вы не понимаете? Маленькій человѣчек застрѣлил Джонни Спригга из маленькаго ружей-

ца,—тот же самый маленькій человѣчек, который убил Кок-Робина стрѣлой из лука. Ах, это ужасная игра, и я боюсь... Но я не должна говорить, не могу говорить. А то маленькій человѣчек сдѣлает что-нибудь ужасное. Может быть, — с ужасом в голосѣ продолжала она,—может быть он подумает, что я старуха из башмака!..

— Успокойтесь, миссис Друккер, — утѣшал ее Ванс.—Все это безсмысленная болтовня. Для всего есть совершенно разумное объясненіе. И мнѣ кажется, что именно *вы* поможете нам найти это объясненіе!

— Нѣт, нѣт! Я не могу, не должна. Я сама ничего не понимаю!

— Почему вы нам не скажете?—настаивал Ванс.

— Потому что я не знаю,—воскликнула она. — Я хотѣла бы знать, клянусь Богом! Знаю только, что должно случиться что то ужасное, что какое то проклятіе висит над этим домом.

— Почему вы это знаете?

— Потому,—еле слышно сказала она,—потому что сегодня ночью приходил маленькій человѣчек.

Холод пробѣжал у меня по спинѣ, и я увидѣл, что даже невозмутимый сержант глубоко втянул в себя воздух. Раздался спокойный голос Ванса.

— Почему же вы знаете, что он был здѣсь? Вы видѣли его?

— Нѣт, не видѣла, но он пытался войти ко мнѣ в комнату через эту дверь.

— Вы должны нам разсказать все,—сказал Ванс,—а то мы подумаем, что всю эту исторію вы выдумали.

— Нѣт, я не выдумала, Бог свидѣтель,—и снова что то наполнило ее смертельным ужасом.—Я лежала в постели, но не спала. Часы на каминѣ пробили полночь, и я услышала мягкій шорох в передней за дверью. Я повернулась лицом к дверям — на столѣ горѣл ночник—и увидѣла, как ручка двери медленно, безшумно поворачивается; как будто кто-то хочет войти так, чтобы не разбудить меня...

— Остановитесь на минутку, миссис Друккер, — прервал Ванс. — Вы замыкаете дверь на ночь?

— Я никогда не замыкала ее до послѣдняго времени, до смерти м ра Робина. Я теперь чувствую себя в опасности... не могу объяснить почему.

— Понимаю. Продолжайте ваш разсказ. Что случилось потом?

Она двигалась взад и вперед, а я застыла от ужаса. Наконец мнѣ удалось крикнуть, ручка мгновенно перестала шевелиться, и я услышала быстрые шаги... Мнѣ удалось наконец встать. Я подошла к двери и стала прислушиваться. Я боялась—за Адольфа. Я слышала, как кто-то быстро и легко спускался по лѣстницѣ...

— По какой лѣстницѣ?

— По кухонной... Затѣм хлопнула наружная дверь, —и все сново стихло.

— Что то говорило во мнѣ, что я должна открыть дверь. Я была в смертельном страхѣ, но знала, что я должна открыть ее. Тихонько я повернула ключ и взялась за ручку. Когда я потянула дверь к себѣ, что то лежавшее с другой стороны на ручкѣ, с шумом упало... к моим ногам!

Она не могла больше говорить. Спокойный голос Ванса вернул ей рѣчь.

— Что же лежало на полу, миссис Друккер?

С трудом она встала и пошла к туалету. Выдвинув маленькій ящик, она запустила в него руку и стала в нем шарить. Потом она протянула раскрытую руку. На ладони ея лежала маленькая шахматная фугурка из чернаго дерева. Это был епископ *).

Глава XIII.

Подъ знаком Епископа.

Вторник, 12 апрѣля; 11 ч. утра.

Ванс взял епископа и положил его себѣ в карман.

— Было бы очень опасно, сударыня,—торжествен-

*) Англичане называют шахматнаго слона епископом.

но и выразительно произнес он,—если бы случившееся здѣсь сегодня ночью стало извѣстным. Если бы лицо, сыгравшее с нами эту шутку, узнало, что вы извѣстили полицію, оно попробовало бы напугать вас еще чѣм-нибудь. Поэтому никому ни слова о том, что вы нам разсказали.

— Даже Адольфу нельзя сказать?—Спросила она.

— Никому! Вы должны хранить молчаніе даже при сынѣ.

Я не мог понять, почему Ванс так настаивает на этом пунктѣ, но очень скоро все стало мнѣ ясным. Правильность его совѣта подтвердилась трагически.

Мы через нѣсколько минут ушли, спустились по кухонной лѣстницѣ и вышли на залитое солнцем крыльцо.

Маркхем первый заговорил.

— Вы думате, Ванс, что лицо, принесшее сегодня ночью эту фигурку и есть убійца Робина и Спригга?

— Внѣ всякаго сомнѣнія. Цѣль этого ночного визита отвратительно ясна. Во всем этом кошмарѣ это единственная вещь, которая не может быть названа проявлевіем сумасшедшаго юмора. Теперь у нас есть нѣчто опредѣленное.

— Что же это такое? — Спросил Хизс.

— Прежде всего нам стало извѣстно, что этот шахматный трубадур хорошо знаком с планом этого дома. Он также должен знать, когда вернулся Друккер в эту ночь; иначе он не отважился бы нанести свой визит.

— Но мы и так уже установили, что убійца отлично ознакомлен с этими домами, — проворчал Хизс.

— Вѣрно. Но можно близко знать семью и не умѣть пробраться в дом незамѣтно. Кромѣ того, этот ночной посѣтитель знал, что обычно миссис Друккер не замыкала дверь на ночь; он несомнѣнно имѣл намѣреніе войти в комнату, оставить в ней фигурку и уйти. То, как он поворачивал ручку двери, доказывает, что он хотѣл именно этого.

— Может быть, он хотѣл просто разбудить миссис

Друккер, что бы она тотчас же нашла злополучную фигурку,—предположил Маркхем.

— А зачѣм же он так осторожно повертывал ручку, как будто старался никого не разбудить? Нѣт, Маркхем, у него в мозгу было что то болѣе зловѣщее; но когда дверь оказалась замкнутой, и миссис Друккер вскрикнула, он оставил епископа там, гдѣ его нашла миссис Друккер, и убѣжал.

— Но, сэр, — заговорил Хизс, — вѣдь и другой кто-нибудь мог знать что она не замыкается на ночь, и быть настолько знакомым с расположенiем дома, чтобы ходить по нему впотьмах.

— Но у кого мог быть ключ от задней двери, сержант?

— Дверь могла остаться незамкнутой,—упорствовал Хизс, — вот, когда мы провѣрим всѣ alibi, тогда у нас будет руководящая нить.

Ванс вздохнул.

— Вѣроятно вы найдете двух, трех человѣк без всякаго alibi; а если ночной визит был сдѣлан по плану, так и alibi навѣрно подготовлено. Мы вѣдь не с дураками имѣем дѣло, сержант. Мы играем в смертоносную игру с хитрым, находчивым убiйцей, который также бысто соображает, как и мы, и также искушен в тонкостях логики...

Вдруг он встал, а за ним и мы, и всѣ пошли в кухню. У стола сидѣла нѣмка и что-то готовила. Ванс с улыбкой посмотрѣл на нее и спросил.

— Как вас зовут?

— Менцель, — отвѣтила она. — Грета Менцель.

— Вы уже давно у Друккеров?

— Двадцать пятый год.

— Давно, — замѣтил Ванс. — Скажите отчего вы так испугались нас сегодня утром?

— Я не испугалась, но м-р Друккер был занят.

— Вы может быть подумали, что мы пришли его арестовать?

Ея глаза расширились, но она ничего не отвѣтила.

— В котором часу м-р Друккер вчера встал? — Продолжал Ванс.

— Я уже сказала вам, в девять, как всегда.

— В котором часу встал м-р Друккер? — Голос его звучал настойчиво и значительно.

— Я сказала вам.

— Die Wahrheit Frau Menzel! Um wie viel Uhr ist er aufgestanden?

Повтореніе вопроса по-нѣмецки мгновенно вызвало психологическій эффект. Женщина закрыла лицо руками, и у нея вырвался подавленный крик.

— Не знаю, — сказала она. Я будила его в половинѣ девятаго, но он не отвѣтил. Я попробовала дверь... она была незамкнута, и — Du, lieber Gott! его там не было.

— Когда вы его опять увидѣли?

— В девять. Я пошла наверх, чтобы сказать ему, что завтрак готов. Он был в кабинетѣ за столом, работал как сумасшедшій и был взволнован. Он сказал мнѣ, чтобы я ушла.

— Он спустился к завтраку?

— Ja, ja. Он пришел вниз через полчаса.

— Почему вы сказали мнѣ сегодня, что м-р Друккер встал в девять часов? — Спросил Ванс.

— Я должна была... так мнѣ было велѣно. Когда миссис Друккер вернулась вчера от мисс Диллард, она сказала мнѣ, что, если будут мнѣ предлагать этот вопрос о м-рѣ Друккерѣ, я должна отвѣчать: в девять часов. Она даже заставила меня поклясться...

Ванс все-таки казался сбитым с толку.

— В том, что вы нам разсказали, нѣт ничего такого, что могло бы так на вас подѣйствовать. Вполнѣ естественно, что болѣзненная женщина вбила себѣ в голову, что она должна защитить своего сына от подозрѣній, когда по сосѣдству было совершено убійство. Вы вѣдь знаете ее достаточно, знаете, как она преувеличивает самую отдаленную возможность в том, что касается ея сына. У вас нѣт основаній связывать м-ра Друккера с этим преступленіем?

— Нѣт, нѣт! — Женщина затрясла головой, как сумасшедшая.

Ванс пошел к окну, он вдруг повернулся и суровым неумолимым тоном сказал: — гдѣ вы были, миссис Менцель, в то утро, когда был убит м-р Робин?

Вдруг изумительная перемѣна произошла в ней; лицо ея поблѣднѣло, губы задрожали, она судорожно сжала руки. Она хотѣла отвести свои глаза от Ванса, но что-то в его взглядѣ удержало ее.

— Гдѣ вы были, миссис Менцель? — Вопрос был рѣзко повторен.

— Я была здѣсь, — начала она, но вдруг остановилась и взволнованно посмотрѣла на Хизса.

— Вы были в кухнѣ?

Она кивнула головой, казалось она потеряла дар рѣчи.

— И вы видѣли, как м-р Друккер вернулся от Диллардов?

— Хорошо, продолжал Ванс. — И он пришел по черному ходу и пошел наверх... И он не знал, что вы его видѣли через кухонную дверь... А позже он спросил, гдѣ вы были в это время. И потом вы узнали о смерти м-ра Робина за нѣсколько минут до его прихода... А вчера, когда миссис Друккер приказала вам говорить всѣм, что он встал в девять часов, и вы узнали, что по сосѣдству был еще кто-то убит, у вас возникли подозрѣнія... Вѣрно, фрау Менцель?

Женщина громко плакала в передник.

Хизс свирѣпо посмотрѣл на нее.

— Так вот как! — Загремѣл он. — Вы лгали, когда я вас допрашивал, сопротивлялись правосудію!

— Миссис Менцель, сержант, —заговорил Ванс, — не имѣла никакого намѣренія обманывать правосудіе, она теперь сказала всю правду, и не дав Хизсу времени отвѣтить, он обратился дѣловым тоном к перепуганной женщинѣ: — вы каждую ночь замыкаете дверь, ведущую на крыльцо?

— Да, каждую ночь.

— Вы увѣрены, что вы замкнули ее сегодня ночью?

— В половинѣ девятаго, когда я пошла спать.

Ванс подошел к двери и осмотрѣл замок.

— У кого ключ от двери?

— У меня, и у миссис Друккер тоже есть ключ.

— И больше ни у кого?

— Ни у кого, исключая мисс Диллард.

— Мисс Диллард? А на что ей ключ?— Спросил Ванс.

— Да у нея он уже нѣсколько лѣт. Она вѣдь как член семейства, приходит два-три раза в день. Когда я ухожу, я замыкаю дверь, а так как у нея есть свой ключ, миссис Друккер не приходится безпокоиться и спускаться вниз.

— Совершенно естественно, — пробормотал Ванс. — Больше мы не будем вас безпокоить, фрау Менцель, и он вышел на крыльцо.

Когда дверь закрылась за нами, он указал на дверь, ведшую во двор.

— Замѣтьте пожалуйста, что проволочная сѣтка выломана из рамы, конечно за тѣм, чтобы можно было засунуть руку внутрь и повернуть защелку. Дверь открывали ключем миссис Друккер или мисс Диллард, вѣрнѣе ключем послѣдней.

Хизс кивнул головой, но Маркхем стоял в нѣкотором отдаленіи и сердито пыхтѣл папиросой. Вдруг он рѣшительно повернулся и уже готов был снова войти в дом, когда Ванс схватил его за руку.

— Нѣт, Маркхем. Технически это может страшно повредить. Смири твой гнѣв.

Маркхем стряхнул с себя его руку.

— Чорт возьми, Ванс Друккер наврал нам, что он ушел от Диллардов через ворота до убійства Робина.

— Конечно наврал. Я все время подозрѣвал, что отчет, данный им о том утрѣ, был нѣсколько фантастичен. Но не стоит итти к нему с разспросами. Он просто скажет, что кухарка ошибается.

Маркхем не успокоился.

— Но я хочу знать, гдѣ он был вчера утром. По-

чему это миссис Druккер старается увѣрить нас, что он спал?

— Вѣроятно она тоже ходила в его комнату и видѣла, что она пуста. Когда она узнала о смерти Спригга, она сейчас же стала придумывать alibi. Но не выйдет ничего хорошаго, если вы сейчас же пойдете обличать несообразность его разсказа.

— Но может быть,—серьезно заговорил Маркхем, — я и добился бы объясненія этого омерзительнаго дѣла.

Ванс отвѣтил не сразу. Подумав он тихо сказал.

— Все-таки не слѣдует рисковать. Если то, что вы думаете, окажется справедливым, и вы сообщите только что полученныя вами свѣдѣнія, маленькій человѣк не может на этот раз и не удовлетвориться оставленіем фигурки у дверей:

Маркхем с ужасом посмотрѣл на него.

— Вы думаете, что жизнь кухарки была бы в опасности, если бы я сейчас же воспользовался уликой против него?

— Самое ужасное в этом дѣлѣ то, что пока мы не добьемся правды, мы все время в опасности. Мы не можем подвергать ей кого бы то ни было...

Дверь на крыльцо отворилась, и на порогѣ появился Друккер. Его взгляд остановился на Маркхемѣ и хитрая, злобная улыбка скривила его рот.

— Надѣюсь, я не помѣшал? Но кухарка только что сообщила мнѣ, что она сказала вам, будто бы она видѣла, как я вышел через заднюю дверь утром в день убійства м-ра Робина.

— Так что же из этого м-р Друккер? — Спросил Маркхем.

— Я только хотѣл сказать вам, что кухарка ошибается. Она очевидно спутала дни, я часто прихожу домой через эту дверь. Я уже сказал вам, что я ушел со стрѣльбища через ворота, выходящія на 75-ю улицу и послѣ краткой прогулки в паркѣ вернулся домой через парадную дверь. Я убѣдил Грету, что она ошиблась.

Ванс внимательно слушал. Потом он повернулся

и встрѣтил улыбку Друккера тоже ясной невинной улыбкой.

— Вы убѣдили ее, может быть, при помощи шахматной фигуры?

Друккер дернулся головой вперед и втянул глубоко воздух. Его исковерканное тѣло напряглось. мускулы у глаз и рта задрожали, жилы на шеѣ вздулись как веревки. На одно мгновеніе я подумал, что он потеряет власть над собою, но с большим усиліем он принял спокойный вид.

— Я не понимаю вас, сэр.—Голос его дрожал от гнѣва.—Причем тут шахматная фигура?

— Фигуры носят различныя названія,—лаконически замѣтил Ванс.

— Это вы то будете разсказывать мнѣ о шахматах.—Ядовитое презрѣніе было в его голосѣ, но все-таки ему удалось усмѣхнуться. — Конечно, разныя названія: король, ферзь, ладья, конь.—Он вдруг остановился...—епископ...—Он прижался головой к дверям и захохотал.—Так вот что вы подразумѣваете! Епископ!.. Да вы просто сборище глупых дѣтей, играющих в какую-то дурацкую игру.

— У нас есть основательныя причины думать, — сказал с внушительным спокойствіем Ванс,—что играет в эту игру кто-то другой, и шахматный епископ в этой игрѣ имѣет символическое значеніе.

Друккер успокоился.

— Не принимайте всерьез неразумныя рѣчи моей матери,—укоризненно сказал он. — Воображеніе часто играет с ней разныя штуки.

— Но почему же вы заговорили о вашей матери?

— Да вѣдь вы сейчас бесѣдовали с нею? И ваши разсужденія напоминают мнѣ о ея безвредных галлюцинаціях.

— С другой стороны,—мягко замѣтил Ванс,—ваша мать могла имѣть серьезныя основанія для ея страхов.

— Вздор!

— Но все-таки, м-р Друккер, нам очень важно было бы знать, гдѣ вы были вчера утром между восемью и девятью часами?

Друккер как будто хотѣл отвѣтить, но потом губы его опять сжались, он долго смотрѣл на Ванса, как будто высчитывая что-то. Наконец он громко, твердо заговорил.

— Я работал в кабинетѣ от шести утра до половины десятаго.—Уже нѣсколько мѣсяцев я работаю по интерефеpенцiи свѣта. Диллард сказал мнѣ, что я не смогу доказать мою теорiю, — в глазах его загорѣлся огонь фанатизма, — но вчера утром я проснулся с ясным представленiем о нѣкоторых факторах теоремы, сейчас же встал и пошел в кабинет.

— Значит, вы там и были,—сказал спокойно Ванс.— Это не особенно важно. Простите за безпокойство.—Он кивнул Маркхему, и мы пошли на стрѣльбище. По дорогѣ он остановился и, улыбаясь, заботливо сказал: — Миссис Менцель под нашим покровительством. Очень будет больно, если с ней что-нибудь случится.

Друккер глядѣл вслѣд нам как загипнотизированный.

Когда мы отошли достаточно далеко, Ванс перешел на сторону Хизса.

— Сержант, — сказал он безпокойно, — эта честная нѣмецкая Hausfrau сунула голову в петлю. Честное слово, я боюсь. Поставьте-ка около дома Друккера хорошаго человѣка на ночь, вот под тѣми деревьями. При первом крикѣ или призывѣ о помощи, пусть он сейчас же ломится в дом... я спокойнѣе усну, если буду знать, что ангел в статском платьѣ охраняет сон фрау Менцель.

Глава XIV.

Шахматная игра.

Вторник, 12-го апрѣля; 11 ч. 30 м. утра.

По дорогѣ к дому Дилларда я рѣшил, что сейчас же должны быть наведены справки о том, гдѣ провело ночь каждое лицо, хоть сколько нибудь связанное с жестокой драмой.

— Не надо только сообщать о том, что случилось с миссис Друккер, — предупредил Ванс. — Наш полуночный странник, оставившій епископа у дверей, вовсе не желал, чтобы мы знали о его визитѣ. Он был увѣрен, что бѣдная дама от страха не рѣшится нам сообщить об этом.

— Я склонен думать, — возразил Маркхем, — что ты приписываешь епископу слишком большое значеніе.

— Милый мой! — Ванс остановился и положил обѣ руки на плечи Маркхема. — Поэзія души твоей обратилась в прозу. Я же даю полную свободу воображенію и говорю тебѣ, что епископ у дверей миссис Друккер — отчаянный поступок отчаявшагося человѣка. Это предупрежденіе.

— Ты полагаешь, что она знает что-то?

— Я думаю, что она видѣла тѣло Робина на стрѣльбищѣ. А кромѣ того я думаю, что она видѣла и еще кое-что другое, и она отдала бы жизнь, чтобы не видѣть этого другого.

Когда мы проходили мимо стрѣлковой комнаты, дверь в подвальный этаж открылась, и Белл Диллард, встревоженная предстала пред нами.

— Я видѣла, как вы шли по стрѣльбищу. — Заговорила она торопливо, обращаясь к Маркхему. — Больше часа я ожидала вас, телефонировала к вам в камеру. Случилось нѣчто странное. Сегодня утром, по дорогѣ к лэди Мей, я выдвинула ящик с инструментами... и револьвер снова лежал там. — Она с трудом переводила дыханіе. — М-р Маркхем, кто то подходил сегодня ночью к этому ящику.

На Хизс это сообщеніе подѣйствовало как электрическій ток.

— Вы трогали его?—Возбужденно спросил он.

— Конечно, нѣт...

Хизс бросился в комнату и вытащил ящик. Маленькій револьвер лежал рядом с большим. Он посмотрѣл его на свѣт и подул в дуло.

— Одна камера пустая, — довольно заявил он. — И стрѣляли совсѣм недавно.

Он нѣжно завернул револьвер в носовой платок и положил себѣ в карман.

Неужели вы допускаете, сержант, спросил Ванс,— что джентльмен, котораго мы ищем, вытер лук и стрѣлу и оставил слѣды своих пальцев на револьверѣ?

Он повернулся к Белл Диллард.

— Мы собственно пришли к профессору и м ру Арнессону. Но кой о чем мы хотѣли бы поговорить и с вами.—У вас есть ключ от задней двери Друккеровскаго дома?

Она посмотрѣла на него изумленно.

— Да, уже нѣсколько лѣт. Вѣдь я бѣгаю взад и вперед, и это избавляет миссис Друккер от безпокойства...

— Нам интересно знать, не употреблялся ли этот ключ кѣм-нибудь, кто не имѣл на это права?

— Но это невозможно, я никогда не давала его никому. Он у меня всегда в моей сумочкѣ.

— Вообще извѣстно, что у вас есть ключ от Друккеровскаго дома?

— Я думаю, что да. — Она видимо была в недоумѣнiи.

— Может быть вы упомянули об этом при комнибудь из посторонних?

— Может быть, только я не могу припомнить какого-нибудь отдѣльнаго случая.

— А вы увѣрены, что ключ и теперь у вас?

Она испуганно посмотрѣла на Ванса и взяла со стола маленькую кожаную сумочку. Раскрыв ее, она пошарила во внутреннем карманчикѣ.

— Здѣсь!—Объявила она с видимым облегченiем.— Там, гдѣ я его всегда держу. Почему вы меня спрашивали об этом?

— Нам важно знать, кто имѣл доступ к Друккерам, — отвѣтил Ванс, а потом быстро спросил. — Не могло ли случиться, что сегодня ночью ключа не было у вас, нельзя ли было вынуть его из сумочки так, чтобы вы не знали об этом?

Ея лицо выразило страх.

— Да что же случилось? — Начала она, но Ванс перебил ее:

— Пожалуйста не безпокойтесь, мисс Диллард. Скажите мнѣ только, мог кто-нибудь взять от вас этот ключ сегодня ночью?

— Никто, — безпокойно отвѣтила она.—Вчера вечером в восемь часов я уѣхала в театр и сумочка все время была у меня на рукѣ.

— Когда вы послѣдній раз пользовались ключем?

— Вчера послѣ обѣда. Я бѣгала узнавать, как чувствовала себя миссис Друккер, и пожелать ей покойной ночи.

Ванс слегка нахмурился.

— Вы пользовались ключем вчера послѣ обѣда,— повторил он.—И весь вечер не разставались с сумочкой. Правильно, мисс Диллард?

Дѣвушка наклонила голову.

— Даже во время представленія сумочка лежала у меня на колѣнях,—дополнила она.

Ванс задумчиво посмотрѣл на сумочку.

— Значит, конец роману с ключем, — весело сказал он. А теперь опять пойдем надоѣдать вашему дядѣ.

— Дяди нѣт дома, — сообщила она. — Он ушел в аллею, на длинную прогулку.

— М-р Арнессон не вернулся еще из университета?

— Нѣт, но он придет к ленчу. У него по вторникам нѣт лекцій послѣ полудня.

— Ну так мы пока побесѣдуем с Бидл и с Пайном. Я думаю, что для миссис Друккер было бы очень полезно, если бы вы навѣстили ее.

Молодая дѣвушка с легким поклоном прошла через подвальную дверь.

Хизс тотчас же отыскал Бидл и Пайна, но от них нельзя было получить никаких свѣдѣній. Оба они легли спать в десять часов. Комнаты их были в четвертом этажѣ; они даже не слышали когда мисс Диллард вернулась из театра. Ванс спросил их, не слышали ли они шума на стрѣльбищѣ, и сообщил им, что дверь Друккеровскаго дома с шумом захлопнулась около полуночи.

Но они оба спали в это время. Их отпустили, наконец, с предупрежденіем, чтобы они никому не говорили о чем их спрашивали.

Через пять минут вернулся профессор, и несмотря на свое удивленіе при видѣ нас, привѣтствовал нас дружески.

— Ну хоть раз, Маркхем, вы выбрали такое время, когда я не поглощен работой. Пойдем в библіотеку, для инквизиціи—там удобнѣе,—и он повел нас наверх и, когда мы усѣлись, предложил нам по рюмкѣ портвейна, который он достал сам из шкафа.

— Жаль, что нѣт Друккера, он очень любит мой портвейн. Бѣдный малый.. Его ум точно костер, пожирающій его тѣло. Если бы физическія его силы равнялись силѣ его ума, он был бы один из величайших всемірных физиков... Но вы навѣрно пришли сюда не для разгоров о Друккерѣ. Чѣм я могу быть вам полезен, Маркхем, или, может быть, вы принесли мнѣ какія-нибудь новости?

— К сожалѣнію у нас нѣт никаких новостей. Мы опять пришли просить помощи...—Маркхем не знал, как продолжать, и снова Ванс стал предлагать вопросы.

— Положеніе нѣсколько измѣнилось со вчерашняго дня. Наше слѣдствіе значительно облегчилось бы, если бы мы точно знали, куда и кто из членов вашего семейства выходил сегодня ночью.

Профессор удивленно посмотрѣл, но просто сказал:

— Это очень легко установить. О каких членах семьи вы говорите?

— О всѣх вообще, — поспѣшил отвѣтить Ванс.

— Хорошо, подождите...—Он взял трубку и стал набивать ее табаком.

— Белл, Сигурд и я обѣдали втроем в шесть часов. В половинѣ восьмого пришел Друккер, а немного спустя Парди. В восемь часов Белл и Сигурд уѣхали в театр, а в половинѣ одиннадцатаго ушли Друккер и Парди. Около одиннадцати я запер дом и отпустил Бидл и Пайна.—Вот все, что я мог сказать вам.

— Мисс Диллард и м·р Арнессон вмѣстѣ поѣхали в театр?

— Да. Сигурд рѣдко бывает в театрѣ, но если бывает, то всегда берет с собой Белл. Большей частью на Ибсеновскія пьесы. Американское воспитаніе нисколько не уменьшило его восхищенія всѣм норвежским. В сердцѣ он сохранил вѣрность своей родинѣ.

— Вчера они тоже были на Ибсеновской пьесѣ?

— Да, кажется они смотрѣли Росмерсгольм!

— Вы видѣли м-ра Арнессона или мисс Диллард когда они вернулись из театра?

— Нѣт, они вернулись, кажется, очень поздно. Белл сегодня утром сказала, что они ужинали в ресторанѣ. Но Сигурд сейчас вернется, и от него вы узнаете всѣ подробности.

— Будьте так добры, сэр, — продолжал Ванс, — разскажите нам всѣ обстоятельства, связанные с пребываніем здѣсь м-ра Друккера и м-ра Парди вчера послѣ обѣда.

— Ничего необыкновеннаго не было в их посѣщеніи. Они часто заходят сюда по вечерам. Друккер заходил поговорить о своей работѣ; но когда пришел Парди мы прекратили этот разговор.

— М-р Друккер или м-р Парди видѣли мисс Диллард до ея отъѣзда в театр?

Профессор вынул трубку изо рта, и на лицѣ его появилось непріятное выраженіе.

— Я должен сказать, — рѣзко заговорил он — что не вижу причин, почему я должен отвѣчать на подобные вопросы. Но все-таки,— прибавил он болѣе снисходительно, — если подробности моей домашней жизни могут быть вам полезны, я конечно охотно вам их сообщу. Да, и Друккер и Парди видѣли Белл вчера вечером. Мы всѣ, включая и Сигурда, посидѣли здѣсь с полчаса. Поговорили об Ибсенѣ.

— Значит, в восемь часов м-р Арнессон и мисс Диллард уѣхали, оставив вас с Парди и Друккером.

— Совершенно вѣрно.

— А в половинѣ одиннадцатаго ушли Парди и Друккер. Они ушли вмѣстѣ?

— По лѣстницѣ они шли вмѣстѣ, — отвѣтил довольно кисло профессор.

— Друккер, кажется, пошел домой, а у Парди было свиданіе в шахматном клубѣ.

— Друккер нездоров. — Голос профессора звучал как-то особенно терпѣливо.—Вчера вечером он говорил, что очень устал и сейчас же по приходѣ домой ляжет в постель.

— Да все как слѣдует,—прошептал Ванс. — Нѣсколько минут тому назад он сказал нам, что встал сегодня в шесть часов утра.

— Нисколько не удивлен. Раз какая-нибудь проблема овладѣет его умом, он будет работать над нею непрерывно. Было время, когда я боялся за его разсудок.

Ванс почему то прекратил разговор на эту тему.

— Вчера, вы говорите, у м-ра Парди было свиданіе в шахматном клубѣ? Не сказал он вам, какого характера?

— Он говорил об этом цѣлый час. Джентельмен, по фамиліи Рубинштейн, — шахматный геній, посѣтившій наше отечество, — пригласил его на три показательных партіи. Первую он проиграл, вторую затянул, но надѣлся вчера ночью выиграть.

— Да, для Парди была бы большая честь обыграть Рубинштейна, несмотря на свой гамбит. Парди никогда не был признан маэстро. Вы слышали, чѣм кончилась вчерашняя партія?

— Нѣт, — отвѣтил профессор, — я не спрашивал. Но думаю, что он проиграл.

Друккер указывал ему на слабыя стороны его положенія.

Ванс наклонился над столом и раздавил свою папиросу. Потом он встал и беззаботно подошел к шахматному столу, стоявшему в углу.

— Вы говорите, что Парди обсуждал свою позицію вот на этой доскѣ, когда к нему подошел Друккер?

— Именно так.—Профессор говорил с вынужденной любезностью.—Друккер сидѣл и изучал его ходы. Он хотѣл сдѣлать замѣчаніе, но Парди попросил его ничего не говорить. Через четверть часа Парди убрал

фигуры, и только тогда Друккер сказал ему, что игра его проиграна.

Ванс разсѣянно проводил пальцами по доскѣ, а потом взял из ящика двѣ или три фигуры и снова бросил их обратно, точно забавляясь ими.

— Вы не помните, что именно сказал м-р Друккер?

— Я не был особенно внимателен, но насколько я помню, Друккер сказал, что Рубинштейн очень медленный и осторожный игрок и неизбѣжно откроет слабое мѣсто в позиціи Парди.

— Эта критика не разсердила м-ра Парди?

— Очень разсердила. У Друккера непріятная манера спорить, а Парди сверхчувствителен, когда дѣло идет о шахматах. Гнѣв его дошел до бѣлаго каленія от издѣвательств Друккера.

Мы еще немного посидѣли. Маркхем все извинялся перед профессором за непріятность, причиненную ему нашим визитом. Ему не понравились приставанія Ванса насчет деталей шахматной партіи Парди и, спускаясь в гостиную, он высказал это Вансу. Тот лукаво отвѣтил ему.

— В моей болтовнѣ был извѣстный метод. Я болтал—и я узнал...

— Что ты узнал?—Рѣзко спросил Маркхем.

— Я узнал, что в ящикѣ с шахматами не хватает чернаго епископа, и что найденная у дверей миссис Друккер фигура вполнѣ подходила к тѣм, которыя я видѣл здѣсь.

Глава XV.

Бесѣда с Парди.

Вторник, 12 апрѣля; 12 ч. 30 м. пополуночи.

Сообщеніе это потрясло Маркхема. В это время дверь в передней отворилась, и легкіе шаги стали приближаться к гостиной. Белл Диллард, возвращаясь от миссис Друккер, появилась в дверях. У нея было сму-

щенное лицо и, остановив взгляд на Маркхемѣ, она спросила:

— Что вы сказали Адольфу сегодня утром? Он в ужасном состояніи. Ходит и пробует всѣ двери и окна, точно ожидает нападенія разбойников; он испугал бѣдную Грету, приказав ей заложить дверь на засов сегодня ночью.

— Значит, он предупредил миссис Менцель?—вмѣшался Ванс.

Взор дѣвушки быстро обратился на него.

— Да, но он ничего не хочет объяснить мнѣ. Он так возбужден и так таинственен. А самое странное в его поведеніи, что он близко не подходит к матери. Что это значит, м р Ванс? Мнѣ кажется, что произойдет что то ужасное.

— Не знаю, что это значит. — Ванс говорил тихо и грустно.—Я даже боюсь сдѣлать попытку объяснить... Мы должны ждать. Как вы нашли миссис Друккер?

— Ей повидимому гораздо лучше. Но все таки что-то ее мучает. Она все время говорила об Адольфѣ и спрашивала, не замѣтила ли я в нем чего-нибудь особеннаго.

— При теперешних обстоятельствах это совершенно естественно,—отвѣтил Ванс.—Но, перемѣним разговор. Я слышал, что вчера вечером, перед отъѣздом в театр, вы провели полчаса в библіотекѣ. Скажите мнѣ, гдѣ была ваша сумочка в теченіе этого времени?

— Когда я вошла в библіотеку, я положила ее вмѣстѣ с моим манто на столик у двери.

— Это была та же сумочка с ключем?

— Да.

— Так что в теченіе получаса сумочка лежала на столѣ, а потом весь вечер вы держали ее при себѣ.—А сегодня утром?

— До завтрака я гуляла, и она была со мною. Потом я оставила ее на рѣшеткѣ для шляп в передней, и она была там может быть час. Когда я пошла в десять часов к Лэди Мей, я взяла ее с собою. В это время я и узнала, что револьвер опять на мѣстѣ, и отложила свой визит. Сумочка оставалась в стрѣлковой

комнатѣ до вашего прихода, а с тѣх пор она все время при мнѣ.

Ванс задумчиво поблагодарил ее.

— Теперь, когда странствованія сумочки прослѣжены, постарайтесь все о ней забыть. Вы вчера ужинали в ресторанѣ, говорил ваш дядя. Значит вы поздно вернулись домой?

— Я никогда не возвращаюсь очень поздно, когда я бываю гдѣ-нибудь с Сигурдом. Мы вернулись в половинѣ перьаго.

Ванс с улыбкой встал.

— Теперь мы пойдем к м-ру Парди, может он просвѣтит нас. Кажется, он всегда дома в это время?

— Навѣрно. Он только что был здѣсь и сказал, что пойдет домой.

Мы уже хотѣли выйти, как вдруг Ванс остановился.

— Мисс Диллард, я забыл спросить одну вещь. Как вы могли знать, что вы вернулись в половинѣ перваго? Я замѣтил, что вы не носите часов.

— Сигурд мнѣ сказал, — отвѣтила она.

В эту минуту дверь с улицы отворилась, и вошел Арнессон. С насмѣшливым изумленіем он посмотрѣл на нас, а потом увидѣл Белл.

— Сестричка-то, — заговорил он шутливо, — попала в лапы жандармеріи. О чем конклав? Блестящій юноша, убитый своим завистливым профессором и тому подобное? Надѣюсь, вы не подвергли нашу Діану — охотницу испытаніям на ученое званіе?

— Ничего подобнаго, — сказала дѣвушка.

Когда она исчезла, Арнессон обратился к Маркхему.

— Ну, какія благія вѣсти вы принесли? Ничего новаго о послѣдней жертвѣ?

— А мнѣ так недостает этого мальчика. Он пошел бы далеко. Позор, что его назвали Джонни Спригг.

— Нам нечего сказать, Арнессон, — прервал его Маркхем, раздраженный его легкомысленной болтовней. — положеніе осталось прежним.

— Пришли со свѣтским визитом? Может быть останетесь на ленч?

— Мы оставляем за собой право, — холодно сказал Маркхем, — вести слѣдствіе, как мы находим нужным. Мы нисколько не обязаны подчинять вам свои поступки.

— Ну, так случилось что то досадное, — саркастически сказал Арнессон. — Я думал, что меня приняли в сотрудники, но вижу, что меня держат впотьмах. Увы! — И он вздохнул с напускной печалью.

Ванс подошел ближе и заговорил.

— Дѣйствительно, Маркхем, м-р Арнессон совершенно прав. Мы согласились работать вмѣстѣ, и он может быть полезен нам только в том случаѣ, если будет знать всѣ факты. Я увѣрен в его скромности, и Ванс подробно разсказал исторію с миссис Друккер.

Арнессон слушал с жадным вниманіем.

Дѣйствительно, это жизненный фактор в нашей проблемѣ, — наконец заговорил он. — Зачѣм этот Епископ явился к лэди Мей?

Она вскрикнула как раз в момент смерти Робина.

— Ага, понимаю! Она увидѣла Епископа из окна, а потом он усѣлся на ручкѣ ея двери в знак предупрежденія, что она должна молчать.

Может быть и так... Теперь у вас достаточно данных, чтобы вывести формулу?

— Можно посмотрѣть на этого чернаго епископа? Гдѣ он?

Ванс достал из кармана шахматную фигурку и подал ее Арнессону.

— Вы, навѣрно узнаете этого епископа,—коротко сказал Ванс.—Он взят из шахматнаго ящика в библіотекѣ.

Арнессон утвердительно кивнул головой.

— Так вот почему меня держали впотьмах! Я под подозрѣніем? Какое же наказаніе полагается за преступное распространеніе шахматных фигур между сосѣдями?

— Вы не под подозрѣніем, Арнессон, — отвѣтил

Маркхем.—Епископ был оставлен у дверей ровно в полночь.

— А! на полчаса опоздал. Простите, что разочаровал вас.

— Сообщите нам, если ваша формула начнет выясняться,—сказал Ванс, когда мы выходили через парадную дверь.

Парди встрѣтил нас с обычной спокойной вѣжливостью. Трагичность в выраженіи его лица как будто еще усилилась.

— Мы пришли к вам, м-р Парди,—начал Ванс,— узнать что можно об убійствѣ Спригга в Риверсайдском паркѣ. У нас основательныя причины для каждаго вопроса, который мы вам предложим.

Парди покорно кивнул головой.

— Тогда скажите нам пожалуйста, гдѣ вы были вчера утром между семью и восмью часами?

— В постели. Я встал около девяти.

— Вы не имѣете привычки гулять в паркѣ до завтрака?

— Да гуляю. Но вчера я не гулял. Я очень долго работал ночью.

— Когда вы в первый раз услышали о смерти Спригга?

— За завтраком. Кухарка передала мнѣ сплетни по этому поводу. Потом я читал газеты.

— И вы конечно видѣли репродукцію с записки Епископа. Какое у вас сложилось мнѣніе об этом дѣлѣ?

— Вряд ли я знаю что-нибудь о нем.—В первый раз его угасшіе глаза слегка оживились.—Невѣроятная ситуація.

— Да,—согласился Ванс.—А вам извѣсна математическая формула, Римана?

— Да я знаю ее. Друккер пользуется ею в своей книгѣ. Но я не физик.

Ванс слушал Парди с напряженным вниманіем.

— Вы, как я узнал, были у Диллардов в прошедшій четверг, когда Арнессон разбирал эту формулу с Друккером и Спригом?

— Да, я припоминаю, что был такой разговор.

— Вы хорошо знали Спригга?

— Поверхностно. Я видѣл его раза два у Арнессона.

— Спригг тоже, повидимому, имѣл привычку гулять по утрам в паркѣ, небрежно замѣтил Ванс. — Никогда вам не приходилось встрѣчать его?

Вѣки Парди слегка дрогнули, и он отвѣтил не сразу.

— Никогда,—наконец произнес он.

Ванс отнесся равнодушно к отвѣту. Он встал, подошел к окну и выглянул из него.

— Я думал, что стрѣльбище видно отсюда. Теперь вижу, что оно совершенно скрыто за углом.

— Да, стрѣльбище совершенно закрыто от моих глаз. Вы вѣроятно думали о возможности найти свидѣтеля убійства Робина?

— Это и кой что другое,—Ванс вернулся на свой стул.—Вы вѣдь не стрѣляете из лука, я увѣрен.

— Это немного утомительно для меня. Мисс Диллард пыталась заинтересовать меня этим, но я оказался неспособным учеником. Нѣсколько раз я был с нею на турнирах.

Что то мягкое появилось в голосѣ Парди, и вдруг я почувствовал, что он любит Белл Диллард. Ванс очевидно почувствовал то же, потому что послѣ короткаго молчанія он сказал:

— Вы конечно понимаете, что в наши намѣренія не входит ненужное вмѣшательство в частную жизнь людей; но мотивы обоих убійств все еще не выясняются, и так как вначалѣ было высказано ни на чем не основанное предположеніе, что убійство совершенно вслѣдствіе соперничества из-за расположенія мисс Диллард. Нам было бы важно узнать, истинное положеніе вещей в том, что касается ея чувств.

Взор Парди устремился к окну, и он чуть чуть вздохнул.

— Я всегда чувствовал, что она и Арнессон непремѣнно поженятся, но это только предположеніе.

— Так вы не думаете,—продолжал Ванс,—что ея сердце было тронуто юным Сперлингом?

Парди покачал головой.

— Мисс Диллард говорила, что вы заходили к ней сегодня утром.

— Я обыкновенно забѣгаю ежедневно.—Он видимо был смущен.

— Вы хорошо знаете миссис Друккер?

Парди вопросительно посмотрѣл на Ванса.

— Не особенно,—сказал он. — Конечно, я встрѣчался с нею много раз.

— Вы посѣщали ея дом?

— Очень часто, но всегда чтобы повидаться с Друккером. Я вѣдь уже много лѣт занимаюсь вопросом о взаимоотношеніи математики и шахмат...

Ванс кивнул головой.

— А как окончилась ваша вчерашняя партія с Рубинштейном?

— Я сдался на сорок четвертом ходу. Рубинштейн открыл слабое мѣсто в моей аттакѣ, которое я проглядѣл.

— Профессор Диллард разсказывал нам, что Друккер предвидѣл исход, когда, вчера вечером, вы обсуждали ситуацію.

Я не мог понять, почему Ванс так настойчиво говорил об этом, зная, что это больное мѣсто Парди.

Парди покраснѣл и задвигался на стулѣ.

— Друккер слишком много говорил вчера вечером.—Замѣчаніе было высказано не без ядовитости. — Хотя он и не игрок, но все-таки вы должны знать, что такія дискуссіи недопустимы, пока игра не кончена. Но его анализ игры всегда чрезвычайно глубокомыслен. Зависть и самосожалѣніе слышались в его тонѣ: я почувствовал, что он ненавидит Друккера, насколько ему позволяла, конечно, его кроткая натура.

— Когда окончилась игра?—Спросил Ванс.

— Немного позже часа ночи.

— Было много зрителей?

— Необычайно много, принимая во вниманіе поздній час!

Ванс положил папиросу и встал. Но около двери на улицу он вдруг остановился и веселыми глазами уставился на Парди.

— А вѣдь черный епископ опять был выпущен на свободу сегодня около полуночи.

Эффект его слов был поразительный. Парди вдруг подскочил, точно его ударили по щекѣ; лицо стало блѣдно как мѣл. С нечеловѣческим усиліем он повернулся к двери и широко распахнул ее для нас.

Когда мы шли по Риверсайдской аллеѣ к автомобилю слѣдователя, Маркхем стал разспрашивать Ванса относительно его послѣдних слов.

— Я надѣялся, — объяснил Ванс, — что он хоть взглядом выдаст себя. Но такого эффекта я никак не ожидал.

Он задумался, но когда автомобиль завернул на Бродуей, он очнулся и велѣл шофферу ѣхать в отель Шермана.

— Я непремѣнно хочу узнать подробнѣе об этой партіи Парди и Рубинштейна. Никаких причин нѣт, просто мой каприз... С одиннадцати утра до половины перваго ночи—чертовски много времени для неоконченной игры всего в сорок четыре хода.

Мы остановились на углу, и Ванс исчез в шахматном клубѣ. Когда он вернулся, в рукѣ у него был лист бумаги с отмѣтками. Но в выраженіи его лица не было ничего веселаго.

— Моя далеко ведущая, но прелестная теорія, — сказал он с гримасой,—рухнула вслѣдствіе весьма прозаических обстоятельств. Я сейчас говорил с секретарем клуба, оказывается, что вчерашняя вечерняя игра продолжалась два часа и девятнадцать минут. Около половины одиннадцатаго, казалось, что выиграет Парди, но мастерским ходом Рубинштейн разбил его тактику в пух и прах, как и предсказывал Друккер.

Глава XVI.

Третій акт,

Со вторника, 12-го апрѣля, до субботы 21-го апрѣля.

Послѣ ленча Маркхем и Хизс продолжали странствія по городу. Им предстоял тяжелый день. У Маркхема накопилось множество текущей работы, а сержанту к слѣдствію о Робинѣ прибавилось еще дѣло Спригга. Вечером в половинѣ восьмого было неоффиціальное совѣщаніе с участіем Хизса и инспектора Морана, но хотя оно и затянулось до полуночи, ничего осязательнаго из этого не получилось.

Слѣдующій день тоже не принес ничего кромѣ разочарованій. Пришло донесеніе от капитана Дюбуа, что на присланном Хизсом револьверѣ не оказалось отпечатков пальцев. Капитан Хазедорн установил, что выстрѣл в Спригга был сдѣлан именно из этого револьвера. Человѣк, карауливщій дом Друккера, провел спокойную ночь. Миссис Друккер оказалась в саду в началѣ девятаго часа, а в половинѣ десятаго через парадную дверь вышел Друккер и просидѣл за чтеніем два часа в паркѣ.

Прошло еще два дня, к слѣдствію ничего не прибавилось. Газеты старались перещеголять друг друга в риторикѣ.

Ванс заходил к профессору Дилларду, к Арнессону, два раза был в шахматном клубѣ у Парди, который вел себя сдержанно, холодно-вѣжливо, не входил ни в какія сношенія ни с Друккером ни с миссис Друккер; а когда я спросил, почему он игнорирует их, он отвѣтил: — Теперь от них не узнаешь правды; оба чрезвычайно напуганы. Пока у нас нѣт опредѣленных улик, не стоит их допрашивать, может выйти не лучше, а хуже.

Такая несомнѣнная улика получилась на слѣдующій день из самаго неожиданнаго источника, ею отмѣ-

чено начало послѣдней фазы нашего слѣдствія, — фазы такой ужасной, потрясающей душу трагедіи, такой фантастичной жестокости и чудовищнаго юмора, что и теперь, через много лѣт, мнѣ хочется вѣрить, что это был фантастическій, отвратительный кошмар.

В пятницу послѣ полудня Маркхем с отчаянія созвал опять совѣщаніе, в четыре часа мы всѣ, включая инспектора Морана, собрались в собственном кабинетѣ слѣдователя в зданіи суда. Арнессон был необыкновенно молчалив и внимательно слушал все, что говорилось. Он как будто умышленно избѣгал высказывать свое мнѣніе.

Мы засѣдали уже около получаса, когда тихо вошел секретарь и положил перед Маркхемом бумагу. Маркхем заглянул в нее и нахмурился. Через минуту он подписал два печатных бланка и передал их Суэккеру.

— Заполните их и передайте Бену, — приказал он. Когда секретарь вышел, он объяснил нам причину перерыва. — Сперлинг сейчас прислал просьбу переговорить со мною: пишет, что у него есть важныя сообщенія.

Через десять минут был введен Сперлинг. Он привѣтливо, улыбнулся Маркхему, кивнул головой Вансу. Маркхем пригласил его сѣсть, Ванс предложил папиросу.

— Я хотѣл поговорить с вами, м р Маркхем, об одной вещи, которая может быть вам и поможет... — начал он. — Помните, когда вы меня спросили, куда пошел м-р Друккер из стрѣлковой комнаты, я отвѣтил, что помню только, что он вышел через подвальную дверь... За послѣдніе дни у меня было много времени для размышленія, и я кое-что вспомнил.

Он остановился и посмотрѣл на ковер, а потом снова поднял голову.

— Одно из этих впечатлѣній относилось к м-ру Друккеру, и вот почему я и захотѣл повидаться с вами. Сегодня днем вдруг мнѣ представилось, что я снова в стрѣлковой комнатѣ и разговариваю с Робином. И вдруг в моем умѣ промелькнуло нѣчто. Я вспомнил, что когда

я выглянул в него, чтобы узнать какова погода для моей поѣздки, я увидѣл в бесѣдкѣ за домом м-ра Друккера...

— В котором часу это было? — Быстро спросил Маркхем.

— За нѣсколько секунд перед моим уходом на станцію.

— Так вы полагаете, что м-р Друккер, вмѣсто того чтобы уйти со двора, пошел в бесѣдку и пробыл там, пока вы не ушли?

— Как будто так, сэр.

— Вы вполнѣ увѣрены в том, что вы его видѣли?

— Да, сэр. Я теперь отчетливо припоминаю это.

— Вы могли бы поклясться, — спросил серьезно Маркхем, — зная, что жизнь человѣка может зависѣть от вашего показанія?

— Да, — просто отвѣтил Сперлинг.

Когда увели заключеннаго, Маркхем посмотрѣл на Ванса.

— Это как будто дает нам нѣкоторую опору.

— Да. Показаніе кухарки не имѣло цѣны. Друккер просто отрицал его. Теперь мы вооружены по настоящему.

— Мнѣ кажется, — начал Маркхем послѣ нѣкотораго молчанія, — что сейчас у нас достаточно данных против Друккера. Он был на Диллардовском дворѣ за нѣсколько секунд до того, как был убит Робин. Он легко мог видѣть, как уходил Сперлинг, и, так как он только что вышел от профессора, он знал, что никого нѣт дома. Миссис Друккер увѣряет, что она никого не видѣла из окна, хотя вскрикнула в момент смерти Робина, а потом она испугалась, когда мы пришли допрашивать Друккера. Она даже назвала нас „врагами". Я полагаю, что она видѣла, как сын возвращался домой тотчас же послѣ того, как тѣло Робина было вынесено на стрѣльбище. Друккера не было в его комнатѣ, когда был убит Спригг, и оба, мать и сын, изо всѣх сил старались скрыть этот факт. Многіе из его поступков чрезвычайно подозрительны. Мы узнали также, что он имѣет пристрастіе к дѣтским играм. Очень возможно,

что он, как сказал доктор Барстед, спутывал фантазію с дѣйствительностью и совершил преступленія в момент временнаго безумія. Формулу Римана он какими то безумными ассоціями связывал со Сприггом, потому что при нем Арнессон и Спригг обсуждали ее. Что же касается записок Епископа, то онѣ тоже находятся в связи с его сумасбродными играми; дѣтям всегда хочется одобряющих слушателей, когда они выдумавают новую форму забавы. То, что он выбрал слово „Епископ“ для подписи, может быть есть результат его интереса к шахматной игрѣ. Это предположеніе подтверждается появленіем шахматнаго епископа у дверей его матери. Он может быть боялся, что она видѣла его в то утро, и таким способом хотѣл дать ей понять, что она должна молчать. Он легко мог захлопнуть дверь на крыльцо изнутри, без ключа и создать впечатлѣніе, что принесшій епископа вышел через заднюю дверь. Ему было легко взять епископа из библіотеки в тот вечер, когда Парди разбирал партію.

Маркхем был точен и обстоятелен, он перебрал всѣ улики против Друккера, и долгое молчаніе послѣдовало за его resume.

— Может быть ты и прав, Маркхем, сказал Ванс, но мое главное возраженіе против твоего resume состоит в том, что очень уже тут все просто. Ум, задумавшій эти гнусныя убійства, слишком изощрен, чтобы запутаться в такой сѣти косвенных улик. У Друккера поразительныя умственныя способности, кромѣ того совершенно ясно, что Друккер, если он и невиновен, знает что-то, имѣющее прямую и тѣсную связь с преступленіями. И мое скромное мнѣніе—мы должны во что бы то ни стало добиться от него этих свѣдѣній. Показаніе Сперлинга дало нам толчок в этом направленіи. М-р Арнессон, каково ваше мнѣніе?

— У меня нѣт никакого мнѣнія,—отвѣтил Арнессон, — я посторонній зритель, но мнѣ трудно заподозрить бѣднаго Адольфа в такой низости.

Хизс думал, что надо тотчас же приступить к дѣйствію.

— Если у него есть что сказать, так он заговорит, как только его возьмут под стражу.

— Это весьма тяжелое, положеніе, —заговорил тихим голосом инспектор Моран — Нам нельзя допускать ошибки. Если потом окажется, что не Друккер является преступником, а кто-то другой, то мы станем просто посмѣшищем.

— Ванс посмотрѣл на Маркхема.

— Почему сначала не допросить его? Может быть и удастся убѣдить его открыть свою душу.

Мархем нервно дымил сигарой. Затѣм обратился к Хизсу и твердо сказал.

— Приведите сюда Друккера завтра в девять часов утра.

На этом закончилось совѣщаніе.

На другой день утро было туманное. Мы пріѣхали в камеру слѣдователя в четверть десятаго, но ни Друккера, ни Хизса еще не было.

Ванс усѣлся комфортабельно в кожаное кресло и закурил папиросу.

— Я чувствую себя в приноднятом настроеніи сегодня,—сказал он.—Если Друккер разскажет нам, то то мы ожидаем, мы окончим это ужасное дѣло.

Только что он замолчал, как Хизс ворвался в камеру, поднял руки и опустил их с жестом полным отчаянія.

— Ну, сэр, нам не удастся допросить Друккера сегодня,—крикнул он.—Он упал со стѣны в Риверсайдском паркѣ, и сломал себѣ шею. Его нашли только в семь часов утра...

Маркхем недовѣрчиво посмотрѣл на него.

— Это вѣрно?—Спросил он недовѣрчиво.

— Я был там, пока не убрали труп.

— Что же вы узнали?

— Да там нечего было узнавать. Ребятишки в паркѣ нашли его труп около семи часов утра. Ребят там куча, сегодня вѣдь суббота. Мѣстный полицейскій вызвал полицейскаго врача. Доктор сказал, что Друккер упал со стѣны около десяти часов вечера и мгновенно умер. Стѣна в этом мѣстѣ—против 76-й улицы —

на тридцать футов возвышается над дѣтской площадкой.

— Миссис Друккер предупреждена?

— Нѣт. Я сказал, что сам позабочусь об этом, но рѣшил, что сначала зайду сюда.

— Не вижу, что мы тут можем сдѣлать, — уныло замѣтил Маркхем.

— Слѣдовало бы извѣстить Арнессона, — сказал Ванс. — Честное слово, Маркхем, это дѣло настоящій кошмар. На Друккера была вся наша надежда, но он падает со стѣны... — он вдруг остановился. — Горбун упал со стѣны!... Горбун!

Он медленно повернулся к Мархему и сказал еле узнаваемым голосом.

— Еще одна безумная мелодрама, опять стихотвореніе из „сказок Мамаши Гусыни... На этот раз дѣтская загадка.

— Это, конечно, нелѣпо, — объявил Маркхем. — Дружище, этот случай овладѣл твоим разумом. Предоставь это дѣло мнѣ и сержанту, мы к этому привыкли, а сам поѣзжай куда-нибудь отдохнуть. Может быть в Европу?

— Вѣрно, вѣрно... Я сдаюсь. Почти на наших глазах разыгран третій акт этой ужасающей трагедіи, а мы до сих пор ничего не открыли!

В эту минуту в комнату заглянул Суэккер и заговорил с сержантом.

— Кинан из газеты „Уордл“ хочет вас видѣть.

Маркхем быстро обернулся.

— Ведите его сюда скорѣе!

Вошел Кинан и подал сержанту письмо.

— Еще billet doux, получено сегодня утром.

Хизс вскрыл письмо. Я сразу же узнал бумагу и блѣдно синія буквы крупнаго шрифта. В письмѣ было слѣдующее:

Раз горбун наш сѣл на стѣну
Бух! и грохнул, как полѣно.
Никто спасти его не мог
Ни глас царя, ни ратный рог.

А взнизу была знаменательная подпись прописными буквами: Епископ.

Глава XVII.

Свѣт всю ночь.

Суббота, 16-го апрѣля; 9 ч. 30 м. утра

Когда Хизсу удалось выпроводить Кинана, в камерѣ нѣсколько минут царило молчаніе. „Епископ" снова взялся за свою омерзительную работу.

Ванс, мрачно шагавшій по комнатѣ, дал наконец своему волненію выход.

— Дьявольское дѣло, Маркхем... квинт-эссенція зла. Дѣти в паркѣ в свободный день, мечтающіе, играющіе, вѣрящіе в свои выдумки...и вдруг эта страшная, ошеломляющая дѣйствительность...Да понимаете ли всю гнусность. Эти дѣти находят Горбуна, их Горбуна, с которым они играли, мертвым у подножія стѣны.

Он постоял у окна, весенній свѣт оживлял сѣрые камни города.

— Но не надо быть сентиментальным,—с принужденной улыбкой обратился он к нам,—разум слабѣет.

— Чѣм скорѣе и энергичнѣе мы примемся за дѣло, тѣм лучше!

Этот призыв вывел нас из апатіи. Маркхем по телефону поговорил с инспектором Мораном, и они условились передать дѣло Друккера Хизсу. Потом он потребовал протокол вскрытія. Сержант ожидал приприказаній.

— Было приказано вашим людям установить наблюденіе за домами Дилларда и Друккера. Вы говорили с кѣм нибудь из наблюдателей. — Спросил Маркхем.

— У меня не было времени, сэр, да я, кромѣ того, думал, что это несчастный случай. Но я приказал им не уходить, пока я не вернусь.

— Что сказал врач?

— Только то, что это похоже на несчастный случай, и что уже прошли десять часов с момента смерти.

Ванс спросил:

— Говорил он о проломленном черепѣ?

— Он говорил собственно, что череп проломлен, как у Робина и Спригга.

— Несомнѣнно. Техника убійцы проста. Он наносит своим жертвам удар по черепу, оглушает или убивает их, а потом придает им положенія, соотвѣтственныя той роли, которая им назначалась в этой гнусной игрѣ. Друккер вѣроятно стоял у края и смотрѣл вниз. Был туман, и он неясно видѣл окружающее, вдруг удар по головѣ, и Друккер безшумно валится через парапет, — третья жертва, на алтарѣ „Мамаши Гусыни".

— Меня злит,—сердито сказал Хизс, что наблюдатель Гильфойль, поставленный мною позади дома Друккера не донес мнѣ, что Друккера всю ночь не было дома. Как вы полагаете, сэр, не лучше ли нам сейчас же поговорить с ним?

Маркхем согласился, Хизс отдал приказ по телефону, и через десять минут явился Гильфойль. Хизс почти бросился на него, когда он входил.

— В котором часу Друккер ушел из дому вчера вечером?

— Около восьми, сейчас же послѣ обѣда.

— Куда он пошел?

— Он вышел через заднюю дверь, прошел по стрѣльбищу и через стрѣлковую комнату вошел в дом Дилларда.

— Просто посидѣть?

— Как будто так, сержант. Он проводит много времени у Диллардов.

— А в котором часу он вернулся?

Гильфойль безпокойно задвигался.

— Похоже на то, что он совсѣм не возвращался, сержант.

— Не возвращался,—желчно повторил Хизс.—По-

слѣ того, как он сломал себѣ шею—конечно ему было не до возвращенія домой!

— Я хотѣл сказать, сержант...

— Вы хотите сказать, что Друккер, котораго вы должны были не спускать с глаз, отправился в восемь часов к Дилларду, а вы усѣлись в бесѣдкѣ и задремали... В котором же часу вы проснулись?

Гильфойль вспыхнул.

— Я не спал всю ночь. Если я не видѣл, как этот молодец вернулся домой, не значит, что я не караулил.

— Почему же вы не телефонировали мнѣ, что он проводит „конец недѣли" гдѣ-то в городѣ?

— Я думал, что он вернулся через парадную дверь.

— Слишком много думаете, мозг то у вас не очень утомлен?

— Послушайте, сержант, мнѣ вѣдь не было приказано ходить слѣдом за Друккером. Вы велѣли мнѣ караулить дом и слѣдить, кто в него входит и выходит, а при малѣйшем шумѣ вломиться в дом. Друккер ушел к Диллардам в восемь часов, и я не сводил глаз с окон его дома. Около девяти часов кухарка идет наверх и зажигает свѣт в своей комнатѣ. Через полчаса свѣт гаснет. Потом около десяти часов свѣт появляется в комнатѣ Друккера...

— Что такое?

— Да вы же слышите! В десять часов в комнатѣ Друккера зажигается свѣт, и я вижу движущуюся тѣнь. Спрашиваю вас, сержант, вы не были бы увѣрены, что горбун вернулся через парадную дверь?

— Может быть,—согласился Хизс.—А вы увѣрены, что это было в десять часов?

— Я не смотрѣл на часы, но я увѣрен, что это было около десяти часов.

— А когда свѣт погас в комнатѣ Друккера?

— Он совсѣм не погас, он горѣл всю ночь. Друккер не соблюдает вѣдь часов, уже два раза у него и раньше был свѣт до утра.

— Это совершенно понятно, — раздался лѣнивый

голос Ванса.—Вчера он рѣшал трудную задачу. Но скажите, а в комнатѣ миссис Друккер тоже был свѣт?

— Как всегда. Старая дама всю ночь оставляет свѣт в своей комнатѣ.

— Кто-нибудь наблюдал за парадной дверью Друккера сегодня ночью?—СпросилМаркхем.

— Только послѣ шести часов. Наш человѣк слѣдит за Друккером весь день, но он оканчивает дежурство в шесть часов, когда Гильфойль становится на свой пост за домом.

— А на каком разстоянiи от двери в переулок вы стояли ночью?—Спросил Ванс.

— Может быть на разстоянiи сорока или пятидесяти футов.

— И между вами и переулком была желѣзная рѣшетка и вѣтви деревьев?

— Да, сэр. Вид был нѣсколько закрыт, если вы на что намекаете.

— Возможно ли было, направляясь из дома Диллларда, выйти и вернуться через эту дверь так, чтобы вы не замѣтили этого?

— Может быть, сэр,— согласился сыщик, — особенно если малый не хотѣл, чтобы я его видѣл. Было туманно и темно, шум с Риверсайдской аллеи заглушал его шаги если он был достаточно осторожен.

Когда Гильфойль был отпущен, Ванс дал выход своему недоумѣнiю.

— Дьявольски сложная ситуацiя. Друккер зашел к Диллардам в восемь часов, а в десять был сброшен со стѣны. Записка, принесенная Кинаном, была проштемпелевана в одиннадцать часов вечера, значит она была отпечатана *до* преступленiя. „Епископ“ заранѣе обдумал свою комедiю и приготовил замѣтку в газеты. Поразительная дерзость! Возможно только одно допущенiе: убiйца в точности знал все, что касалось Друккера, знал даже то, что произойдет между восмью и десятью часами вечера.

— Насколько я понял,— сказал Маркхем, — твоя

теорія заключается в том, что убійца вошел и вышел через переулок между большими домами!

— О, у меня нѣт никакой теоріи. Я спросил относительно преулка, чтобы убѣдится, что никто не проходил через него в парк, кромѣ Друккера. В таком случаѣ навязывается сама гипотеза, что убійца прошел в парк по этому переулку и таким образом ускользнул от наблюденія.

— Если этот путь был доступен для убійцы, то совершенно не важно, кого видѣли вмѣстѣ с Друккером,—мрачно замѣтил Маркхем.

— Совершенно вѣрно. Тот, кто инсценировал этот фарс, мог смѣло войти в парк на глазах у сыщика, или тихонько пробраться туда, через переулок.

— Но что меня особенно сбивает с толку, — продолжал Ванс, — это свѣт в комнатѣ Друккера в теченіи всей ночи. Он загорѣлся почти в то мгновеніе, когда бѣдный малый скувырнулся в вѣчность. Гильфойль говорил еще, что он видѣл ночью тѣнь — он остановился.

— Вы, вѣроятно знаете, сержант, был ли ключ от парадной двери в карманѣ у Друккера, когда того нашли?

— Не знаю, но сейчас-же могу узнать,—и он заговорил по телефону. Через нѣсколько минут он заворчал и повѣсил трубку.

— Никакого ключа при нем не найдено.

Ванс сильно затянулся и медленно выпустил дым.

— Я начинаю думать, что „Епископ“ стянул ключ у Дилларда и ночью, послѣ убійства, проник в его комнату. Невѣроятно, но все допустимо в этом фантастическом дѣлѣ. Думаю, что, когда мы узнаем мотивы этих потрясающих убійств, мы поймем и причину этого ночного визита.

Маркхем вынул шляпу из шкафа.

— Пойдемте туда.

Но Ванс не двинулся.

— Знаешь, Маркхем, мнѣ кажется, что слѣдует прежде всего порядаться с миссис Друккер. Может

быть она и откроет нам то , что таится в глубинах ея мозга. Возьмем с собой Барстеда и поѣдем к ней.

Мы тотчас же вышли, заѣхали за Барстедом и явились в дом Друккера. Нам отворила миссис Менцель, по лицу которой мы догадались, что она знает о смерти Друккера. Ванс спросил:

— Миссис Друккер знает?

— Нѣт еще,—дрожащим голосом отвѣтила она. — Мисс Диллард заходила, около часа тому назад, но я сказала, что барыня вышла. Случилось несчастье... Она задрожала.

— Какое несчастье, миссис Менцель?

— Не знаю, к завтраку она не спустилась...

— Когда вы узнали о происшествіи?

— Почти в восемь. Газетчик сказал мнѣ о Друккерѣ.

— Не бойтесь,—утѣшал ее Ванс,—с нами доктор, и мы обо всем позаботимся.

Когда мы дошли до комнаты миссис Друккер, Ванс постучался. Отвѣта не было, и комната оказалась пустой.

Не говоря ни слова мы вернулись в переднюю. Одна из двух дверей вела в спальню Друккера. Ванс отворил ее, не постучав. Свѣт о котором говорил Гильфойль, не был погашен.

Ванс остановился на порогѣ, Маркхем быстро отступил. В ногах узкой постели лежала миссис Друккер, совершенно одѣтая. Лицо ея было пепельно блѣдным, глаза остановились, руки прижались к груди.

Барстед быстро подошел и наклонился над ней. Прикоснувшись к ней раза два, он выпрямился и медленно покачал головой.

— Скончалась может быть еще вечером. — Он снова нагнулся над тѣлом и стал производить осмотр.— Она уже много лѣт страдала хроническим нефритом, артеріосклерозом и гепертрофіей сердца... Она умерла тогда же, когда и Друккер—около десяти.

— Естественной смертью?—Спросил Ванс.

— Несомнѣнно.

— Никаких признаков насилія?

— Никаких. Совершенно ясный, типичный случай.

Глава XVIII.

Стѣна в паркѣ.

Суббота, 16-го апрѣля; 11 ч. утра.

Когда доктор положил тѣло миссис Друккер на кровать и прикрыл его простынею, мы спустились опять вниз.

— С научной точки зрѣнія совершенно правильно говорить о естественной смерти от потрясенія,— сказал Ванс, — но наша ближайшая задача — найти причину этого потрясенія. Очевидно оно связано со смертью Друккера. Быстро повернувшись он вышел в гостиную. Миссис Менцель сидѣла там же, гдѣ он ее оставил. Ванс подошел к ней и ласково сказал:

— Ваша барыня умерла ночью от разрыва сердца. Хорошо, что она не пережила своего сына.

— Gott gebe ihr die ewige Ruh!*) — Набожно прошептала Менцель. — Ja, так лучше...

— Кончина наступила в десять часов. — Вы не спали в это время, миссис Менцель?

— Я не спала всю ночь, — испуганным голосом сказала она.

— Скажите нам, что вы слышали сегодня ночью?

— Кто-то приходил сюда.

— Да, кто-то приходил около десяти часов через парадную дверь. Вы слышали?

— Нѣт, но когда я легла, я слышала голоса в комнатѣ м-ра Друккера.

— Развѣ раньше вам никогда не случалось слышать голоса в комнатѣ около десяти часов?

— Но слышен был не его голос. У него был высокій голос, а это был низкій, грубый... Еще был голос миссис Друккер... а она никогда не заходила ночью в комнату сына.

---

*) Дай Боже ей вѣчный покой!

— Как вы могли все так ясно слышать через закрытую дверь?

— Моя комната как раз над комнатой м-ра Друккера.

— Что же вы услышали еще? — Спросил Ванс.

— Сначала похоже было, что барыня плачет. Потом мнѣ показалось, что она молится... А дальше мнѣ показалось, что барыня говорит какіе то стихи...

— Вы бы их узнали, если бы опять услышали? Не эти ли?

Раз горбун наш сѣл на стѣну
Бух! И грохнул, как полѣно.

Bei Gott, das sind diselben.*) — Опять выраженіе ужаса появилось на ея лицѣ.

— Слышали вы еще что-нибудь?

— Нѣт. Все потом было тихо.

— Вы не слышали, чтобы кто-нибудь выходил из комнаты м-ра Друккера?

— Через нѣсколько минут кто-то очень тихо открыл и закрыл дверь, и я услышала шаги в передней.

— Ну, все кончилось миссис Менцель, — сказал Ванс успокоительно, — вам больше нечего бояться.

— Теперь, — сказал Ванс мы можем сдѣлать нѣкоторыя догадки о том, что произошло здѣсь вчера ночью. Убійца взял у Друккера ключ и вошел через парадную дверь. Зная, что комната миссис Друккер находится в задней части дома, он разсчитывал сдѣлать в комнатѣ Друккера, что ему было нужно и уйти так же, как он пришел. Но миссис Друккер услышала и пошла в комнату сына. Дверь могла быть пріоткрыта, она увидѣла пришельца и узнала его. Она вошла в комнату и спросила, что ему надо. Он мог ей отвѣтить, что пришел извѣстить ее о смерти сына — вот причина ея стонов и истерическаго смѣха. Но это была лишь временная игра. Он обдумывал, как ее убить! Он не мог допустить, чтобы она вышла живой из комнаты.

*) Ей Богу эти самые.

Может он ей это и сказал, — помните, „говорил сердито?“ А потом он разсмѣялся. Он терзал ее, в порывѣ безумнаго эгоизма он разсказал ей всю правду, и она могла лишь поворять: О Боже! о Боже! Может он вспоминал горбуна; для своей чудовищной шутки он не мог найти лучшаго слушателя. Она, в припадкѣ ужаса, повторяла стишки, но сердце не выдержало потрясенія, она упала поперек кровати. Он понял, что случилось и спокойно ушел.

— Самое непонятное в трагедіи сегодняшней ночи— почему этот человѣк приходил сюда послѣ убійства Друккера,—сказал Маркхем.

Ванс задумчиво курил.

— Попросим Арнессона разъяснить нам этот пункт. Может быть он и прольет кой-какой свѣт.

— Да, очень может быть,—присоединился Хизс.— Но вѣдь тут было нѣсколько человѣк, которые могли бы многое объяснить.

Маркхем остановился перед сержантом и заговорил.

— А сколько их было? Приведите их завтра ко мнѣ, и я допрошу. Как они были разставлены?

— Их было трое, сэр, кромѣ Гильфойля. Эмери было приказано слѣдить за Парди; Сниткин был поставлен на Риверсайдской аллеѣ у 75-й улицы, чтобы наблюдать за домом Друккера. Хеннеси стоял на 75-й улицѣ возлѣ Вестенд авеню. Они вѣдь всѣ ждут у того мѣста, гдѣ был найден Друккер, я сейчас их приведу.

Через пять минут он вернулся с тремя сыщиками. Маркхем первым допросил Сниткина. Вот результаты его показаній:

Парди вышел из дому в 6 ч. 30 м. и пошел прямо к Дилларду. В 8 ч. 30 Белл Диллард, в вечернем туалетѣ, сѣла в такси и поѣхала по Вестенд-авеню (Арнессон вышел вмѣстѣ с нею и усадил ее, а потом сейчас же вернулся домой).

В 9 ч. 15 м. Профессор Диллард и Друккер вышли из Диллардовскаго дома и медленно пошли по Риверсайдской аллеѣ, перешли ее у 74-й улицы и свернули на дорожку для верховой ѣзды.

В 9 ч. 30 м. Парди вышел из Диллардовскаго дома, пошел по аллеѣ и повернул в город.

Немного позже десяти профессор один вернулся перейдя через аллею у 74-й улицы.

В 10 ч. 20 м. Парди вернулся домой по той же дорогѣ, по какой ушел.

Белл Диллард была доставлена домой в 12 ч. 30 м. в лимузинѣ, наполненном молодежью.

Затѣм допрашивался Хеннесси; но его показанія только подтвердили то, что сказал Сниткин.

Эмери доложил, что днем Парди был долго в шахматном клубѣ и вернулся домой около четырех часов.

— Потом в половинѣ седьмого он пошел к Дилларду и оставался там до половины десятаго. Когда он вышел оттуда, я пошел за ним. Пройдя по аллеѣ до 79-й улицы, он вошел в верхній парк...

— Не пошел ли он по дорожкѣ, на которой был убит Спригг?

— Он должен был пойти по ней. В этом мѣстѣ нѣт другого пути наверх.

Далеко он ушел?

— Нѣт, он остановился на том мѣстѣ, гдѣ убили Спригга, а потом по той же дорогѣ пошел назад и свернул в малый парк, гдѣ находится дѣтская площадка. Он медленно пошел вдоль дороги для верховой ѣзды, и когда он шел по верху стѣны, то натолкнулся на старика и горбуна, которые разговаривали, опершись на закраину...

— Вы говорите, что встрѣтили профессора и Друккера на том самом мѣстѣ, откуда потом Друккер свалился вниз?—Спросил Маркхем.

— Да, сэр. Парди остановился поговорить с ними, а я, натурально, пошел дальше. Когда я проходил мимо них, горбун сказал: „Почему вы сегодня не играете в шахматы?“ И мнѣ показалось точно он был оедоволен, что Парди остановился, и намекнул ему, что он лишній. Я шел дальше по стѣнѣ до 74-й улицы, гдѣ растут деревья, под которыми можно спрятаться...

— Вы хорошо могли видѣть Парди и Друккера с 74 й улицы?—Прервал его Маркхем.

— По правдѣ говоря, сэр, я совсѣм не мог их видѣть. Спустился туман, а в этой части парка нѣт ни одного фонаря. Но я разсчитал, что Парди скоро дойдет до, меня и стал ждать его.

— Вѣдь было около десяти часов?

— Полагаю, сэр без четверти десять.

— Был кто-нибудь еще на дорожкѣ в это время?

— Я не видѣл никого. Туман всѣх заставил сидѣть дома. Вот именно потому, что кругом никого не было, я и ушел так далеко вперед. Парди не дурак, и я уж подмѣтил, что он раза два посмотрѣл на меня, точно подозрѣвал, что я услѣживаю его.

— Сколько времени прошло, пока вы снова увидѣли его?

— Плохо я разсчитал сегодня ночью, — сознался он, осклабясь.—Парди должен был итти назад тѣм же путем и перейти аллею у 79 й улицы; через полчаса, а может и позже, я увидѣл, что он идет домой с угла 75-й улицы.

— Но, если вы были у входа в парк с 74-й улицы до четверти одиннадцатаго, вы должны были видѣть профессора Дилларда. Он вернулся домой около десяти часов по этой дорогѣ,—замѣтил Ванс.

— Так точно, я его видѣл. Я уже минут двадцать ожидал Парди, когда профессор один прошел мимо меня, перешел через аллею и пошел домой. Я натурально подумал, что Парди и горбун все еще разговаривают и не вернулся назад, чтобы провѣрить.

— Как я представляю себѣ, минут через пятнадцать послѣ того, как профессор прошел мимо вас, вы увидѣли, что Парди возвращается домой в обратном направленіи?

— Так точно, сэр. Потом конечно я снова занял свой пост на 75-й улицѣ.

— Вы понимаете, Эмери, — значительно сказал Маркхем,—это пока вы ожидали на 74-й улицѣ, Друккер упал со стѣны?

— Да сэр. Но вы вѣдь не порицаете меня? Не-

легкое дѣло наблюдать за человѣком в туманную ночь, на открытой дорогѣ, гдѣ ничто не может прикрыть вас. Приходится пользоваться всякими случайностями и хорошо разсчитывать, чтобы не попасться.

— Я совершенно понимаю трудность вашего положенія,—сказал Маркхем,—и не порицаю вас.

Сержант отпустил сыщиков. Он очевидно был недоволен их донесеніями.

— Чѣм дальше, тѣм болѣе скользким становится это дѣло—проворчал он.

— Тише, сержант—остановил его Ванс.—Не позволяйте мрачному отчаянію овладѣть вами. Когда Парди и профессор дадут показанія о том, что произошло, пока Эмери стоял под деревьями на 74 й улицѣ, мы съумѣем связать воедино отдѣльныя части разслѣдованія.

Белл Диллард вошла в это время в переднюю через черный ход. Она увидѣла, что мы в гостиной, и вошла туда же.

— Гдѣ лэди Мей,—спросила она.—Час тому назад я заходила сюда, и Грета сказала мнѣ, что она вышла. Теперь ея нѣт в ея комнатѣ.

Ванс встал и предложил ей свой стул.

— Миссис Друккер умерла сегодня ночью от разрыва сердца. Миссис Менцель боялась пустить вас наверх.

Нѣсколько минут дѣвушка сидѣла молча. Потом на глазах у нея выступили слезы.

— Может быть она узнала об ужасном случаѣ с Адольфом?

— Возможно, но пока еще не вполнѣ выяснено, что произошло здѣсь сегодня ночью. Доктор Барстед полагает, что она скончалась в десять часов вечера.

— Почти в то же время, как и Адольф, — тихо проговорила дѣвушка. — Что то странное есть в его смерти.

— Что вы подразумѣваете, мисс Диллард?—Спросил Ванс.

— Я и сама не знаю... — подавлено отвѣтила

она. — Еще только вчера миссис Друккер говорила со мной об Адольфѣ и... о стѣнѣ.

— Что же она говорила?—Спокойнѣе обыкновеннаго спросил Ванс,—но я чувствовал, что каждый нерв в его тѣлѣ напряжен до крайности.

— Вчера мы гуляли с миссис Друккер по дорожкѣ над дѣтской площадкой — она любит смотрѣть оттуда, как Адольф играет с дѣтьми,—и мы долго стояли перегнувшись через каменную балюстраду. Около Адольфа собралась группа дѣтей, он показывал им игрушечный аэроплан. Дѣти обращались с ним точно и он ребенок. Леди Мей очень этим гордилась и была весела. Она слѣдила за ним сіяющими глазами, а потом сказала мнѣ: они не боятся его, потому что он горбун. Они и называют его „горбуном", он их старый друг из дѣтской книжки. Бѣдный мой горбун! Это моя вина, я его уронила, когда он был маленькій... — Голос дѣвушки дрогнул и она приложила к глазам платок. — А потом она задрожала и отодвинулась от стѣны. Я спросила ее, в чем дѣло, она отвѣтила испуганным голосом: Белл, вдруг Адольф упадет со стѣны, как настоящій горбунчик! Я и сама испугалась, но принудила себя улыбнуться и назвала ее безразсудной. Она покачала головой и так взглянула на меня, что дрожь пробѣжала по мнѣ. Я не безразсудна,—сказала она,—развѣ не убит стрѣлою из лука Кок Робин и не застрѣлен из маленькаго ружья Джонни Спригг здѣсь в Нью-Іоркѣ? — Дѣвушка со страхом посмотрѣла на нас.

— Да, случилось,— согласился Ванс.—Но не нужно впадать в мистицизм.

Воображеніе миссис Друккер работало ненормально.

— А вы, мисс Диллард,—спросил он небрежно,— не передали случайно кому нибудь вчерашній разговор с миссис Друккер?

Она с удивленіем посмотрѣла на него.

— Я говорила о нем вчера за обѣдом.

— Какіе же послѣдовали комментаріи?

— Дядя сказал, что я не должна проводить столько времени с миссис Друккер, что она не совсѣм нормальна. М-р Парди согласился с дядей.

— А м-р Арнессон?

— О, Сигурд никогда ни к чему не относится серьезно.

— М-р Арнессон дома сейчас?—Спросил Ванс.

— Он рано утром ушел в университет и вернется к ленчу. Я увѣрена, что он обо всем позаботится. Вѣдь мы были единственными друзьями Друккеров. Пока я присмотрю, чтобы Грета привела дом в порядок.

Через нѣсколько минут мы попрощались и пошли разговаривать с профессором.

Глава XIX.

Красная книжка.

Суббота, 16 апрѣля, полдень.

Профессор был явно взволнован, когда мы в полдень вошли в библіотеку. Он сидѣл в креслѣ, спиной к окну; на столѣ перед ним стояла рюмка его великолѣпнаго портвейна.

— Я ожидал вас, Маркхем, — сказал он раньше, чѣм мы успѣли заговорить.

— Нечего притворяться. Смерть Друккера не была случайностью. Я сознаюсь, что я был склонен не считаться с безумными выводами по поводу смертей Робина и Спригга, но как только Пайн сообщил мнѣ подробности паденія Друккера, я понял, что за этими смертями скрывается опредѣленный план: вѣроятность случайности их исключается. Вы это знаете, так же как и я; в противном случаѣ вы не пришли бы ко мнѣ.

— Совершенно вѣрно, — Маркхем сѣл в кресло напротив профессора. — Перед нами труднѣйшая проблема. Кромѣ того, миссис Друккер умерла от потрясенія сегодня ночью.

— Это Божья милость, — помолчав замѣтил старик. — Хорошо, что она не пережила его, разсудок ея помутился бы окончательно.

— За исключенiем убiйцы вы послѣднiй видѣли Друккера живым, и нам хотѣлось бы знать, что вы можете сообщить нам о том, что произошло сегодня ночью.

Профессор кивком головы выразил согласiе.

— Друккер пришел ко мнѣ послѣ обѣда, так около восьми часов. Парди обѣдал у нас, и Друккер был недоволен его присутствiем, был прямо злобно настроен против него. Арнессон безобидно подтрунивал над ним, что его разсердило еще больше. Так как я знал, что Друккеру хочется поговорить со мною о рѣшенiи сложной задачи, я предложил ему прогуляться вмѣстѣ по парку...

— Вы долго гуляли, — замѣтил Маркхем.

— Нѣт. Произошел непрiятный инцидент. Мы дошли почти до того самаго мѣста, гдѣ был убит несчастный Спригг. Мы простояли там около получаса, когда появился Парди. Он остановился поговорить с нами, но Друккер был так с ним рѣзок, что он повернулся и пошел домой в том же направленiи, в каком пришел.

Друккер был очень подавлен, и я предложил отложить нашу бесѣду. Друккер обидѣлся и сказал, что он не хочет еще итти домой. Тогда я разпрощался и пошел к себѣ.

— Вы говорили об этом эпизодѣ с Арнессоном?

— Я не видѣл Сигурда по возвращенiи. Он вѣроятно уже лег спать.

Когда мы встали, чтобы проститься, Ванс, как будто случайно, спросил:

— Не можете ли вы сказать, гдѣ обыкновенно хранится ключ от двери, ведущей в переулок?

— Об этом я ничего не знаю, сэр,—сердито сказал профессор, но потом прибавил болѣе мягко, — как будто я припоминаю, что он обыкновенно висѣл на гвоздѣ у двери в стрѣлковой комнатѣ.

От профессора мы пошли прямо к Парди. Он принял тотчас же нас в своем кабинетѣ. Манеры его были натянуты и даже рѣзки. Предложив нам сѣсть, он остался стоять.

— Извѣстно ли вам, м р Парди,—начал Маркхем, —что м-р Друккер упал со стѣны в паркѣ в десять часов вечера, вскорѣ послѣ разговора с вами?

— Утром я узнал об этом несчастном случаѣ. — Парди замѣтно поблѣднѣл.

— Большое несчастье! Вы говорили с профессором Диллардом? Он вѣдь был с Друккером...

— Да, да, мы прямо от профессора,—пребил Ванс. —Он говорил, что вокруг вас и Друккера создалась вчера непріятная атмосфера.

Парди медленно подошел к своему столу и сѣл в натянутой позѣ.

— Друккер был почему то недоволен моим присутствіем у Диллардов, когда пришел к ним послѣ обѣда. У него не хватило хорошаго тона, чтобы скрыть свое неудовольствіе, и создалось непріятное положеніе. Но зная его хорошо, я старался не замѣчать этого. Вскорѣ профессор позвал его прогуляться.

— Вы вѣдь недолго оставались там, послѣ их ухода?

— Около четверти часа. Арнессон был утомлен, и я тоже пошел пройтись. На обратном пути я пошел не по аллеѣ, а свернул на дорожку и наткнулся на профессора и Друккера, которые разговаривали, стоя у края стѣны. Не желая показаться невѣжливым, я на минуту остановился, но Друккер, бывшій в невозможном настроеніи, стал говорить мнѣ дерзости. Я повернулся и пошел назад к 79 й улицѣ, перешел аллею и пришел домой.

— Вы не останавливались на троттуарѣ?

— Я присѣл у входа в 79-ю улицу и выкурил папиросу.

Когда мы вышли на улицу, из парадной двери Диллардовскаго дома нас окликнул Арнессон и вышел нам на встрѣчу.

— Только что услышал печальное извѣстіе. Я пришел из университета немного раньше, и профессор сообщил мнѣ, что вы отправились говорить с Парди. Узнали что нибудь? — И не дожидаясь отвѣта, он продолжал.—Вот каша-то! И никаких нитей!

—Аріадна еще не смилостивилась над нами,—отвѣтил Ванс.—Вы посланник с Крита?

— Неизвѣстно. Допрашивайте.

Ванс повел нас к воротам в стѣнѣ и остановился на стрѣльбищѣ.

– Мы вернулись в Друккеровскій дом. Вѣроятно вы займетесь погребеніем.

— Да! Но на похоронах я не буду. Тяжелое это зрѣлище, похороны. Но Белл и я присмотрим за всѣм. Лэди Мей вѣроятно оставила завѣщаніе, надо его найти. Кстати, гдѣ женщины прячут свои завѣщанія?

Ванс остановился у подвальной двери Диллардовскаго дома и вошел в стрѣлковую комнату. Осмотрѣв дверь, он вернулся к нам на стрѣльбищѣ.

— Ключа там нѣт.—А вы ничего о нем не знаете, м-р Арнессон?

— Вы говорите о ключѣ от деревянных ворот?.. Не имѣю никакого представленія. Сам я никогда не хожу по переулку, гораздо проще выходить через парадную дверь. Да и никто не ходит здѣсь, насколько я знаю. Уже нѣсколько лѣт тому назад Белл замкнула дверь, чтобы кто нибудь не забрался и не получил стрѣлы в глаз. Я говорил ей, чтобы она не мѣшала залѣзать сюда, так им и надо, пусть не интересуются стрѣльбой из лука!

Мы вошли в дом Друккера по черному ходу. Белл Диллард и миссис Менцель хлопотали в кухнѣ.

— Халло, сестричка.—Привѣтствовал ее Арнессон. Его развязный тон пропал. Трудная работа для такой дѣвочки. Иди ка домой, а я приму командованіе на себя. И взяв ее отечески за руку, он повел к двери.

Она немного сопротивлялась и посмотрѣла на Ванса.

— М-р Арнессон прав,—кивнул тот головой.—Но разрѣшите раньше задать один вопрос. Вы всегда держите ключ от ворот в переулок на гвоздѣ в стрѣлковой комнатѣ?

— Всегда. Да развѣ его нѣт там?

Арнессон отвѣтил с своей шутовской ироніей.

— Пропал! Исчез! Чрезв ычайнотрагично! Вѣрно ка-

кой-нибудь коллекціонер ключей бродил вокруг дома.— Когда дѣвушка ушла, он подмигнул Вансу.—Но причем тут, ради всего несвятого, заржавленный ключ?

— Может быть и не причем, — безпечно сказал Ванс.—Пойдемте в гостиную, там удобнѣе.—Он прошел через переднюю.—Разскажите нам, что вы знаете о сегодняшней ночи?

Арнессон сѣл в кресло у окна и вынул трубку.

— О сегодняшней ночи?... Ну вот, Парди пришел к обѣду, это у него обратилось в привычку по пятницам. Затѣм Друккер, в муках творчества своей новой книги, пришел выкачать что можно из профессора, и присутствіе Парди разозлило его. Профессор предупредил бурю, уведя Друккера на свѣжій воздух. Парди болтался здѣсь минут пятнадцать, пока я дѣлал нечеловѣческія усилія, чтоб не заснуть. Затѣм он смилостивился и ушел, а я поправил нѣсколько работ и отправился в постель. А как трогательное поэтическое произведеніе объясняет смерть Друккера?

— Никак,—отвѣтил Ванс,—но оно не лишено интереса. Вы слышали, как вернулся профессор?

— Слышал-ли?—засмѣялся Арнессон. — Когда он шаркает больной ногой, стучит палкой и потрясает перила, можно быть увѣренным в его выступленіи на сцену. Сегодня ночью он был необыкновенно шумен.

— Какой же вывод вы дѣлаете по поводу дальнѣйшаго развитія этого дѣла?

— Я еще не совѣм посвящен в детали. Профессор не был блестяще краснорѣчив. Друккер упал со стѣны, как „горбун“ из дѣтской книжки, вчера около десяти часов вечера и найден сегодня утром. Но при каких обстоятельствах скончалась лэди Мей? Что ее потрясло?

— Убійца взял ключ Друккера и тотчас же по совершеніи преступленія пришел сюда. Миссис Друккер застала его в комнатѣ сына. По словам кухарки, слышавшей все с лѣстницы, между ними произошло объясненіе и миссис Друккер умерла от разрыва сердца.

— И таким образом избавила джентльмена от непріятности убить ее.

— Это, кажется, ясно,—согласился Ванс.—Но причина прихода убійцы не выяснена. Может быть вы найдете объясненіе?

Арнессон задумчиво дымил своей трубкой.

— Непостижимо,—наконец сказал он тихо. — У Друккера не было ни цѣнностей, ни компрометирующих документов. Ни в какія темныя дѣла он не вмѣшивался... Никакой причины забираться в его комнату, я не вижу.

— А что это за теорія над которой работал Друккер?

— О, великая вещь. Она произвела бы революцію в физикѣ, прославила бы его. Позор, что он ушел, не закончив ея!

— Не знаете ли случайно, гдѣ он держал результаты своих вычисленій?

В записной книжкѣ с неприкрѣпленными листками, все в видѣ таблиц все пронумеровано вездѣ указатели. Методичный и аккуратный был человѣк во всем.

— Вы знаете, как выглядит эта книжка?

— Должен знать, сколько раз он мнѣ ее показывал! Гладкій красный кожаный переплет, тонкіе желтоватые листки; на переплетѣ вытѣснено золотом его имя.

— Гдѣ может находиться теперь эта книжка?

— Или в ящикѣ его стола, или на письменном приборѣ в спальнѣ. Днем он работал в кабинетѣ, но когда он увлекался какой-нибудь проблемой, он работал и день и ночь. В спальнѣ у него стоял письменный прибор; он тотчас же записывал свои мысли, как только его посѣщало вдохновеніе, а утром уносил записи в кабинет. Настоящая машина в смыслѣ систематичности.

Ванс лѣниво смотрѣл в окно все время пока говорил Арнессон. Казалось он и не слушал даже описанія привычек Друккера, но с томным взглядом он вдруг повернулся лицом к Аренссону.

— Может быть, растягивая слова сказал он, вы

сходите наверх и принесете мнѣ книжку Друккера. Поищите и в кабинетѣ, и в спальнѣ.

Мнѣ показалось, что Арнессон как будто колеблется. Но потом он быстро встал.

Хорошая идея. Такой важный документ не должен валяться без призора, — и он вышел из комнаты.

В маленькой гостиной была напряженная атмосфера, пока мы ожидали возвращенія Арнессона.

Через десять минут он появился. Он пожал плечами и протянул пустыя руки.

— Пропала! — Возвѣстил он. — Осмотрѣл все и не нашел. — Он бросился в кресло и снова закурил свою трубку. Понять не могу... Может быть он ее спрятал!

— Может быть, — пробормотал Ванс.

Глава XX.

Немезида.

Суббота, 16-го апрѣля; 1 ч. дня.

Маркхем, Ванс и я, поѣхали в шахматный клуб; было уже больше часа. У Маркхема было назначено совѣщаніе с полицейским комиссаром в три часа. Ванс и я пошли, послѣ ленча, на картинную выставку, а потом в концерт; когда мы очутились на Пятой авеню, уже начало темнѣть, и Ванс приказал шофферу ѣхать в шахматный клуб, гдѣ Маркхем ждал нас к чаю.

— Чувствую себя таким юным, простым, наивным, — мрачно жаловался Ванс. — Прошло мимо множество событій, задуманных так хитро, что я никак не могу в них разобраться. Это меня так обезкураживает, так смущает. Мнѣ это не нравится, утомляет меня. Он тяжело вздохнул и хлебнул чаю.

— Твои горести меня не трогают, отвѣтил Маркхем. — Вот, если бы ты перенес такія мученья, как я ..

— Не сердись пожалуйста, — остановил его Ванс. — Волненія страсти не приведут нас к рѣшенію этой за-

дачи. Надежда только на мозг. Будем спокойны и разсудительны.—Он стал серьезен.—Преступленіе доведено до совершенства. Никаких руководящих нитей. Но все-таки... все-таки что-то пытается пробиться наружу. Неясный голос хочет что то сказать и не может. Уже много раз я испытывал присутствіе напряженной силы, которая, как невидимый призрак, старается подѣйствовать на меня, не обнаруживая своей сущности.

Маркхем безнадежно вздохнул.

— Очень утѣшительно. Не обратиться ли к медіуму?

— Что то мы проглядѣли, — продолжал Ванс, не обращая вниманія на насмѣшку. — Попробуем привести что можно в порядок. Аккуратность — вот что нам надо. Первое — убит Робин. Слѣдующее — Спригг застрѣлен. Потом миссис Друккер испугана черным епископом. Дальше — Друккер сброшен со стѣны. Вот четыре эпизода в этой вакханаліи убійств. Три из них были строго обдуманны, но подбросить к дверям миссис Друккер чернаго епископа убійца был вынужден и сдѣлал это без подготовки.

— Пожалуйста, будь яснѣе.

— Милый мой, тот, кто принес чернаго епископа, дѣйствовал в стостояніи самозащиты. Неожиданная опасность угрожала дальнѣйшему развитію предпринятой им кампаніи, и он прибѣгнул к этому средству, чтобы предотвратить ее. Перед самой смертью Робина—Друккер вышел из стрѣлковой комнаты и устроился в бесѣдкѣ на дворѣ, откуда он мог видѣть стрѣлковую комнату через окно. Немного позже он услышал, что кто-то говорит с Робином в комнатѣ. Он пошел домой, а в это время тѣло Робина было выброшено на стрѣльбище. Миссис Друккер видѣла это и в то же время видѣла, вѣроятно, и сына. Она вскрикнула; очень естественно, не правда ли? Друккер услышал крик, о чем он потом сообщил нам, стараясь установить свое alibi. Убійца почувствовал, что миссис Друккер что-то видѣла, но что именно, он не знал. В полночь он отправился в ея комнату, чтобы заставить ее молчать, и захватил с собой чернаго епископа, разсчитывая оставить

его у ея тѣла как подпись. Но дверь оказалась запертой, и он положил чернаго епископа с наружной стороны, как предупрежденіе, что она должна молчать под страхом смерти. Он знал, что бѣдная женщина подозрѣвала своего сына.

— Почему же Друккер не сказал нам, кого он видѣл в стрѣлковой комнатѣ?

— Вѣроятно потому, что бывшее там лицо он не мог представить себѣ как преступника. Вѣроятно он так и сказал, и этим подписал свой приговор.

— Допустим, что теорія правильна. Куда же она нас ведет?

— К единственному эпизоду, который не был обдуман заранѣе. А когда тайный поступок недостаточно подготовлен, всегда найдешь слабое мѣсто в деталях. Замѣтьте пожалуйста, что во время совершенія каждаго из трех преступленій любое из лиц, участвовавших в этой драмѣ, могло присутствовать. Ну у кого не было alibi. Все было искусно разсчитано: убійца выбирал такое время, когда актеры, так сказать, уже ожидали выхода. Но этот полуночный визит! Это было совсѣм другое дѣло. Уже не было времени, для того, чтобы придумать совершенный ряд обстоятельств, опасность была близка. И что же получилось? Только Друккер и профессор были дома в полночь. Арнессон и Белл Диллард вернулись домой в половинѣ перваго. Парди от одиннадцати до часу сидѣл за шахматной доской. Теперь Друккер исключен... Каков отвѣт?

— Я должен тебѣ напомнить, — сердито сказал Маркхем,—что alibi других лиц не поколеблены.

— Хорошо, хорошо, — и Ванс стал спокойно пускать клубы дыма к потолку. Потом он посмотрѣл на часы и быстро встал.

— Еще нѣт шести часов. Вот когда Арнессон может быть нам полезен. Пойдем, уничтожим alibi Парди.

Через полчаса мы сидѣли с профессором и Арнессоном в Диллардовской библіотекѣ.

Мы пришли по не совсѣм обыкновенному дѣлу,— объяснил Ванс,—но оно может имѣть громадное вліяніе на слѣдствіе.—Он открыл бювар и достал оттуда лист

бумаги. — Просмотрите этот документ, м-р Арнессон. Это копія с оффиціальной записи партіи Рубинштейна и Парди.

Арнессон взял бумагу и с удовольствіем стал ее разсматривать.

— Ага! Безславный отчет о пораженіи нашего друга Парди?

— Что это еще за выдумки?—Презрительно спросил профессор.

— М-р Ванс думает, что из этого может кой-что извлечь.

— Глупости!—Профессор налил себѣ еще рюмку портвейна и погрузился в чтеніе, совершенно игнорируя нас.

Арнессон углубился в записи.

— Вот странно. Игра в общем продолжалась два часа тридцать минут для бѣлых, то есть для Парди и три часа тридцать двѣ минуты для черных, откуда вытекает, что послѣ перерыва бѣлым потребовалось лишь сорок пять минут, тогда как черным понадобилось час и тридцать четыре минуты.

Ванс кивнул головой.

— Правильно. Игра продолжалась два часа и девятнадцать минут, от 11 ч. вечера до 1 ч. 19 м. ночи. Но попробуем докончить партію; мнѣ хотѣлось бы знать ваше мнѣніе о ней.

Арнессон тотчас же пошел к шахматному столику и выложил из ящика шахматныя фигуры.

— Ого не хватает чернаго епископа. Когда же я получу его обратно? Но ничего, он здѣсь не нужен, он уже обмѣнен. Он разставил фигуры, сѣл и стал изучать положеніе.

— Мнѣ не представляется положеніе Парди безнадежным,—замѣтил Ванс.

— Мнѣ тоже. Не могу понять, почему он проиграл. Посмотрим! — Он взял лист с записями и сдѣлал нѣсколько ходов; через короткое время он издал радостное восклицаніе. — Ага, вот так Рубинштейн! Умно и тонко. На сколько я знаю Рубинштейна, эта комбинація потребовала много времени. Он вѣдь медлитель!

— Вѣроятно обдумываніе этой комбинаціи и произвело такое несоотвѣтствіе во времени,—замѣтил Ванс.

— Несомнѣнно, оно и заняло всѣ эти сорок пять минут.

— А как вы думаете, в котором часу воспользовался Рубинштейн этими сорока пятью минутами? — спросил Ванс.

— Посмотрим... — Он долго вычислял и наконец сказал:

— Обдумываніе заняло время между половиной двѣнадцатаго и половиной перваго.

— Из любопытства,—продолжал Ванс,—я разыграл всю игру до мата, может быть и вы м-р Арнессон, сдѣлаете тоже самое. Интересно было бы выслушать ваше мнѣніе.

Арнессон нѣсколько минут изучал позицію. Потом он поднял глаза на Ванса. По лицу его расплылась улыбка.

— Я понимаю, в чем дѣло. Вот так позиція! В пять ходов черные выигрывают! Почти неслыханный финал. Парди был побит черным епископом! Невѣроятно!

Маркхем нахмурился с видом глубокаго недоумѣнія.

— Вы находите необыкновенным, что один епископ рѣшил партію?—Спросил он Арнессона.

— Я не помню подобной комбинаціи! Именно с Парди это случилось. Начинаю вѣрить в Немезиду. Двадцать лѣт Парди возился с епископом и погиб с ним!

Через нѣсколько минут мы простились и пошли по направленію к Вестендскому авеню, гдѣ наняли такси.

— Не удивительно, Ванс, — говорил по дорогѣ Маркхем—что Парди поблѣднѣл, когда ты сказал, что черный епископ разгуливал в полночь. Вѣроятно он подумал, что ты нарочно бросаешь ему в лицо ошибку всей его жизни, чтобы оскорбить его.

— Может быть,—сонно отвѣтил Ванс.

— Чертовски забавно, что епископ был его злым роком всѣ эти годы. Такія неудачи дѣйствуют на самые сильные умы, вызывают жажду мести.

— Трудно представить себѣ Парди в роли мстителя,—возразил Маркхем.

— А почему ты так заинтересовался расхожденіем во времени. Не вижу, чтобы визит к Арнессону придвинул нас хоть сколько-нибудь вперед.

— Это потому, что ты не знаком с привычками шахматистов. Во время такой партіи игрок не сидит за столом, пока, его противник обдумывает свой ход. Он разгуливает по комнатѣ, разсматривает развѣшанныя по стѣнам картины, выходит на воздух, разговаривает с дамами, пьет ледяную воду, а иногда и ѣст. На послѣднем шахматном турнирѣ маэстро в комнатѣ было четыре стола, и всегда по крайней мѣрѣ три стула были не заняты. Парди нервный человѣк. Он не мог бы спокойно высидѣть, пока Рубинштейн обдумывал свои ходы.

Ванс закурил папиросу.

Маркхем, Арнессоновскій разбор этой партіи установил тот факт, что у Парди около полуночи было три четверти часа свободнаго времени.

Глава XXI.

Математика и убійство.

Суббота 16-го апрѣля; 8 ч. 30 м. вечера.

За обѣдом мы не говорили о нашем дѣлѣ, но когда усѣлись в укромном уголкѣ клубнаго зала, Маркхем вернулся к больному мѣсту.

— Не нахожу, — начал он, — что бы слабый пункт в alibi Парди сколько-нибудь помог нам. Невыносимое положеніе еще усложнилось.

— Да, — вздохнул Ванс, — печален, жалок наш міp. С каждым шагом мы все больше запутываемся. А самое удивительное в этом дѣлѣ то, что истина стоит перед нами, а мы ея не видим.

— Но у нас нѣт основаній даже подозрѣвать кого-нибудь.

— Ну, я этого не сказал бы. Преступленіе совершено математиком; весь пейзаж усѣян математиками.

— В теченіе слѣдствія ни разу не было названо имя предполагаемаго преступника, но каждый из нас в глубинѣ души был увѣрен, что один из тѣх, с кѣм мы мирно бесѣдовали, был убійца, мысль эта была столь отвратительна, что мы инстинктивно избѣгали выражать ее словами.

— Преступленіе совершено математиком? — Повторил Маркхем, — а мнѣ кажется, что эта серія безсмысленных убійств совершена вырвавшимся на свободу маніаком.

Ванс покачал головой.

— Преступник болѣе чѣм здоров умственно и поступки его гнусно логичны и точны.

— Как вы можете сочетать эти убійства из сказок „Мамаши Гусыни" с математическим умом? — спросил Маркхем.

Ванс приступил к анализу дѣла, который не только освѣтит видимое безуміе преступленій, но и свел всѣ событія и всѣх дѣйствующих лиц в один фокус. Точность этого анализа была через нѣсколько дней доказана с потрясающей, трагической ясностью.

Послѣ продолжительнаго молчанія Маркхем спросил.

— Почему Парди, если считать его виновным, взял Арнессоновскаго чернаго епископа, а не принес фигуры из клуба, гдѣ отсутствіе ея было бы незамѣчено?

— Мы не знаем достаточно точно мотивов преступленія, чтобы отвѣтить на этот вопрос. Да и какія у вас доказательства его виновности? Каковы бы ни были наши подозрѣнія, мы не можем предпринять ни одного шага против него. Если бы мы даже знали, что он несомнѣнный убійца, все таки мы были бы совершенно безпомощны... Я уж говорил тебѣ, Маркхем, мы имѣем дѣло с умом необычайной остроты, который вычисляет всѣ вѣроятности, обдумывает каждый шаг.

У нас одна только надежда: найти слабое мѣсто в комбинаціях убійцы.

— Завтра же утром, — рѣшительно заявил Маркхем, — я прикажу Хизсу заняться alibi Парди. Если мы допросим всѣх зрителей игры, то у нас к полудню будет двадцать свидѣтелей против, а если бы еще нам удалось найти кого-нибудь, кто дѣйствительно видѣл Парди близ Друккеровскаго дома в полночь, у нас получилась бы весьма серьезная косвенная улика.

— Да, согласился Ванс, у нас была бы точка отправленія. Парди навѣрно затруднился бы объяснить, почему он очутился за шесть кварталов от клуба во время партіи с Рубинштейном именно в то время когда к дверям миссис Друккер был подброшен черный епископ... Да, непремѣнно прикажите Хизсу и его помощникам заняться вопросом об alibi Парди. Это будет шаг вперед.

Но не пришлось отдавать такого приказанія сержанту. Еще не было девяти часов, когда на слѣдующее утро Маркхем явился к Вансу с извѣстіем, что Парди совершил самоубійство.

Глава XXII.

Карточный домик.

Воскресенье, 17-го апрѣля; 9 час. утра.

Изумительная вѣсть о смерти Парди произвела на Ванса потрясающее впечатлѣніе. Он поспѣшно стал одѣваться.

— Честное слово, Маркхем! — Воскликнул он, — это необыкновенно!.. Как ты узнал об этом?

— Профессор Диллард телефонировал мнѣ полчаса тому назад. Парди лишил себя жизни в стрѣлковой комнатѣ. Пайн утром нашел тѣло и сообщил профессору. Я передал извѣстіе Хизсу, и поѣхал сюда. Полагаю, что нам слѣдует быть там. Кажется „дѣло Епископа“ закончилось... Не особенно удовлетвори-

тельный финал, но может так лучше для прикосновенных к дѣлу лиц.

Ванс ничего не отвѣтил. Он задумчиво пил кофе, потом встал и взял шляпу и палку.

— Самоубійство... — ворчал он, когда мы спускались с лѣстницы. Да, это послѣдовательно, но как ты говоришь, неудовлетнорительно, чертовски неудовлетворительно...

Мы поѣхали к Диллардам, Пайн впустил нас в дом. Только что профессор вышел к нам в гостиную, как раздался звонок у входной двери, в комнату влетѣл Хизс.

— Ну, теперь дѣло чистое, сэр, — обратился он к Маркхему. — Вот эти тихони! Ну, кто бы мог подумать?..

— Пожалуйста, сержант, — протянул Ванс, — не будем думать. Слишком утомительно. Тут нужен открытый ум, безплодный как пустыня.

Профессор Диллард провел нас в стрѣлковую комнату. Всѣ шторы были спущены, и электричество еще горѣло. Я замѣтил, что и окна были плотно закрыты.

— Я оставил все так, как было, — объяснил профессор.

Маркхем подошел к большому плетеному стулу по срединѣ комнаты.

Тѣло Парди тяжелой грудой лежало на стулѣ против двери на стрѣльбище. Голова и плечи были на столѣ; правая рука свисала вниз, в пальцах был зажат автоматическій револьвер. В правом вискѣ зіяла рана, а под головой была лужа затекшейся крови.

Но мы не долго смотрѣли на труп: наше вниманіе приковала к себѣ поразительная, нелѣпая вещь. Журналы на столѣ были сдвинуты в сторону, и на освободившемся мѣстѣ возвышался большой, с удивительным искусством воздвигнутый карточный дом. Четыре стрѣлы изображали двор, спички, уложенныя одна на другую обозначали дорожки. Эта постройка привела бы в восторг всякое дѣтское сердце; я вспомнил, что наканунѣ вечером Ванс говорил нам, что очень серьезные

умы ищут отдыха в дѣтских играх. Было что-то невыразимое ужасное в сочетаніи дѣтской игрушки с страшной, насильственной смертью.

Ванс печально смотрѣл на эту картину.

— Здѣсь покоится Джон Парди, — прошептал он с благоговѣніем.

— А это дом им построенный... карточный дом...

Он подошел ближе; но когда его тѣло слегка коснулось края стола, послышался легкій шелест, и воздушная постройка разсыпалась.

Маркхем обратился к Хизсу и спросил:

— Вы извѣстили врача?

— Так точно. — Сержант с трудом отвел глаза от стола, подошел к окну и поднял шторы. Затѣм он снова вернулся к тѣлу Парди и продолжал его разсматривать. Вдруг он стал на колѣни и нагнулся.

— Похоже на револьвер 38-го калибра, который лежал в ящикѣ с инструментами, замѣтил он.

— Без всякаго сомнѣнія,—подтвердил Ванс.

Хизс встал, подошел к комоду и осмотрѣл содержимое ящика.—Кажется все на мѣстѣ. Пусть мисс Диллард удостовѣрит это, когда уйдет доктор.

В это мгновеніе Арнессон, в ярком красножелтом халатѣ, вбѣжал возбужденный в комнату.

— Тысяча вѣдьм!—воскликнул он. — Сейчас Пайн сообщил мнѣ эту новость. — Он подошел к столу и долго смотрѣл на труп.—Самоубійство? Но почему же он не предпочел собственный дом для этого представленія? Чертовски неприлично забираться для этого в чужіе дома? Необдуманный поступок, так же необдуманный, как и послѣдняя его игра в шахматы. Он взглянул на Маркхема.

— Надѣюсь, это не навлечет на нас новых непріятностей? Достаточно уж мы прославились. Голова идет кругом. А когда же вы уберете останки бѣдняги? Я не хотѣл бы, чтобы его увидѣла Белл.

— Тѣло будет убрано, как только врач освидѣтельствует его, — ледяным тоном отвѣтил Маркхем. — Совершенно ненужно приводить сюда мисс Диллард.

— Хорошо.—Арнессон все еще смотрѣл на мертвеца.—Бѣдняга! Жизнь оказалась ему не по силам. Сверхчувствителен был, не было психической силы. Относился ко всему слишком серьезно. Тяготился жизнью послѣ неудачи со своим гамбитом. Черный епископ мерещился ему, может быть тот и лишил его разсудка. Может быть он вообразил, что он сам шахматный епископ.

— Интересная идея,—замѣтил Ванс.—Между прочим, когда мы увидѣли труп, на столѣ был карточный дом.

— Зачѣм же здѣсь были карты? Карточный домик... Звучит ужасно глупо. Вы знаете отвѣт?

— Не весь. Домик, построенный Джеком, мог бы кой-что объяснить.

— Понимаю: забавлялся дѣтскими играми до конца, даже и над собой потѣшался. —Арнессон зѣвнул и пошел одѣваться.

Профессор смотрѣл все время печально на Арнессона, но точно с отеческим чувством. Он повернулся к Маркхему с недовольным видом.

— Сигурд всегда скрывает свои чувства, стыдится их. Не принимайте его шуток всерьез.

В это время Пайн ввел сыщика Берка, и Ванс воспользовался случаем, чтобы разспросить слугу, как тот нашел тѣло Парди.

— Почему вы вошли сегодня утром в стрѣлковую комнату?—Спросил он.

— В кладовой было душновато, сэр, — отвѣтил Пайн,—я и отворил дверь на лѣстницу, чтобы впустить немного свѣжаго воздуха. Тогда я замѣтил, что всѣ шторы спущены.

— Значит, обыкновенно вы не спускаете штор на ночь?

— В этой комнатѣ нѣт.

— А окна?

— Я всегда на ночь оставляю их слегка сверху открытыми.

— И вчера вы их оставили открытыми?

— Да, сэр.

— Хорошо. А когда вы открыли сегодня утром дверь?

— Я сейчас же пошел погасить свѣт, предполагая, что мисс Диллард забыла, уходя, повернуть кнопку. Вот тогда я и увидѣл бѣднаго господина за столом и пошел доложить об этом профессору Дилларду.

— Бидл знает о происшедшей трагедіи?

— Я сказал ей тотчас же послѣ вашего прибытія.

— В котором часу вы и Бидл ушли в свои комнаты вчера вечером?

— В десять часов, сэр.

Когда Пайн вышел, Маркхем обратился к профессору.

— Сообщите нам, какія вы знаете подробности, пока мы ожидаем врача. Может быть мы поднимемся наверх?

— Берк остался в стрѣлковой комнатѣ, а мы всѣ пошли в библіотеку.

— Боюсь, что смогу сказать вам очень немногое,— сказал профессор, усаживаясь в кресло. В манерах его чувствовалась особая сдержанность. — Парди пришел сюда вчера вечером послѣ обѣда, чтобы поболтать с Арнессоном, но я думаю, чтобы повидать Белл. Но Белл рано ушла спать, у нея болѣла голова, а Парди оставался почти до половины двѣнадцатаго. Потом он ушел; это было наше послѣднее свиданіе, увидѣл я его опять, когда Пайн принес извѣстіе об ужасном событіи сегодняшней ночи.

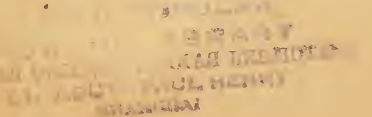
Если м-р Парди,—вставил Ванс,—приходил повидаться с вашей племянницей, то как вы объясняете, что он оставался так долго, хотя она и ушла?

— Никак не объясняю. Он производил впечатлѣніе человѣка, у котораго было что-то на душѣ, и которому хотѣлось человѣческой близости. Я должен был намекнуть ему, что я очень устал, только тогда он ушел.

— А гдѣ был м-р Арнессон вчера вечером?

— Сигурд, послѣ того как ушла Бидл, разговаривал с нами еще около часа, а потом пошел спать.

— В котором часу он ушел?



— Около половины одиннадцатаго.

— Как вы говорили, — продолжал Ванс, — м-р Парди производил впечатлѣніе человѣка, ум котораго был сильно утомлен?

— Дѣло было не в утомленіи, он скорѣе казался подавленным, разстроенным.

Ванс замолчал и Маркхем стал предлагать вопросы.

— Я полагаю, — начал он, что безполезно спрашивать вас, не слышали ли вы звука, напоминавшаго выстрѣл?

— В домѣ было тихо, — отвѣтил профессор, — да и никакой звук не мог донестись сюда из стрѣлковой комнаты. Стѣны в этом домѣ очень толстыя.

— Послѣднія минуты жизни самоубійцы еще недостаточно изучены, — небрежно сказал Ванс. — О чем вы разговаривали с м-ром Парди в теченіе часа предшествовавшаго его уходу?

— Мы говорили немного. Какая то навязчивая мысль владѣла им, и большую часть времени он провел за шахматной доской.

— Ванс посмотрѣл на доску. Нѣкоторыя фигуры еще стояли на черных и бѣлых квадратах.

— Очень любопытно, — тихо проговорил он. — Очевидно он размышлял над концом партіи с Рубинштейном. Фигуры разставлены так, как в тот момент, когда он сдался, с неизбѣжным матом черным еписком на пятом ходу.

Профессор перел взгляд на шахматный столик.

— Черный епископ, — повторил он тихо. — Так это-то и занимало его вчера ночью? Как могла такая тривіальная вещь подѣйствовать на него так губительно!

— Не забывайте, сэр, — напомнил ему Ванс, — что черный епископ — символ его пораженія. Он воплощал гибель его надежд. Гораздо менѣе могущественные факторы доводили людей до самоистребленія.

Через нѣсколько минут Берк доложил о прибытіи врача. Простившись с профессором, мы опять спусти-

лись в стрѣлковую комнату, гдѣ доктор Доремус производил освидѣтельствованіе трупа Парди.

Веселыя манеры доктора на этот раз отсутствовали.

— Когда же наконец кончится это дѣло?—Заворчал он.—Мнѣ не нравится здѣшняя атмосфера. Убійства, смерть от потрясенія, самоубійство—достаточно, чтобы довести человѣка до тихаго помѣшательства!

— Мы полагаем,—сказал Маркхем,—что это конец.

— Надѣюсь, что вы правы.—Он снова наклонился к трупу, и разогнув пальцы его руки, бросил на стол револьвер.

— Для вашей коллекціи оружія, сержант.

Хизс опустил револьвер в карман.

— Когда он умер, доктор?

— В полночь или около того, может быть раньше, может быть позже. — Есть еще дурацкіе вопросы?

— Нѣт сомнѣній, что это самоубійство?

Доктор с гнѣвом посмотрѣл на него.

— А на что же это похоже? — Оружіе было в рукѣ. На вискѣ слѣды пороха. Положеніе тѣла естественное. Что же, все еще сомнѣнія?

Отвѣтил ему Маркхем.

— Никаких, доктор. С нашей точки зрѣнія все указывает на самоубійство.

Когда Хизс помог доктору переложить тѣло, мы всѣ пошли в гостиную, гдѣ скоро присоединился к нам и Арнессон.

Ему вкратцѣ объяснили положеніе вещей.

— Конечно, все уравненіе рушится. Но вот чего я не могу понять, — прибавил он, — почему он выбрал стрѣлковую комнату? У него в своем домѣ было достаточно мѣста.

— В стрѣлковой комнатѣ было подходящее оружіе, — предположил Ванс. — Вот кстати: сержант Хизс желал бы, чтобы мисс Диллард удостовѣрила подлинность револьвера; просто ради формальности.

— Это возможно. А гдѣ он?

Хизс подал ему револьвер, и он вышел из комнаты. Ванс остановил его.

— Спросите также у мисс Диллард, были ли у нея карты в стрѣлковой комнатѣ.

Через нѣсколько минут Арнессон вернулся и сообщил, что револьвер именно тот, который лежал в ящикѣ для инструментов, и что в стрѣлковой комнатѣ были карты в ящикѣ стола, и Парди знал об этом.

Вскорѣ появился доктор и подтвердил свое заключеніе, что Парди застрѣлился.

Маркхем кивнул головой с нескрываемой удовлетворенностью.

— У нас нѣт причин, доктор, сомнѣваться в вашем заключеніи. Наконец эта оргія убійств приходит к логическому завершенію.

Вечером Ванс, Маркхем и я сидѣли в длинной залѣ клуба; в газеты были посланы сообщенія о самоубійствѣ Парди и предположенія, что дѣло Епископа заканчивается. Весь день Ванс говорил очень мало. Но теперь он заговорил.

— Слишком просто, Маркхем, слишком просто. Все логично, но не удовлетворительно. Не могу себѣ представить, чтобы наш Епископ закончил проявленія своего страшнаго юмора таким банальным способом. Я разочарован.

Маркхем чувствовал, что стал опять спокойным и уравновѣшанным.

— Может быть его воображеніе исчерпалось убійствами... Пьеса окончена, и надо было опустить занавѣс. Пораженіе и разочарованія являлись не раз причинами самоубійств.

— Правильно. У нас разумныя объясненія самоубійства, но чѣм мотивированы убійства, мы все таки не знаем.

— Парди был влюблен в мисс Диллард,—возразил Маркхем, — и вѣроятно знал, что Робин претендует на ея руку. Вѣроятно он ревновал и Друккера.

Ванс покачал головой.

— Относительно мотивов мы не можем расчленять преступленій, они всѣ являются слѣдствіем одного импульса, совершенныя под вліяніем одной страсти.

Маркхем нетерпѣливо вздохнул.

— Если самоубійство Парди и не связано с этими убійствами, то во всяком случаѣ мы дошли до мертвой точки и буквально и фигурально.

— Да, да. До мертвой точки. Но не понимай ложно моей болтовни. Смерть Парди неоспоримо связана с убійствами. Слишком интимно связана, говорю я.

Маркхем нѣсколько мгновеній испытующе смотрѣл на Ванса.

— Ты значит, сомнѣваешься, что Парди совершил самоубійство?

Прежде чѣм отвѣтить, Ванс помолчал.

— Я хотѣл бы знать, — тянул он слова, — почему карточный дом так легко развалился, когда я слегка облокотился на стол, и почему он уцѣлѣл, когда голова Парди упала на стол послѣ того, как он выстрѣлил в себя.

— Ну так что же? — Сказал Маркхем. — Первый же толчок разъединил карты. — Вдруг глаза его сузились. — Ты предполагаешь, что карточный домик был построен послѣ смерти Парди?

— Ничего я не предполагаю, милый друг, просто даю волю моему юношескому любопытству.

Глава XXIII.

Поразительное открытіе.

Понедѣльник, 25 апрѣля; 8 ч. 30 м. вечера.

Прошло восемь дней. Похоронный обряд был совершен над Друккером в его маленьком домикѣ на 76-й улицѣ, в присутствіи Диллардов, Арнессона и нѣскольких человѣк из университета, пришедших отдать послѣдній долг ученому, работами котораго они восхищались.

Ванс и я были в траурном домѣ, когда какая-то маленькая дѣвочка принесла пучечек весенних цвѣтов, которые она сама собрала, и попросила Арнессона передать их Друккеру.

— Я сейчас же отдам их ему, Медлин. „Горбун“ благодарит за память. — Когда гувернантка увела дѣвочку, он обратился к нам.

— Это любимица Друккера... Чудак, он никогда не ходил в театр, ненавидѣл путешествовать. Единственным его отдыхом было общеніе с дѣтьми.

— Я упоминаю об этом эпизодѣ, несмотря на его видимую незначительность, потому что он дал то звено в цѣпи улик, которое освѣтило, не оставив мѣста для сомнѣній в дѣлѣ епископа.

Смерть Парди создала положеніе, единственное в лѣтописи современнаго преступленія. В оффиціальном отчетѣ слѣдователя было лишь указано на в о з м о ж н о с т ь виновности Парди.

В шахматном клубѣ менѣе всего обсуждали это дѣло.

Первым оффиціальным актом на слѣдующій день послѣ смерти Парди было освобожденіе Сперлинга. Департамент полиціи снял охрану с Диллардовскаго дома, хотя Ванс и возражал немного против послѣдняго шага.

В теченіе недѣли послѣ находки трупа Парди, Ванс был безпокоен и разсѣян больше обыкновеннаго, как будто он ожидал чего то.

В нем чувствовалась какая то настороженность, почти страх.

Послѣ похорон Друккера, Ванс как-то зашел к Арнессону и они вмѣстѣ в пятницу отправились смотрѣть „Привидѣнія“ Ибсена. Я знал, что Ванс терпѣть не мог этой пьесы. Он узнал, что Белл Диллард уѣхала на мѣсяц к родным: послѣдствія пережитого стали сказываться на здоровьѣ и ей нужна была перемѣна мѣста. Арнессон очень грустил в ея отсутствіи и сообщил Вансу, что в іюнѣ они расчитывают обвѣнчаться. От него же Ванс узнал, что миссис Друккер завѣщала, в случаѣ смерти сына, все свое имущество Белл Диллард и профессору, факт, заинтересовавшій Ванса болѣе, чѣм слѣдует.

Начало конца относится к 25-му апрѣля. Мы обѣдали всѣ трое в клубѣ. Маркхем казался мнѣ чѣм то

взволнованным. Когда мы усѣлись в клубной гостиной, он разсказал нам о телефонном разговорѣ с профессором Диллардом.

— Он настоятельно просил меня притти к нему сегодня вечером. Он сказал, что Арнессон уйдет на весь вечер, и что второй такой благопріятный случай представится, может быть, когда уже будет поздно.

Ванс слушал с глубочайшим интересом.

— Мы должны отправиться туда. Я поджидал такого приглашенія. Может быть мы и найдем наконец ключ к истинѣ.

— К какой истинѣ? Виновности Парди?

В половинѣ девятаго мы звонили у дверей Диллардовскаго дома, и Пайн тотчас же провел нас в библіотеку.

Профессор встрѣтил нас со сдержанной нервностью.

— Спасибо, что пришли, Маркхем,—сказал он, не вставая.—Садитесь. Я хочу поговорить с вами, воспользоваться временем. Очень это затруднительно...

Мы всѣ сѣли в ожиданіи. Не знаю, как и приступить к этому разговору, потому что тут дѣло идет не о фактах, а о чем то невидимом, но сознаваемом. Я предпочел обсудить с вами эти мысли в отсутствіе Сигурда, он сегодня пошел смотрѣть „Претендентов“ Ибсена, это его любимая пьеса, я и рѣшил воспользоваться случаем, чтобы пригласить вас сюда.

— Чего же касаются эти мысли? — Спросил Маркхем.

— Ничего опредѣленнаго. Я уже говорил вам, что онѣ смутны, но тѣм не менѣе онѣ овладѣли мною... Настолько овладѣли, что я счел за лучшее удалить Белл на нѣкоторое время. Меня одолѣли сомнѣнія.

— Сомнѣнія?—Маркхем нагнулся вперед. — Какія сомнѣнія?

— Позвольте мнѣ отвѣтить на этот вопрос другим вопросом. Вы совершенно согласны в глубинѣ души, что относительно Парди все обстоит благополучно?

— Вы подразумѣваете подлинность его самоубійства?

— Это, а также предположеніе о его виновности.

Маркхем задумался.

— *Вы* не совсѣм удовлетворены? — Спросил он.

— Я не могу отвѣтить на этот вопрос, — отрывисто сказал профессор. Вы не имѣете права спрашивать меня. Я просто хотѣл удостовѣриться, что власти, имѣя всѣ данныя, убѣдились, что ужасное это дѣло — прочтенная книга. Если бы я знал, что это так, то может быть поборол бы предчувствія, мучившія меня день и ночь всю эту недѣлю.

— А если бы я сказал, что я неудовлетворен?

Глаза профессора приняли печальное выраженіе. Голова его склонилась как будто под тяжестью горы, он глубоко вздохнул.

— Самая трудная вещь в мірѣ,—сказал он,—это понять, в чем заключается твой долг; долг — это вѣдь механизм ума, а сердце часто издѣвается на его заключеніями. Может быть я поступил неправильно, пригласив вас сюда, потому что я могу говорить лишь о неясных подозрѣніях и туманных идеях. Но, может быть, для моего умственнаго безпокойства были какія-нибудь глубоко скрытыя основанія, о существованіи которых я и не подозрѣвал... Вы понимаете, о чем я говорю? — Как ни были уклончивы его слова, не было сомнѣній, что чей-то образ неясно вырисовывался в глубинѣ его сознанія.

Маркхем сочувственно кивнул головой.

— Нѣт причин подвергать сомнѣнію заключеніе врача,—сказал он принужденно-дѣловым тоном.—Я понимаю, что близость этих трагедій создала атмосферу, способствующую зарожденію сомнѣній. Но я полагаю, что у вас не должно быть дурных предчувствій.

— От души надѣюсь, что вы правы,—тихо сказал профессор, но видно было, что он не удовлетворен.

Во время этой бесѣды Ванс, мирно курил, но слушал он чрезвычайно внимательно, и наконец заговорил.

— Скажите мнѣ, профессор, не было ли чего-нибудь, хотя бы самаго неопредѣленнаго, что вызвало в вас неувѣренность?

— Нѣт, ничего,—послѣдовал быстрый отвѣт. — Я

только хотѣл провѣрить всѣ возможности. Строгая логика хороша для принципов, не касающихся нас лично. Но когда дѣло идет о собственной безопасности, человѣческій ум требует видимых доказательств.

Маркхем стал прощаться, но профессор попросил его остаться еще на нѣсколько минут.

— Скоро вернется Сигурд. Он будет рад повидаться с вами. А знаете, м р Ванс, Сигурд разсказывал мнѣ, что вы вмѣстѣ с ним ходили на „Привидѣнія". Вы раздѣляете его поклоненіе Ибсену?

Я замѣтил, что Ванс слегка смущен вопросом, но когда он стал отвѣчать, в его голосѣ не было намека на недоумѣніе.

— Я много читал Ибсена, несомнѣнно он был творческій геній, но я не нашел в нем ни красоты формы, ни философской глубины, свойственных „Фаусту" Гете.

— Я вижу, что у вас и Сигурда есть опредѣленная основа для расхожденія во взглядах.

Через нѣсколько минут мы шли по Вестенд-авеню, вдыхая свѣжій апрѣльскій воздух.

— Замѣть, Маркхем,—лукаво сказал Ванс, — что профессор нисколько не удовлетворился твоими завѣреніями.

— Его подозрительность вполнѣ понятна, — замѣтил Маркхем. Вѣдь эти убійства близко коснулись его дома.

— Нѣт, это не объясненіе. Он что-то знает, о чем не хочет нам сказать.

— Не думаю.

— Маркхем, милый Маркхем! Да вѣдь ты же слышал его спотыкающійся, неясный разсказ? Предполагалось, что мы догадаемся. Да! Вот поэтому он и настаивал, чтобы мы пришли к нему, когда Арнессона не было дома.

Вдруг Ванс перестал говорить.

— О-о! Так вот почему он разспрашивал меня об Ибсенѣ!.. Честное слово! Вот дурака-то я разыграл. — Он уставился глазами на Маркхема.—Наконец истина!— Сказал он мягко и выразительно.—И разрѣшеніе этой

задачи дано не тобой, не мной и не полиціей, а норвежским драматическим писателем, умершим двадцать лѣт тому назад. У Ибсена ключ к этой тайнѣ!

Маркхем испугался, что он лишился разсудка, но прежде чѣм ему удалось заговорить, Ванс подозвал автомобиль.

— Я покажу тебѣ то, о чем я думаю, когда прiѣдем домой. Невѣроятно страшная дѣйствительность! Я сразу же понял, что было три возможных виновника,—продолжал Ванс.—Психологически каждый из них был способен на убійство, так как эмоціальные толчки могли нарушать у них умственное равновѣсіе. Один из подозрѣваемых мною был Друккер, но его убили; осталось двое других. Парди, по всѣм видимостям, совершил самоубійство, и я допускаю, что его смерть могла быть принята как доказательство его виновности. Но смерть его не является, по моему мнѣнію, завершеніем событій; карточный домик смутил меня. Я стал поджидать третьяго из возможных случаев. Теперь я знаю, что Парди был невинен и не совершил самоубійства. Вѣроятно убійца потѣшается над нашим легковѣріем.

— Какими разсужденіями дошел ты до такого фантастическаго вывода?

— Тут дѣло не в разсужденіях. Наконец объясненіе этих преступленій в моих руках. Я знаю смысл подписи „Епископ“.—Когда мы пріѣхали к нему, он прямо повел нас в библіотеку и снял с полки второй том полнаго собранія сочиненій Ибсена. Найдя „претендентов“, он открыл страницу, на которой был перечень дѣйствующих лиц: среди них находилось имя:

Николай Арнессон, Епископ в Христіаніи.

Как зачарованный, я не мог отвести глаз от этой строки. А потом я вспомнил... Епископ Арнессон—один из ужасающих злодѣев во всемірной литературѣ, циничное, надо всѣм издѣвающееся чудовище, коверкающее всѣ жизненныя цѣнности, обращая их в гнусное шутовство.

Глава XXIV.

Послѣдній акт.

Вторник, 26 апрѣля; 9 час. утра.

Вмѣстѣ с этим изумительным открытіем дѣло Епископа вступило в послѣднюю и самую страшную фазу. Хизс был извѣщен об открытіи Ванса, и на другой день рано утром мы всѣ должны были собраться в камерѣ слѣдователя для военнаго совѣта. Ванс и я явились на нѣсколько минут позже девяти. Суэккер встрѣтил нас и попросил обождать в пріемной; т. к. Маркхем в эту минуту был занят. Едва мы успѣли сѣсть, как появился Хизс, нахмуренный и недовѣрчивый.

— Я передаю это дѣло вам, м-р Ванс, — объявил он.—Не можем же мы арестовать этого мододца, потому что его имя напечатано в книжкѣ.

Может быть нам удастся найти какой-нибудь выход,—возразил Ванс. — По крайней мѣрѣ мы знаем теперь, гдѣ мы.

Через десять минут Суэккер объявил нам, что Маркхем освободился.

— Простите, что заставил вас ждать, — извинился Маркхем.—Новая бѣда, и опять в той же части Риверсайдскаго парка, гдѣ был убит Друккер. Вчера с дѣтской площадки исчезла дѣвочка послѣ разговора с неизвѣстным мужчиной. Но дѣло это подлежит бюро о пропавших людях. Так я отцу и сказал. Если твое любопытство удовлетворено, то...

— Совсѣм неудовлетворено, —не уступал Ванс.—Я должен узнать подробности. Эта часть парка имѣет для меня какую-то притягательную силу.

— Хорошо,—согласился Маркхем.—Пятилѣтняя дѣвочка, по имени Медлин Моффат играла с группой других дѣтей вчера в половинѣ шестого. Она взобралась на высокій вал у стѣны; вскорѣ гувернантка пошла за

нею, думая, что она спустилась на другую сторону, но дѣвочки нигдѣ не оказалось. Двое или трое дѣтей говорят, что они видѣли, как она разговаривала с каким-то человѣком, а потом пропала.

— Медлин.—Ванс задумчиво повторил имя.—Маркхем, кажется эта дѣвочка знала Друккера?

— Да.—Маркхем выпрямился.—Отец упоминал, что она часто ходила к нему в гости...

— Я ее видѣл. Очаровательное существо... Она принесла пучек цвѣтов в день похорон Друккера, а теперь она исчезла...

— Что у тебя на умѣ?—Рѣзко спросил Маркхем.— Вѣдь мы собрались здѣсь не для того, чтобы обсуждать исчезновеніе дѣвочки Моффата...

Ванс поднял голову; на лицѣ его было выраженіе ужаса. Он зашагал по комнатѣ взад и вперед.—Да, да; именно так, и время подходящее... и все подходит...

Он быстро повернулся и схватил Маркхема за руку.

— Пойдем, скорѣе! Это единственный шанс, нельзя терять ни минуты. Всю недѣлю я боялся этого.

Маркхем выдернул у него руку.

— Я шагу не сдѣлаю, Ванс, пока ты не объяснишься.

— Это послѣдній акт. Даю тебѣ слово.—В глазах Ванса было что-то, чего я раньше никогда не видал.— Теперь это „Маленькая мисс Маффет". Имя нѣсколько иное, но это ничего не значит. Достаточно похожее для шуток Епископа.

Через нѣсколько минут мы мчались в автомобилѣ слѣдователя.

— Может быть я не прав,—сказал Ванс,—но все-таки мы должны рискнуть. Предполагается, что мы еще не знаем, и это наш единственный шанс...

Когда автомобиль остановился у подъѣзда Диллардовскаго дома, Ванс выскочил первый и побѣжал по ступенькам. Пайн открыл двери.

— Гдѣ м-р Арнессон?—Спросил Ванс.

— В университетѣ, сэр,—отвѣтил старый слуга.

— Тогда проведите нас к профессору Дилларду.

— Простите, сэр, но профессора тоже нѣт дома.

— Вы один здѣсь?

— Да. Бидл пошла на рынок.

— Тѣм лучше. Сейчас мы произведем обыск. Ведите нас.

Обыск начался с подвальнаго этажа. Каждая каморка, каждый шкаф, все было обыскано.

Постепенно мы переходили из одного этажа в другой. Библіотека и комната Арнессона были осмотрены очень тщательно, но мы ничего не обнаружили.

Случайно мы увидѣли замкнутую дверь на верхней площадкѣ.

— Куда она ведет?—Спросил Ванс.

— На чердак, сэр. Но им никогда не пользуются.

— Отомкните дверь.

Нѣсколько мгновеній Пайн перебирал ключи.

— Не нахожу ключа, сэр, а мнѣ казалось, что он был здѣсь...

— Когда вы им пользовались послѣдній раз?

— Не могу сказать, сэр. Насколько я знаю, уже нѣсколько лѣт никто не был на чердакѣ.

Не медля ни минуты мы выломали дверь.

На чердакѣ не было свѣта, и нам нужно было сначала привыкнуть к потемкам.

Воздух был удушливый. Ванс быстро осмотрѣлся, и на лицѣ его выразилось разочарованіе.

Еще раз осмотрѣв комнату, он подсшел к маленькому окошку в углу и увидѣл на полу старый чемодан. Наклонившись, он поднял крышку.

— А, здѣсь, по крайней мѣрѣ, нашлось кой-что для тебя, Маркхем.

Мы столпились вокруг него. В чемоданѣ была старая пишущая машинка. В нее был вставлен лист бумаги, на котором блѣдно-голубыми чернилами были отпечатаны двѣ строчки.

Маленькая мисс Маффет
Сидѣла на кучкѣ.

На этом мѣстѣ пишущему кто-то помѣшал, и он не докончил стишков из книжки сказок „Мамаши Гусыни.“

— Новая замѣтка Епископа в газеты, — замѣтил

Ванс, а затѣм нашел на днѣ чемодана красную записную книжку. Он передал ее Маркхему.

— Вычисленія Друккера для его послѣдней книги.

Но все-таки он не выглядѣл побѣдителем и снова стал осматривать комнату. Прежде всего он подошел к старому туалетному столу, стоявшему у стѣны против окна. Наклонившись, чтобы заглянуть за стол, он вдруг отодвинулся назад и, подняв голову, нѣсколько раз втянул носом воздух. В это же время он увидѣл что-то на полу у своих ног, и швырнул находку на середину комнаты. Мы с удивленіем замѣтили, что это была противогазовая маска, употребляемая химиками.

— Эй, вы, отойдите! — крикнул он, и зажав нос и рот рукою, отодвинул стол. За ним виднѣлась маленькая дверь от шкафа, вдѣланнаго в стѣну. Он быстро ее отворил, посмотрѣл внутрь, и тотчас же захлопнул дверцу.

Все таки я успѣл разсмотрѣть внутренность шкафа. На верхней полкѣ стояла бутыль на желѣзной подставкѣ, спиртовая лампа, прибор для сгущенія газов, стеклянный бокал и два пузырька.

Ванс с отчаяніем во взорѣ повернулся к нам.

— Ну, мы можем уйти, здѣсь больше нѣт ничего.

Мы вернулись в гостиную, оставив сыщика у дверей чердака.

— Может быть ты и прав, затѣяв этот обыск, — серьезно сказал Маркхем.

Ванс недовольно ворчал себѣ под нос.

— Не знаю, почему ты ворчишь, — сказал Маркхем. — Ты нашел великолѣпную улику. Теперь я могу арестовать Арнессона, когда он вернется из университета.

— Конечно, конечно. Но я не думал ни об Арнессонѣ, ни об арестѣ виновнаго, ни даже о тріумфѣ слѣдовательской камеры. Я надѣялся...

Он вдруг остановился.

— Но мы н е опоздали! Я не продумал до конца! Обыскать надо дом Друккера... Скорѣй!

Мы сбѣжали по лѣстницѣ, промчались через стрѣлковую комнату и выбѣжали на стрѣльбище.

Когда мы добѣжали до нижней двери Друккеровскаго дома. Ванс просунул руку в разломанное мѣсто желѣзной сѣтки и отодвинул защелку. Дверь кухни, к моему удивленію, была не замкнута, но Ванс повидимому, ожидал этого, потому что он без всякаго колебанія повернул ручку и раскрыл дверь.

— Стойте! — Крикнул он, остановившись в маленькой передней. — Нѣт нужды обыскивать весь дом... Самое подходящее мѣсто... Наверху... в каком-нибудь чуланѣ...

Говоря это, он быстро вел нас в третій этаж. На верхней площадкѣ было только двѣ двери, одна в самом концѣ, другая, поменьше посрединѣ правой стѣны.

Ванс подошел прямо к маленькой двери. Ключ торчал в замкѣ, и, повернув его, он распахнул дверь. Внутри была абсолютная темнота. В одно мгновеніе Ванс уже ползал на колѣнях во мракѣ.

— Скорѣй, сержант. Ваш фонарь!

Когда вспыхнул свѣт, то мы увидѣли на полу в безсознательном состояніи дѣвочку, ту самую которая приносила цвѣты своему разбившемуся горбунчику.

Ванс приложил ухо к ея сердцу. Потом он нѣжно взял ее на руки.

— Идите в Диллардовскій дом и ждите меня там, — бросил он нам, когда мы вышли из дома.

Глава XXV.

Занавѣс падает.

Вторникъ, 26-го апрѣля; 11 ч. утра.

Через двадцать минут Ванс был с нами в Диллардовской гостиной.

— Она будет здорова,—вскричал он.—У нея был обморок от потрясенія и страха.

Маркхем с восхищеніемъ посмотрѣл на Ванса.

— Ты надѣялся найти ребенка живым?

— Да. Я не допускал мысли, что она умерла, потому что это было бы в противорѣчіи со стихами „Мамаши Гусыни“.

Хизс размышлял над чѣм то, что очевидно очень смущало его.

— Никак моя башка не может переварить что этот Епископ, оставил дверь в Друккеровском домѣ незамкнутой?

— Предполагалось что мы найдем дѣвочку, — отвѣтил Ванс.—Все нам было облегчено. Но предполагалось, что мы найдем ее завтра, послѣ того, как появится в газетах замѣтка о „Маленькой мисс Маффет.“

— Но почему же замѣтки не посланы вчера в газеты?

— Несомнѣнно, что у Еспископа было намѣреніе отослать их вчера вечером, но по моему мнѣнію, он рѣшил, что цѣлесообразнѣе дать сначала разгорѣться любопытству публики к исчезновенію дѣвочки.

Маркхем посмотрѣл на часы и рѣшительно встал.

— Нам не за чѣм дожидаться возращенія Арнессона. Чѣм скорѣе мы его арестуем, тѣм лучше.

— Не торопись, Маркхем, у тебя нѣт никаких улик против этого человѣка.

Маркхем понял, что Ванс был прав.

— Но вѣдь надо же остановить как нибудь этого маніака, — свирѣпо сказал он.

— Как-нибудь да. — Ванс зашагал по комнатѣ. — Может быть нам удастся вырвать истину хитростью; он вѣдь не знает, что мы нашли дѣвочку... Может быть профессор нам поможет.

— Ты думаешь, что онъ знает больше того, что он нам сообщил?

— Несомнѣнно. Я тебѣ сказал это с перваго же раза.

— Ну, это еще неизвѣстно. Маркхем был настроен пессимистически.—Но попытаться можно.

Через нѣсколько мгновеній открылась входная дверь и в передней появился профессор. Он пристально смотрѣл на нас, как будто стараясь прочесть на наших

лицах смысл нашего неожиданнаго визита. Наконец он спросил:

— Вы, вѣроятно, обдумали то, что я говорил вчера вечером.

— Не только обдумали, сказал Маркхем, но м-р Ванс даже узнал, что вас так безпокоило. Он показал мнѣ экземпляр „Претендентов".

— Ах!—Восклицаніе напоминало вздох облегченія. Столько дней эта пьеса не выходила у меня из головы.

— Он со страхом посмотрѣл на нас. — Что это значит?

— Это значит, сэр, что вы привели нас к истинѣ. Мы ожидаем теперь м-ра Арнессона. А пока нам хотѣлось бы поговорить с вами. Может быть вы могли бы нам помочь.

— Я не думал, что буду орудіем в дѣлѣ осужденія бѣднаго малаго.

Проведя нас в библіотеку, он остановился у шкафа и налил себѣ рюмку портвейна, а потом посмотрѣл на Маркхема, точно извиняясь.

— Простите, я слишком разсѣян. Он выдвинул шахматный столик и поставил на него для всѣх рюмки.

— Разскажите мнѣ все,—сказал он, — не щадите меня.

— Ванс посмотрѣл сочувственно на него и сказал:

— Мы нашли пишущую машинку, на которой Епископ печатал свои замѣтки. Она была в старом чемоданѣ на чердакѣ.

Профессор не обнаружил никаких признаков удивленія.

— Вы убѣждены, что это дѣйствительно та самая?

— Внѣ всякаго сомнѣнія. Вчера маленькая дѣвочка, по имени Медлин Моффат, исчезла с дѣтской площадки в паркѣ. В машинку был вставлен лист бумаги и на нем было отпечатано: „Маленькая мисс Маффет сидѣла на кучкѣ".

Голова профессора упала на грудь.

— Еще одно безумное звѣрство. Если бы я не затянул своего сообщенія до вчерашняго дня...

— Большой бѣды не произошло, — поспѣшил сообщить ему Ванс.—Мы во время нашли дѣвочку; она внѣ всякой опасности.

— Ах!

— Она была замкнута в чуланѣ, в верхнем этажѣ Друккеровскаго дома. Мы думали, что она должна находиться гдѣ нибудь здѣсь; вот почему мы и произвели обыск вашего чердака.

Наступило молчаніе, затѣм профессор спросил:

— Что еще вы мнѣ скажете?

— Записная книжка Друккера с выкладками для его послѣдней книги была украдена в день его смерти. Мы нашли эту книжку на чердакѣ вмѣстѣ с пишущей машинкой.

— Он унизился даже до этого! — Это не был вопрос, это было восклицаніе невѣроятности.—Вы уже сдѣлали выводы? Может быть, если бы мои вчерашніе намеки не посѣяли сѣмена подозрѣнія...

— В этом не может быть сомнѣнія,—мягко заявил Ванс. — М р Маркхем намѣрен арестовать м-ра Арнессона, как только тот вернется из университета. Но откровенно сказать вам, сэр, у нас нѣт никаких улик, и м-р Маркхем даже сомнѣвается, поддержит ли его закон.

Ванс задумчиво курил; наконец он заговорил спокойно, но значительно.

— Если бы м р Арнессон убѣдился, что у нас против него несомнѣнная улика, он мог бы, как выход из положенія, совершить самоубійство.

Профессор кивнул головой в знак того, что он соглашается.

В это мгновеніе отворилась дверь и в комнату вошел Арнессон.

— Опять совѣщаніе? — Он вопросительно посмотрѣл на нас.—Развѣ смерть Парди не положила конец дѣлу?

Ванс посмотрѣл ему прямо в глаза.

— Мы нашли „Маленькую мисс Маффет“, м-р Арнессон.

Арнессон поднял брови с веселой ироніей.

— Это шарада? Что же я должен отвѣтить?

— Мы нашли ее в кладовой Друккеровскаго дома,—добавил он ровным, тихим голосом.

Сначала Арнессон нахмурился, но потом рот его медленно расплылся в улыбку.

— Ужасно дѣятельный народ эти полицейскіе. А какой слѣдующій ход?

— Мы нашли также пишущую машинку,—продолжал Ванс, не замѣчая вопроса. — И записную книжку Друккера.

— В самом дѣлѣ? Гдѣ же были эти сказочные предметы?

— На чердакѣ.

— Не могу сказать,—презрительно замѣтил Арнессон, чтобы у вас были неопровержимыя улики против кого бы то ни было. Пишущая машинка может употребляться кѣм угодно. И кто может знать, каким образом книжка Друккера попала на наш чердак?

— И еще есть улика, о которой я не говорил,— сказал Ванс. — Маленькая мисс Маффет может узнать человѣка, который завел ее в дом Друккера и бросил в чулан.

Арнессон долго молчал. Наконец он заговорил.

— А если, все-таки, вы ошибаетесь...

— Увѣряю вас, Арнессон, что я знаю виновнаго.

— Вы положительно пугаете меня. Если бы даже я сам был Епископ, я был бы склонен допустить поражение... Во всяком случаѣ совершенно ясно, что Епископ принес шахматную фигуру в полночь к дверям комнаты миссис Друккер; а я вернулся с Белл домой в половинѣ перваго.

— Так вы говорили. Скажите правду, который был час?

— Я сказал правильно; было половина перваго.

Ванс вздохнул.

— А вы хорошій химик, м-р Арнессон?

— Один из лучших, — усмѣхнулся Арнессон. — Имѣю премію.

— Когда я обыскивал сегодня утром чердак, я

нашел маленькій стѣнной шкафик, в котором кто-то выдѣлял ціан из желѣзносинеродистаго кали.

— Настоящая сокровищница наш чердак. Обиталище бога Локи.

— Дѣйствительно,—серьезно сказал Ванс,—пещера Злого Духа.

Во время этого мрачнаго діалога профессор сидѣл закрыв глаза рукою, как будто от боли. Со скорбным лицом обратился он к человѣку, которому столько лѣт он был отцом.

— Великіе люди, Сигурд, оправдывали самоубійство,—сказал он и грустно вздохнул.—Никто не знает, что происходит в человѣческом сердцѣ в послѣдній темный час.

Я пришел к заключенію, что он вовсе не стремился как можно скорѣй посадить Арнессона в тюрьму. Но я замѣтил, что под его внѣшним спокойствіем скрывается чрезвычайная напряженность.

Конец настал скоро. Послѣ замѣчанія профессора наступило молчаніе. Тогда заговорил Арнессон.

— Вы говорите, м-р Ванс, что вы знаете, кто такой этот Епископ. Если это правда, так зачѣм всѣ эти разговоры?

— Нам некуда торопиться,—почти небрежно сказал Ванс.—И потом я надѣюсь связать кой-какіе концы, удовлетворить уголовных судей, как вам извѣстно, нелегко. Но какой чудесный портвейн.

Арнессон посмотрѣл на наши рюмки и с обиженным видом повернулся к профессору.

— С каких пор я стал трезвенником, сэр?

— Извини, Сигурд. Мнѣ не пришло в голову... ты вѣдь никогда не пьешь по утрам.—Он подошел к шкафу и, налив еще одну рюмку, поставил ее нетвердой рукой перед Арнессоном.

Он не успѣл сѣсть, как Ванс вдруг испустил возглас удивленія.

— Честное слово! Раньше я этого никогда не замѣчал. Поразительно!

Его восклицаніе было так неожиданно и движеніе столь порывисто, что в этой напряженной атмосферѣ

мы невольно всѣ обернулись и посмотрѣли в ту сторону, куда был устремлен его взгляд.

— Дощечка Челлини! — Воскликнул он. — Фонтеблосская нимфа! Мнѣ сказали, что она была уничтожена в семнадцатом вѣкѣ. Я видѣл пару к ней в Луврѣ...

Профессор Диллард посмотрѣл на него из подлобья, на его лицѣ был написан страх.

— Вы выбрали странное время, сэр, для выраженія вашей страсти к искусству,—ехидно замѣтил он.

Ванс, как будто желая скрыть свое замѣшательство, поднес рюмку к губам. Всѣм было не по себѣ, нервы были натянуты, и автоматически повторяя его жест, мы тоже подняли наши рюмки.

Ванс встал, подошел к окну и остановился спиною к комнатѣ. Почти в то же мгновеніе край стола сильно ударил меня в бок, и раздался звон разбитаго стекла.

Я вскочил на ноги и с ужасом увидѣл против себя неподвижное, упрямо смотрящее на меня лицо профессора. Его руки застыли в судорожном движеніи разорвать ворот халата. Всѣ мы были парализованы.

— Боже милосердный! — Изумленное восклицаніе Арнессона разрѣшило напряженіе.

— Позовите доктора, Арнессон,—приказал Маркхем. В ту же минуту грузное тѣло профессора рухнуло на пол. Ванс медленно отвернулся от окна и упал в кресло.

— Ничего нельзя сдѣлать для него, — сказал он с глубоким усталым вздохом. — Он подготовил себѣ быструю, безболѣзненную смерть, перегоняя свой ціанкали. Дѣло Епископа закончено.

Маркхем уставился на него ничего не понимая.

— Я стал подозрѣвать истину со смерти Парди,— продолжал Ванс. — Но увѣренности у меня не было до вчерашняго вечера, когда он стал взваливать преступленія на м-ра Арнессона.

— Что? на меня? — Арнессон отвернулся от телефона.

— О, да, — подтвердил Ванс. — Вы должны

были расплатиться за него. С самаго начала вы были выбраны жертвой. Он старался внушить нам возможность вашей виновности.

Арнессон не был так удивлен, как можно было ожидать.

— Я знал, что профессор ненавидѣл меня, — начал он. — Он ревновал меня к Белл. И он начинал слабѣть умом, что я замѣтил уже нѣсколько мѣсяцев тому назад. Значит он хотѣл меня отправить на электрическій стул!

— Эта опасность вам не угрожала—сказал Ванс.— Я должен извиниться перед вами за мое поведеніе в предыдущіе полчаса. Это было просто тактика. Я заставил его поторопиться.

Арнессон мрачно улыбнулся.

— Не надо извиненій, дружище. Я знал, что вы не в меня мѣтите. А когда вы насѣли на меня, я старался играть в вашем тонѣ. Вот чего я не понимаю: почему он отравился ціанистым каліем если он думал, что вы подозрѣваете меня?

— Этого мы никогда не узнаем, — отвѣтил Ванс. — Может быть он боялся, что дѣвочка признает его, или он догадался, что я открыл его карты. А может быть он вдруг почувствовал отвращеніе при мысли, что он взваливает на ваши плечи страшный конец. Сам он сказал: никто не знает, что происходит в сердцѣ человѣка в его послѣдній темный час.

Глава XXVI.

Хизс предлагает вопрос.

Вторник, 26-го апрѣля; 4 ч. пополудни.

Когда мы уѣзжали из дома Дилларда, я было думал, что дѣло Епископа окончено. Но предстояло еще открытіе, самое изумительное из всѣх фактов, выясненных в этот день.

Послѣ ленча в камеру слѣдователя пришел Хизс и Ванс снова разобрал все дѣло, объясняя нам темныя мѣста.

— Арнессон уже указал мотивы этих безумных преступленій, — начал он. Профессор понимал, что мѣстом его в ученом міръ завладѣвает молодой соперник. Ум его уже потерял силу и остроту. Только при помощи Арнессона мог он выпустить свою книгу о строеніи атома. Интеллектуальная враждебность увеличивалась еще ревностью. В теченіе десяти лѣт на Белл Диллард сосредоточивались всѣ чувства одинокаго холостяка.

— Мотив этот понятен, — сказал Маркхем, — но он не объясняет убійств.

— Мотив этот подѣйствовал на его ненормальную психику. Обдумывая, как погубить Арнессона, он напал на дьявольскую шутку Епископа. Эти убійства дали исход его подавленности.

— Но почему же, — спросил Маркхем, — он просто не убил Арнессона?

— Вы не учитываете психологической ситуаціи. Ум профессора стал разрушаться от постояннаго напряженія. Природа требовала разряда. Пламенная ненависть к Арнессону довела давленіе до взрыва. Таким образом два импульса объединились. Совершая убійства, он ослаблял внутреннее напряженіе и давал выход злобѣ против Арнессона, потому что кара за преступленія возлагалась на Арнессона.

— Но в этом адском планѣ был крупный недостаток, котораго профессор не замѣтил. Дѣло было открыто для психологическаго анализа, и с самаго начала я уже предположил, что преступником должен быть математик. Один Арнессон был в моих глазах внѣ подозрѣній, потому что он всегда сохранял психическое равновѣсіе.

— Это разумно,—согласился Маркхем.—Но откуда же у Дилларда появилась эта фантастическая идея относительно убійств?

— Воспоминанія о „сказках Мамаши Гусыни" вѣроятно возникли у него, когда Арнессон в шутку со-

вѣтовал Робину остерегаться стрѣлы Сперлинга. Возможность инсценировки преступленія скоро представилась. Когда он увидѣл, что Сперлинг переходит через улицу, он знал, что Робин остался один в стрѣлковой комнатѣ. Он спустился вниз, завел с Робином разговор, ударил его по головѣ, воткнул ему в сердце стрѣлу и выволок его на стрѣльбище. Потом он вытер кровь, уничтожил тряпку, опустил свои записки в почтовый ящик на углу, а одну запихнул в ящик для писем, вернулся в библіотеку и позвонил по телефону сюда, в камеру.

— А все же,—вставил Хизс,—вы догадались, что Робин убит не стрѣлою из лука.

— Да. По испорченной выемкѣ на другом концѣ стрѣлы я догадался, что она вбита молотком в сердце Робина. Раз его шутка из „сказок Мамаши Гусыни" удалась, он больше ни о чем не безпокоился.

— Ну, а чѣм вызвано убійство Спригга?

— Послѣ смерти Робина он мог спокойно выбирать матеріал для другого преступленія в духѣ той же сказки. Насчет привычки Спригга гулять по утрам он мог узнать от Арнессона, а может и от самого юноши.

— Но как вы объясняте эпизод с формулой?

— Профессор слышал, как Арнессон говорил о ней со Сприггом и подложил ее под труп, чтобы привлечь вниманіе к Арнессону. Теперь мы подходим к ночному визиту в домѣ Друккера. Легенда о крикѣ миссис Друкер навязала его убійцѣ. Он боялся, что она видѣла, как тѣло Робина было выброшено на стрѣльбище. Чтобы запугать старуху, он подложил ей чернаго епископа.

— Как вы полагаете, у него уже была в то время мысль запутать в это дѣло Парди?

— О, нѣт. Он был искренно удивлен, когда анализ партіи Рубинштейн Парди, сдѣланный Арнессоном, обнаружил тот факт, что епископ уже давно был Немезидой Парди... Что касается убійства Друккера, то сама миссис Друккер внушила ему эту мысль.—Она разсказала о своих воображаемых страхах Белл Диллард, а та передала за обѣдом этот разговор, и план

принял законченную форму. Послѣ обѣда он пошел на чердак и отпечатал свои записки. Вечером он предложил Друккеру прогуляться, зная, что Парди не долго просидит с Арнессоном; когда он увидѣл, Парди на верховой дорожкѣ, он знал, что Арнессон остался один. Как только Парди отошел от них, он ударил Друккера и перебросил его через стѣну. Тотчас же он вышел на Риверсайдскую аллею, перешел 76 ю улицу и пошел в комнату Друккера по той же дорогѣ.

— Вот чего моя голова не переваривает, — пожаловался Хизс,—это почему Диллард убил Парди. Вѣдь это не навлекало подозрѣнія на Арнессона.

— Это поддѣльное самоубійство, сержант, является самой фантастической из шуток профессора. В ней и иронія и презрѣніе; она имѣла ту же цѣль: погибель Арнессона. Дѣйствительно, тѣм фактом, что на сценѣ появился возможный убійца, ослаблялась наша бдительность. Но, как я уже сказал, это проявленіе свирѣпаго шутовства было лишь частичным исходом. Эпизод с „Маленькой мисс Маффет" должен был стать развязкой; все было искусно разсчитано, чтобы обратить громы небесные на Арнессона. Потом он заманил дѣвочку в дом Друккера.

Маркхем молча курил.

— Ты говоришь, что ты убѣдился в виновности Дилларда вчера вечером, когда ты припомнил личность епископа Арнессона...

— Да, да. Именно это было мотивом. В ту минуту я понял ясно, что цѣлью профессора было взвалить всѣ преступленія на Арнессона, и подпись под его записками была выбрана именно с этой цѣлью...

Вдруг Хизс, неожиданно спросил:

— Я хочу знать м-р Ванс, почему, когда вы вскочили и указали на дощечку на каминѣ, вы переставили рюмки Арнессона и профессора?

Ванс глубоко вздохнул и покачал головой.

— Моя мысль была—притвориться, что я согласен с профессором и подозрѣваю Арнессона. Сегодня утром я ему нарочно указал, что вѣдь у нас нѣт улик,

и что, если бы даже и арестовали Арнессона, нам навряд ли удалось бы удержать его. Я знал, что, при таких обстоятельствах профессор начнет дѣйствовать. Так оно и случилось. Профессор, когда наливал Арнессону рюмку, подсыпал туда ціанистаго калія. Это не ускользнуло от меня.

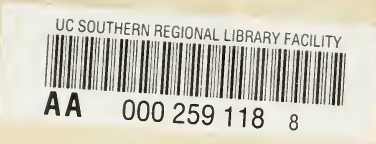
— Но вѣдь это убійство! С негодованіем и ужасом воскликнул Маркхем.

— Ну, конечно,—весело сказал Ванс. — Конечно, убійство... Что же, я может быть арестован?

———

Самоубійство профессора Дилларда, этого злого генія Нью-Іорка, положило конец дѣлу епископа. В слѣдующем году Арнессон и Белл Диллард тихо обвѣнчались и уплыли в Норвегію, гдѣ и поселились навсегда. Старый Диллардовскій дом на 75-й улицѣ срыт и на его мѣстѣ стоит современный дом с квартирами, на фасадѣ котораго красуются два громадных терракотовых медальона, очень похожія на мишени для стрѣльбы из лука. Хотѣл бы я знать, умышленно ли выбрал архитектор эти украшенія?

КОНЕЦ.


UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
AA 000 259 118 8